

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»



ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЕЖЕГОДНИК ИМИ

2015

ВЫПУСК 3 (13)

**МИРОВАЯ ПОЛИТИКА:
СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ**

**Москва
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ
2015**

УДК 327
ББК 66.4
Е 36

Научно-экспертный совет:

*А.В. Торкунов (председатель), В.Б. Кириллов, Е.М. Кожокин, Н.Б. Кузьмина,
А.В. Мальгин, С.А.Орджоникидзе, А.И. Подберезкин, Н.А. Симония, А.А. Токовинин.*

Главный редактор
А.А. Орлов.

Редакционный совет:

*И.М. Бусыгина, В.В. Дегоев, А.А. Казанцев, А.В. Лукин, В.А. Морозов,
А.И. Никитин, Л.С. Окунева, В.В. Попов, В.М. Сергеев, А.В. Федорченко,
С.И. Чернявский, А.Л. Чечевишников.*

Редакторы выпуска: *П.Б. Паршин, А.Л. Чечевишников.*

Ежегодник ИМИ – 2015. Вып. 3 (13). Мировая политика: старые проблемы и новые вызовы / Гл. ред. А.А. Орлов, ред. выпуска: П.Б. Паршин, А.Л. Чечевишников. – Москва: ИМИ МГИМО, 2015. Вып. 3 (13). – 169 С.

Настоящий выпуск «Ежегодника ИМИ» состоит из трех разделов.

Первый раздел включает две статьи. В одной из них предлагается модификация теории социально-политической эволюции государств Д. Норта, предполагающая уточнение понятия «открытого доступа» и введение понятия «постреволюционного режима». В этих терминах анализируется мировая, прежде всего европейская, история и поднимается вопрос о зависимости перспектив эволюции от масштабов государства и соотношении в нем унитарных и федеративных принципов. Вторая статья представляет собой детальный обзор успехов и проблем евразийской интеграции.

Второй раздел, состоящий из четырех статей, целиком посвящен региону Ближнего и Среднего Востока, ситуация в котором, включая внутривосточную борьбу в странах региона и внешнеполитические шаги государственных и негосударственных акторов, начинает оказывать все более серьезное воздействие на развитие всей мировой политики.

В третьем разделе опубликованы статьи и материалы, представленные на научно-практическую конференцию «К новому качеству международной безопасности в цифровую эпоху», прошедшую в МГИМО МИД России 26 мая 2015 года.

ISSN 2410-471X

УДК 327
ББК 66.4
Е 36

©МГИМО МИД России, 2015

Scientific advisory council:

*A. Torkunov (chairman), V. Kirillov, Ye. Kozhokin, N. Kuzmina, A. Malgin, S. Ordzhonikidze,
A. Podberezkin, N. Simoniya, A. Tokovinin.*

Editor-in-chief

A. Orlov.

Editorial board:

*I. Busygina, A. Chechevishnikov, S. Chernyavsky, V. Degoyev,
A. Fedorchenko, A. Kazantsev, A. Lukin, V. Morozov, A. Nikitin,
L. Okuneva, V. Popov, V. Sergeyev.*

Editorial of release:

P. Parshin, A. Chechevishnikov.

The current issue of the “IIS Yearbook“ comprises three sections.

The first section consists of two papers. One of them suggests a modification of D. North’s theory of historical evolution from “natural states” to “open access states”. A new scheme revises the notion of “open access” and introduces a category of “post revolutionary” regimes. In these terms the world, and especially European, history is analyzed, and the question is raised of the dependence of evolutionary prospects on the size of a state and comparative weight of federative and unitary principles of its organization. The second paper is a detailed survey of successes and troubles of Eurasian integration.

The second section includes four papers, devoted entirely to Near and Middle East, where the situation, including internal violent conflicts and foreign policy steps by various actors, is becoming more and more significant for the development of world politics.

The third section contains papers that have been presented at the Conference “Towards a New Quality of International Security in Digital Afe” held at MGIMO-University on May 26, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	6
<i>В.М. Сергеев.</i> Исключительность и универсальность практик свободы и принципов открытого доступа	6
<i>К.П. Боришполец, С.И. Чернявский.</i> Содружество Независимых Государств и задачи евразийской интеграции	14
ЛИХОРАДОЧНЫЙ ПУЛЬС БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	34
<i>А.А. Казанцев.</i> Центральная Азия: комплексный кризис и сценарии будущего	34
<i>А.В. Крылов, А.В. Федорченко.</i> Ближний Восток: перспективы развития региональной ситуации	56
<i>Ю.С. Кудряшова.</i> О проявлении неоосманских амбиций в современной региональной политике Турции	84
<i>В.В. Попов.</i> Выживет ли христианство на Ближнем Востоке?	92
К НОВОМУ КАЧЕСТВУ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ)	99
<i>А.В. Крутских.</i> Предисловие к разделу	99
<i>А.В. Бирюков.</i> К вопросу о влиянии научно-технического прогресса на международные отношения в цифровую эпоху	103
<i>Е.С. Зиновьева.</i> Вызовы и риски глобального информационного общества	116
<i>И.Н. Кохтюлина.</i> Международная информационная безопасность: основные угрозы	128
<i>Е.С. Ларина, В.С. Овчинский.</i> Новая военная стратегия США и поведенческие войны	136
<i>Е.А. Роговский.</i> Глобальные амбиции США в цифровую эпоху	144
<i>А.И. Смирнов.</i> Мегатренды информационной глобализации	157

CONTENTS

SOCIOPOLITICAL DEVELOPMENT VIS-À-VIS INTERNATIONAL RELATIONS: HISTORICAL TRACK AND CONTEMPORARY SITUATION	6
<i>Victor Sergeyev</i> . Uniqueness and Universality of Freedom Practices and the Principles of Open Access	6
<i>Ksenia P. Borishpolets, Stanislav Chernyavsky</i> . The Commonwealth of Independent States and the Problems of Eurasian Integration	14
THE FEVERISH PULSE OF NEAR AND MIDDLE EAST	34
<i>Andrey Kazantsev</i> . Central Asia: A Comprehensive Crisis and Scenarios for the Future	34
<i>Alexander Krylov, Andrey Fedorchenko</i> . The Regional Situation in the Middle East: Current State and Prospects for Development	56
<i>Yulia Kudryashova</i> . Manifestations of Neosmanist Ambitions in Contemporary Regional Policy of Turkey	84
<i>Veniamin Popov</i> . Will Christianity Survive in the Middle East?	92
TOWARDS A NEW QUALITY OF INTERNATIONAL SECURITY IN DIGITAL AGE. PROCEEDINGS OF THE CONFERENCE	99
Foreword	
By <i>Andrey Krutskih</i> , Special Representative of the President of Russia for international cooperation in the field of information security, Ambassador-at-Large, PhD in History ...	99
<i>Alexey Biryukov</i> . Remarks on the Impact of Science and Technology Progress on International Relations in Digital Era	103
<i>Elena Zinovieva</i> . Challenges and Threats of the Global Information Society	116
<i>Irina Kokhtyulina</i> . International Information Security: The Main Threats	128
<i>Elena Larina, Vladimir Ovchinsky</i> . The New US Military Strategy and Behavioral Wars	136
<i>Evgenii Rogovskii</i> . US Global Ambitions in Digital Age	144
<i>Anatoly Smirnov</i> . Megatrends of the Information Globalization	157

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.М. СЕРГЕЕВ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРАКТИК СВОБОДЫ И ПРИНЦИПОВ ОТКРЫТОГО ДОСТУПА

*Сергеев Виктор Михайлович, д.и.н, к.ф.-м.н.,
директор Центра глобальных проблем ИМИ,
профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: laris-pulena@rambler.ru*

Аннотация

В работе предлагается новая версия классификации политических режимов, впервые сформулированной Д. Нортон. Основным отличием предлагаемой схемы от классификации Д. Норта, основанной на политэкономическом анализе, является введение нового члена классификации – «постреволюционных режимов».

Показано, что европейская история – это история постепенного распространения «расширенного порядка» с Запада Европы на Восток в условиях существования некоей разделительной линии, или промежуточной зоны, внутри которой реализуются «постреволюционные режимы».

Ключевые слова: *социокультурные параметры развития обществ, естественное государство, общество/государство открытого доступа, общество/государство расширенного доступа, постреволюционное общество, социально-политическое и экономическое развитие Европы, динамика мир-экономик.*

Разработанная Стейном Рокканом концептуальная карта Европы [10; см. также 11] ясным образом – аналитически и визуально – не только представляет структуру этой части света, но и раскрывает исключительность как ее отдельных частей, так и всего европейского «телосложения» конституции Европы. Действительно, политическая и экономическая структуры этого континента весьма удивительны и сильно отличаются от аналогичных структур других континентов земного шара.

Для анализа изменений, происходивших на европейском континенте, нужна какая-то разумная классификация состояний обществ, так сказать, «социальных режимов». Хорошо известны многочисленные попытки осуществить такую классификацию, используя стадийные представления. Такова, в частности, марксистская стадийная классификация, но историческая эволюция крайне плохо укладывается в стадийную по причине «неэргодичности» социальных систем, а именно – вследствие возможности постоянных принципиально новых изменений, которые невозможно предугадать [8].

Кроме того, основания для классификации не удается, как правило, сделать универсальными, так как в условиях значительной постоянной неопределенности любые постоянные основания классификации имеют тенденцию терять свое значение. Фактически приходится признать, что развитие различных регионов мира имеет свою собственную динамику, и определяется эта динамика социокультурными параметрами, так как социокультурные параметры меняются значительно медленнее политических и экономических параметров. В качестве примера можно привести Японию, в которой за последние 100–150 лет произошли драматические политические и экономические изменения, тогда как социокультурный код практически не поменялся [2].

Попытки ввести индикаторы развития не приводят к успеху, так как имплицитно предполагается, что эти индикаторы являются универсальными. Но что общего в развитии Северной Европы, Центральной Африки, Латинской Америки и Китая? Модели глобализации также оказываются неработающими, так как не улавливают культурную специфику регионов.

В последние годы были сделаны попытки понять институциональные причины эволюции государств [7; 8; 9) и построить классификатор, «заглубив» для этого модели описания [4] и противопоставив «естественное государство» обществам «открытого доступа». Суть этой классификации сводится к определению способов контроля над насилием в обществе. Так как это один из важнейших социокультурных параметров, то временной интервал, на котором работает эта классификация оказывается значительным – порядка тысяч лет.

«Естественное государство», согласно [4], – это государство, в котором насилие сдерживается благодаря соглашению между элитами общества (при этом роль масс в сдерживании насилия может быть достаточно мала). В отличие от него государство «открытого доступа» предполагает, что «1) консолидированная организация военных и полицейских сил подчинена контролю политической системы; 2) политическая система должна быть ограничена набором институтов и стимулов, ограничивающих нелегитимное применение насилия; 3) для того, чтобы политическая фракция или партия оставалась у власти, она должна обладать поддержкой широко определенных экономических и общественных интересов». [4, с. 69].

На наш взгляд, это определение несколько ущербно. Современные государства научились достаточно хорошо манипулировать выборами и использовать судебную систему для организации нелегитимного насилия. Причем эти явления чрезвычайно широко распространены, и говорить об «открытом доступе» в этом случае трудно (подробнее см. [5]). Поэтому я предпочитаю говорить о государстве «расширенного доступа», так как настоящий «открытый доступ» можно наблюдать в действительности только в полудюжине североевропейских государств.

Второе изменение, предлагаемое мною для внесения в систему классификации из [4], состоит в том, что в нее вносится третий член, а именно – «постреволюционные государства», в которых в результате обострения социальных отношений необходимость бороться с хаосом приводит к установлению тотальной диктатуры, то есть к подавлению с помощью насилия всех групп общества с опорой на массы (которые в свою очередь подвергаются выборочным репрессиям). Примеров таких обществ множество, начиная с Римской империи. К ним относятся, в частности, постреволюционная Россия и постреволюционный Китай.

Ниже мы попытаемся описать историческую эволюцию Европы, используя трехчленную классификацию: «естественные государства» – «постреволюционные государства» – «государства расширенного доступа». Такое усовершенствование модели Норта, Уоллиса и Вайнгаста дает возможность описать постреволюционные казусы Франции, России, Испании, Центральной Европы, Германии. Используя эту классификацию, мы покажем, как, начиная с XVII века, по Европе распространяется волна революционных изменений, приводящих к доминированию «расширенного доступа». Такая «заглубленная» классификация государств – именно государств, а не режимов – дает, по нашему мнению, не только более адекватную картину исторической эволюции Европы, но и позволяет пояснить ряд ключевых вопросов, связанных с оценкой современной ситуации. Тот факт, что в ее основе лежит структура отношений между элитами и, так сказать, «структура насилия», позволяет значительно расширить временные рамки ее действия – примерно до 10–12 тысяч

лет. Она позволяет подойти к ответу на вопросы, на которые раньше трудно было ответить в силу чрезмерной дробности классификаций. Еще одним достоинством предлагаемой классификации является то, что она позволяет обойти вопрос о роли цивилизационных различий, дискуссионный в принципе и особенно болезненный в случае исследования границ между цивилизациями (проблемы так называемого лимитрофа) – ср., в частности, отмеченный В.Л. Цымбурским [6] феномен «восточно-европейского лимитрофа», который после двухсот лет отсутствия на европейской исторической сцене с такой силой проявился в последние годы.

МЕНЯЮЩИЕСЯ КОНТУРЫ ЕВРОПЫ И ЕЕ НЕИЗМЕННАЯ КОНСТИТУЦИЯ

На протяжении последнего тысячелетия в Европе не один раз резко менялись соотношения в уровне развития ее различных частей. Если посмотреть на тысячу лет назад, то мы увидим значительную разницу между юго-востоком Европы, где доминировала Византийская империя с ее высокоразвитой цивилизацией, и остальной Европой, за исключением Италии (которая находилась под сильным влиянием Византии). Север, запад и юго-запад Европы представлял собой множество полуоформившихся варварских королевств, в отдельных центрах которых можно было найти очаги цивилизации. Что касается северо-востока Европы, то он только-только выходил из догосударственного состояния и понемногу начинал приобщаться к ценностям христианской религии.

Уже к XIII веку ситуация радикально изменилась: в Италии, Франции, Англии и Германии начался Проторенессанс (или Предвозрождение). Византия, после разгрома её столицы крестоносцами в 1204 году, сильно деградировала. Скандинавия оставалась периферией, европейский Северо-Восток подвергался медленному воздействию христианизации. Понемногу выходили из застойного состояния государства Иберийского полуострова, которые вели ожесточенную борьбу с арабами и берберами. Европейские государства и предгосударства этого периода представляли собой «естественные государства».

Ещё через два столетия структура Европы опять существенно меняется – окончательно исчезает Византия, завоеванная турками, которые овладевают большей частью юго-восточной Европы. В связи с завершением Реконквисты и Великих географических открытий происходит расцвет культуры в Испании и Португалии. Италия становится центром Ренессанса, достижениями которого пользуются Англия, Франция и Германия. И в этот момент начинается формирование «государств расширенного доступа» в Северной Италии и на территории Бургундского герцогства.

Проходит ещё 200 лет, в течение которых центр экономической активности совершает движение вокруг западной части континента, перемещаясь последовательно из Венеции в Лиссабон, затем – в Антверпен, затем – в Амстердам [3]. Расширение торговли вызывает необходимость изменения «структуры насилия», что особенно хорошо видно на примере Венеции, а также некоторых городов в Нидерландах. Насилие ставится под «общественный контроль» городскими властями. При этом следует заметить, что в остальной части Северной Италии нелегитимное насилие процветает.

С этого момента, согласно [4], в Европе начинают формироваться порядки «расширенного доступа». В течение 100 лет происходит короткий расцвет Нидерландов, затем экономический центр перемещается в Лондон [1]. Ослабевают государства Иберийского полуострова, по-прежнему контролируемые при этом огромные территории в Америке и Африке.

Начинается эпоха доминирования европейского Северо-Запада. Мировыми державами в XVIII столетии становятся Англия и Франция, ставшие на путь построения «государств расширенного доступа», и набирающая силу, но остающаяся «естественным государством» Пруссия. Австрия и Польша, истощенные длительными войнами с Османской империей, понемногу теряют силы, а Польша в конце XVIII века и вовсе исчезает с европейской карты, будучи разделена между Россией, Австрией и Пруссией.

Сначала XVIII века начинает подниматься Россия, разгромившая недолгосуществовавшую балтийскую империю шведов и освоившая огромные пустынные территории на Востоке. В этот период на западе Европы начинаются социальные трансформации, которые через 200 лет приведут к распространению «расширенного порядка» в Европе.

XIX век начинается с наполеоновских войн и после краткого периода доминирования Франции приводит в результате Венского конгресса к гегемонии пяти держав Европы: Англии, Франции, Пруссии, Австро-Венгрии и России, образовавших «европейский концерт». В связи с распространением идей демократии и свободной торговли начинает изменяться и характер «естественного государства».

Но «концерт» оказался недолговечным – война 1870 г. между Пруссией и Францией, закончившаяся поражением Франции, объединением Германии и провозглашением Германской империи, полностью перекраивает европейскую политику. Возникает два блока – «тройственный союз» в составе Германской империи, Австро-Венгрии и Италии и противостоящий ему франко-русский союз, который впоследствии расширяется за счет Великобритании, а из «тройственного союза» выходит Италия, но зато добавляется Османская империя.

Блоковая политика в Европе приводит к Первой мировой войне, результатом которой является гибель четырех империй в Европе: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской.

Эта война была концом мирового доминирования европейских держав. В глобальной игре все активнее участвуют (включились в нее еще в конце XIX века) США и Япония. Возникшее глобальное противостояние разрешилось Второй мировой войной, результатом которой стал раздел Германии, исчезновение британской и французской колониальных империй и формирование структур биполярного мира, в котором центральным конфликтом было противостояние между США и СССР.

Распад СССР в 1991 г. явился гигантским геополитическим катаклизмом, приведшим к формированию однополярного мира. Роль Европы в этом новом миропорядке, несмотря на образование Европейского Союза, оказалась достаточно мала.

ДИНАМИКА «МИРОВ-ЭКОНОМИК»

Теперь посмотрим на события европейской истории с иной точки зрения, а именно в аспекте экономического развития. Первые центры «миров-экономик», согласно Ф. Броделю, располагались на юге Европы (Венеция, Лиссабон). Затем центры «миров-экономик» переместились на север Европы, последовательно в Антверпен, Амстердам, Лондон. Уже начиная с Амстердама «мир-экономика» глобализуется. Амстердам стал центром не только европейской, но и мировой торговли, а начиная с XVIII века Лондон становится не только центром торговли, но и крупнейшим банковским центром (хотя эта тенденция существовала уже и в Амстердаме, и, кроме того, Амстердам стал крупнейшим биржевым центром Европы). Но, начиная с Лондона, глобальное развитие «мира-экономики» стало сопровождаться концентрацией военной и политической мощи, и уже в XIX веке Британия стала «хозяйкой полумира». Заметим, что такая трансформация вызвала жесточайшее сопротивление на континенте, свидетельством чему стали наполеоновские войны. Центром такого сопротивления стала вторая по мощи европейская держава – Франция, которая после поражения в наполеоновских войнах присоединилась к «британскому экономическому кластеру». К концу XIX века Франция в экономическом отношении казалась не только частью экономического кластера с центром в Великобритании, но и политически вслед за Великобританией и в споре с нею продвигала порядки парламентаризма, а также создала свою обширную колониальную империю. Интересно заметить, что формирование политических блоков в Европе конца XIX века – начала XX века произошло следующим образом: передовой экономической кластер (Франция, Великобритания) объединяется с Россией, находящейся в состоянии быстрого экономического развития, но для этого нуждающейся в инвестициях, которые и обеспечивали ресурсы ведущего экономического кластера и которые не могли быть обеспечены ни Берлином, ни Венной – им с очевидностью не хватало ресурсов для развития Центральной Европы.

В результате поражения Германии и Австро-Венгрии, а также произошедшей в России революции, возникла новая конфигурация сил: Франция и Великобритания оказались истощенными войной, а Германия, Италия и Япония, опираясь на подъем национализма и тоталитарную политику, образовали коалицию, ставящую под вопрос гегемонию «старой Европы».

Следует отметить сходство политического устройства Германии перед Первой мировой войной и наполеоновской Франции: высокая степень централизации политической власти, сосредоточенной в руках одного лица, при наличии (во многом формальных) парламентских институтов, и прямое подчинение армии этому лицу – императору. Попытка изменить политическую систему в Германии после поражения в Первой мировой войне провалилась, закончившись созданием тоталитарной диктатуры.

Если рассматривать ядро «мира-экономики» после Первой мировой войны как экономику «расширенного порядка» (Ф. Хайек) или как систему государств расширенного доступа в противовес «естественным государствам», то конфигурация 1914 г. сохранялась и в 1939 г., а после нападения Германии на СССР воспроизвелась почти полностью, с учетом присоединения США к союзникам.

Заметим, что политические системы противостоящих сторон повторяли политическую ситуацию 1914 г. (с тем отличием, что царский режим в России был замещен диктатурой Сталина, воспроизводившей многие черты царского самодержавия), а в Японии действовала конституция 1891 г., которая была написана по образцу конституции германской империи (слабый парламент, непосредственное подчинение армии и флота императору, неподчиненность правительства парламенту).

Как эти общеизвестные вещи интерпретируются в рамках концепции открытого доступа?

Разгром Германии, Италии и Японии во Второй мировой войне привел к радикальным политическим изменениям в этих странах. Германия была разделена, а западная часть, оккупированная США, Англией и Францией, федерализована и трансформировалась в парламентскую республику (этот режим был распространен на ГДР после падения Берлинской стены). Подобная трансформация произошла и с Японией, также оставшейся под американской оккупацией. Конституция Японии, ставшей парламентской монархией по образцу Великобритании, была написана американцами. В результате после победы во Второй мировой войне произошло существенное увеличение мощи кластера «расширенного доступа».

По прошествии 45 лет противостояния в «холодной войне» к миру «расширенного доступа» присоединилась очередная порция государств, но при этом адекватно реализовать этот «расширенный порядок» у себя смогли далеко не все новые члены НАТО и ЕС. В России же и ряде постсоветских государств сложилась совершенно особая ситуация. Конституция 1993 г. воспроизвела уже известные образцы Германии и Японии с той разницей, что место императора занял президент, рассматривающийся не как ветвь власти, а как арбитр между властями и потому «стоящий над ними». Слабый парламент, подчинение силового блока президенту – все это тоже было воспроизведено, и через 25 лет после распада СССР началось новое противостояние Западного альянса и России. На этот раз за спиной у России быстро росло экономическое и политическое могущество новой силы – Китая, который, ещё не достигнув равной с США мощи, проводит очень осторожную политику.

Посмотрим на историческую ситуацию, так сказать, с высоты птичьего полета. Мы увидим распространение режима «расширенного доступа» в Европе с Запада на Восток, сопровождающееся войнами на территории контакта между «естественными государствами» и государствами «расширенного доступа», сопровождаемыми сменой политических режимов. В настоящее время этот процесс «споткнулся» об Украину. В предыдущем анализе мы опустили одну фазу – тоталитарный националистический режим в Германии в 1933–1945 гг. Эта фаза и начинает воспроизводиться сейчас на Украине, но встречает сильное сопротивление на Востоке страны. Россия же не дозрела до расширенного доступа, как и Китай, а также ряд стран в Восточной Европе. На разделяющей линии снова обостряется напряжение. Неоднородная по уровню политического и экономического развития Украина раскалывается на части.

Попробуем объяснить происходившие события с помощью предложенной трехчленной модели. Первое государство в Европе, которое стало отходить от модели «естественного государства» – это Нидерланды. В XVII веке создание Нидерландами обширной морской империи вызвало взрывное развитие торговли и промышленности, повлияв на социальную ситуацию в Англии, где основы «естественного государства» оказались поколебленными. После революции 1642 г. и короткого периода парламентского правления настал период

постреволюционной диктатуры. Основы «естественного государства» во главе с монархом были сильно ослаблены. Диктатура Кромвеля уже не была «естественным государством», насилие осуществлялось в отношении всех социальных групп общества.

Необходимо заметить, что впервые в истории такая модель возникла в Риме после падения Республики и прихода к власти Цезаря. Впоследствии в европейской истории цезаристская модель будет неоднократно повторяться – каждый раз после сильнейших социальных потрясений. Это то, что мы назовём постреволюционной моделью общества. Постреволюционная модель, как правило, очень сильно идеологизирована. Необходимость постреволюционной модели обусловлена хаосом в обществе, вызванным сломом привычного социального порядка. После достаточно короткого (до нескольких десятилетий) периода господства постреволюционной модели общество либо возвращается к модели «естественного государства», либо переходит к модели «расширенного доступа».

В Англии в 1660 г. произошел возврат к модели «естественного государства», которое, однако, не устроило сложившуюся после революции конфигурацию общественных сил, что и вызвало в 1678 г. «Славную революцию», импортированную из Нидерландов вместе с Вильгельмом Третьим. Войны между Англией и Нидерландами прекратились, образовался протокластер «расширенного порядка» в составе Англии и Нидерландов. Примерно через столетие конкуренция между англо-голландским кластером и Францией и ряд поражений Франции, приведших к потере ею колоний в Америке и Индии, вызвал революционный взрыв во Франции. Высвобождение новых социальных сил привело к мощной экспансии Франции и периоду наполеоновских войн, вместе с установлением постреволюционного режима. Разгром этого режима, в котором существенную роль сыграла Россия, привел к восстановлению «естественного государства» во Франции, которой для перехода к государству «расширенного доступа» потребовалась целая серия революций. Поражение Франции в войне с Германией привело к образованию Германской империи – все еще «естественного государства». Поражение этого государства в Первой мировой войне инициировало революцию не только в Германии, но и в России. Но победа революции в России, Германии и Турции не привела к созданию в этих странах государства «расширенного порядка», а создала типичные постреволюционные режимы. Понадобилась ещё одна чрезвычайно жестокая война, чтобы государство «расширенного доступа» было создано в Германии.

В СССР же продолжал господствовать постреволюционный режим. Революционные события 1991 г., казалось бы, должны были привести к образованию государства «расширенного порядка» в России, но политика Ельцина после нескольких лет бесплодных усилий привела лишь к восстановлению «естественного государства». Не удалась попытка построить государство «расширенного доступа» и в странах вновь возникшего лимитрофа – Молдавии, Украине, Белоруссии, балтийских государствах. Часть из них вернулась в состояние «естественного государства» (страны Балтии, Молдавия, Белоруссия), а на Украине произошел революционный взрыв, приведший к образованию типичного постреволюционного государства.

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОРЯДКОВ

Попробуем более подробно рассмотреть обоснование набросанной выше схемы. Согласно Д. Норту, «естественное государство» – это государство, в котором осуществляется господство традиционных элит, делящих между собой властные полномочия во избежание роста насилия в обществе. В период революции это господство оказывается поколебленным, и к власти может прийти контрэлита, созданная в борьбе с традиционными элитами, – прежде всего, из-за нежелания последних делиться властью. Новые элиты возникают в связи с развитием социальных инноваций. В случае, когда борьба между новыми и старыми элитами приводит к разрушению государственной структуры, возникает потребность в восстановлении порядка, и формируется цезаристский постреволюционный режим, причём жесткость этого режима может варьировать от тоталитарной диктатуры (природа которой также может быть весьма различна, ср. националистические тоталитарные режимы в Германии и в Италии 1920–30-х гг.) до сравнительно мягких форм латиноамериканских

диктатур и современного режима на Украине. Таким образом, постреволюционное государство (хорошим примером которого является правление Кемаля Ататюрка в Турции) является переходной формой от «естественного государства» к «государству расширенного порядка». В России 1990-х гг. правление Б.Н. Ельцина фактически продолжило традицию распадающегося постреволюционного режима. С приходом к власти В.В. Путина начался возврат к «естественному государству».

Формирование блока БРИКС фактически представляет собой оформление противостояния «естественных государств» с «государствами расширенного доступа», чем и объясняется ожесточенная политическая полемика последних лет. Следует обратить внимание на формы постреволюционного государства. В принципе постреволюционное государство имеет двойственную природу: оно может возвратиться к «естественному государству» или же превратиться в государство «расширенного доступа». Постреволюционное государство как бы ощупывает пространство социальных возможностей, иногда декларируя крайне радикальные социальные идеи, от которых в конце концов приходится отказываться. Процесс отказа от радикальных идей (в отсутствии внешнего вмешательства) иногда затягивается на десятилетия – Россия после 1917 г. и Испания после 1939 г. тому примеры. Часто распад постреволюционного государства принимает форму мимикрии «естественного государства» под формы «государства расширенного доступа» (страны-лимитрофы). Следует отметить, что и «государства расширенного доступа» далеко не сразу окончательно оформляют этот социальный порядок. Такая, казалось бы, классическая страна «расширенного доступа», как США сохраняет многие черты «естественного государства» (господство традиционных элит, мягкий, но уверенный контроль над СМИ).

* * *

Мне представляется, что предложенная модель эволюции мирового порядка, при всей её фрагментарности, всё же обладает значительной объяснительной силой и некоторым прогностическим потенциалом. В конце концов, мы живём в эпоху перехода от сообщества «естественных государств» к сообществу «государств расширенного доступа». Иными словами, в период господства постреволюционной модели. Именно этим и объясняется двойственность современной политики. Она заложена в дуализме постреволюционной модели, отмеченной постоянными колебаниями постреволюционных обществ в вопросе о том, по какому пути им пойти: к обществу «расширенного доступа» или назад к «естественному государству». При этом стран «расширенного доступа» в мире не слишком много (в основном это общества Северной Европы, Скандинавия, Швейцария, Австрия, большинство крупных европейских стран – Германия, Франция, Великобритания, Испания, а также США, Австралия и Новая Зеландия), но и они в той или иной степени все еще сохраняют в себе отдельные черты «естественного государства». Возможно, сохранение этих черт – это отчасти следствие размеров страны. Очень сложно контролировать большую территорию, не опираясь на традиционные элиты.

Замечательными примерами государств «расширенного доступа» служат Швейцария и Австрия, и интересно заметить, что оба государства – федерации, несмотря на их небольшие размеры и малую численность населения. Федеративная форма позволяет в максимальной степени учитывать разнообразие интересов различных групп населения, и не случайно в постреволюционных государствах во многих случаях идет тяжелая борьба между унитаристами и федералистами. Тенденция к распространению автономизации в Европе, даже в странах формально унитарных, таких как Италия и Испания, свидетельствует о том, что расширенный доступ настоятельно требует большей автономии частей государства: вывод, с которым, наверное, согласился бы Роккан.

UNIQUENESS AND UNIVERSALITY OF FREEDOM PRACTICES AND THE PRINCIPLES OF OPEN ACCESS

*Victor Sergeyev, PhD. (History and Mathematics), Director,
Centre for Global Problems, IIS, MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: laris-pulena@rambler.ru*

Summary

The author suggests a new version of the typology of political regimes originally formulated by D. North. The main distinction of the proposed taxonomy from that of North, which is based on politico-economical analysis, is the introduction of a new element of classification, namely, “post-revolutionary” regimes.

The paper treats European history as a process of gradual spreading of “extended access order” from West to East of Europe under a condition of existence of an intermediate zone within which “post-revolutionary regimes” are realized.

Key Words: *cultural parameters of social development, natural order state, open access society/state, extended access society/state, post-revolutionary society, socio-political and economic development of Europe, dynamics of world-economies.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. – М., 2006.
2. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. Модели японской культуры. – М., 2007.
3. *Бродель Ф.* Время мира. – М., 1982.
4. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. – 2011.
5. *Сергеев В.М.* Народовластие на службе элит. – М., 2013.
6. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. – М., 2007.
7. *Greif A.* Institutions and the Path to Modern Economy. – N.Y., 2006.
8. *North D.* Understanding the Process of Economic Change. – Princeton, 2005
9. *North D., Weingast B.* 1989. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // *The Journal of Economic History*, vol. 49 (1989), № 4, pp. 803–832.
10. *Rokkan S., Urwin D.W.* Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries. – L., Beverly Hills, 1983.
11. *Tilly Ch.* Stein Rokkan’s Conceptual Map Of Europe. University Of Michigan. Center For Research on Social Organization. CRSO Working Paper, February 1981, № 229. URL: Deepblue.Lib.Umich.Edu/Bitstream/Handle/2027.42/51003/229.Pdf?Sequence=1

К.П. БОРИШПОЛЕЦ, С.И. ЧЕРНЯВСКИЙ

СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
И ЗАДАЧИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

*Боришполец Ксения Петровна, к. полит. н., ведущий научный сотрудник
Центра постсоветских исследований ИМИ, профессор кафедры
мировых политических процессов МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: oksabor@mgimo.ru*

*Чернявский Станислав Иванович, д.и.н., директор Центра
постсоветских исследований ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.*

Аннотация

Обстановка на сопредельных с Россией территориях характеризуется повышенной турбулентностью в сфере международного взаимодействия. Тенденции динамичного «перемешивания» позитивных и негативных (с точки зрения международной безопасности и устойчивого экономического роста) явлений, углубление международного сотрудничества на фоне нарастания международной конкуренции привели в 2014–2015 гг. к формированию особенной амальгамы традиционных, новых и новейших направлений развития России и стран ее ближайшего окружения. В контексте интеграционных процессов на евразийском пространстве многостороннее сотрудничество в формате СНГ и ЕАЭС предполагает консолидацию усилий всех участников для реализации общих целей. Что касается России, то ее региональное лидерство равнозначно способности служить эталоном для типологически близких стран. Первоочередным и важнейшим условием сохранения влияния России как на страны СНГ, так и на мировое сообщество в целом, является образцовое решение проблем собственного развития с учетом необходимого противодействия внешним вызовам.

Ключевые слова: *Россия, СНГ, Евразийский Экономический Союз, евразийская интеграция, международное сотрудничество.*

Если отвлечься от радикально положительных и столь же радикально критических суждений, необходимо признать, что обстановка на сопредельных с Россией территориях характеризуется повышенной турбулентностью в сфере международного взаимодействия. Тенденции динамичного «перемешивания» позитивных и негативных (с точки зрения международной безопасности и устойчивого экономического роста) явлений, углубление международного сотрудничества на фоне нарастания международной конкуренции уже

несколько лет как стали неотъемлемой чертой постсоветского пространства. Но, пожалуй, только с минувшего, 2014-го, года стала формироваться особенная амальгама традиционных, новых и новейших направлений развития России и стран ее ближайшего окружения. Актуальным изменениям на других направлениях мирового развития посвящено ряд работ экспертов ИМИ МГИМО [1; 3; 4; 6; 9;11].

Турбулентность заметно усилилась прежде всего под воздействием экономического и политического влияния ведущих современных центров силы – США, Евросоюза и Китая. На европейском фланге СНГ это влияние отмечено активизацией и фактическим крахом программы «Восточное партнерство», ориентированной на окончательный отрыв Украины, Молдавии и Грузии от России. Повышению градуса напряженности в значительной степени способствовала и жесткая антироссийская линия США. Активными проводниками политики Вашингтона стали Польша и государства Балтии. Ушли в прошлое и бывшие пропагандистские рассуждения о миролюбии НАТО [5]. Принятие широкого спектра антироссийских санкций и воинственные заявления руководителей США различного уровня, согласованная антироссийская линия членов ЕС – всё это обновило разграничительные линии и тревожную атмосферу периода «холодной войны». Формировавшиеся десятилетиями механизмы профилактики военных конфликтов в Европе оказались ослаблены.

На центральноазиатском «фланге» факторы повышения турбулентности международного взаимодействия определяются прежде всего нарастанием вызовов, связанных с обстановкой в Афганистане, рисками проекции террористических, экстремистских и наркотических угроз, исходящих с афганской территории на такие страны, как Таджикистан, Узбекистан и Киргизия. Нарастают, причем для всех без исключения центральноазиатских государств, и риски, обусловленные подпольной религиозной пропагандой, рекрутированием молодежи для участия в боевых действиях на стороне радикальных исламистов в Сирии, Ираке и других «горячих точках».

Недружественными по отношению к интеграционной политике России являются и высказывания многих деятелей, участвующих в проведении курса США и ЕС на центральноазиатском направлении.

Тем не менее имеются и признаки позитивного развития региональной ситуации. В частности, начато осуществление китайской стратегии «Экономического пояса Шелкового пути», предусматривающей создание транзитного коридора в Европу через центральноазиатские государства. Этот проект, дополняющий экономическое сотрудничество по линии ШОС и не противоречащий интеграционным процессам в формате ТС/ЕЭП и Евразийского экономического союза, предполагает не просто расширение участия китайской стороны в строительстве региональной экономики, но и повышение уровня политического сотрудничества с Россией, центральноазиатскими странами, многосторонними структурами в юго-восточной части пространства СНГ.

СНГ В ТОЧКЕ БИФУРКАЦИИ

Резкое ухудшение обстановки вокруг Украины внесло коррективы в деятельность региональных международных организаций, членом которых является Россия. В наибольшей степени это коснулось Содружества Независимых Государств. Полная отстраненность российских партнеров по СНГ от каких-либо оценок кровавой бойни в Южной Осетии в августе 2008 г. показала, что в трудную минуту они вовсе не обязательно поддержат Россию. События 2014–2015 гг. на Украине лишь подтвердили, что любые, самые фантастические, сценарии развития постсоветского пространства не исключены.

Выход Украины, а также последующий вполне вероятный уход Молдавии нанесут Содружеству серьезный удар. В настоящее время оно достигло точки бифуркации.

Организация в целом выполнила поставленные ее «архитекторами» задачи. Созданная напех в 1991 г. в качестве своего рода амортизатора развала Советского Союза, реализованного правящими структурами как Центра, так и союзных республик, она облегчила раздел совместного имущества. Однако СНГ не стало, да и не могло стать полноценным связующим звеном между ее членами. Огромная разница в промышленном, человеческом и территориальном потенциалах союзных республик с Россией требовала особых подходов

к формированию обновленного экономического союза. Но подобного желания не проявили ни Россия, ни ее партнеры.

Надежды на то, что лидеры новых государств не смогут адекватно справиться с утверждением своего суверенитета и «приползут» к России, не оправдались. Несмотря на резкое ослабление или полный развал межреспубликанских хозяйственных связей, страны СНГ быстро адаптировались к самостоятельному существованию. Процесс суверенизации приобрел необратимый характер. Поскольку в основе самоидентификации лежит, как правило, националистическая идея, независимость государства воспринималась прежде всего как свобода от России. В большинстве новых независимых государств пропаганда русофобии привела к серьезным искажениям не только советского, но и российского прошлого. В практическом плане русофобия вылилась в насильственное выселение русских из бывших союзных республик.

Такая позиция лидеров отразилась и на работе уставных органов СНГ. Реакция на любые предложения России о передаче странами-участницами части своих полномочий в рамках СНГ даже не наднациональным, а межгосударственным органам была, как правило, отрицательной. Подавляющее большинство совместно принятых решений содержит ремарку одной из стран – «принято с особым мнением» или «принято с оговоркой».

В рамках Содружества не удалось сформировать общего экономического пространства на базе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Объемы и темпы роста инвестиций оказались недостаточными для обеспечения устойчивого роста экономики в долгосрочной перспективе. Весьма низкими оказались затраты на инновации, вследствие чего многие выпускаемые товары неконкурентоспособны на мировом рынке. Проведение взаимо-согласованных институциональных и структурных реформ в целях совершенствования рыночных инфраструктуры и механизмов практически саботировалось.

На развитие экономического взаимодействия государств – участников СНГ влияли как объективные, так и субъективные факторы. Среди факторов общего характера:

- различия по экономическому потенциалу, структуре экономики, уровню экономического развития и благосостояния населения;
- различия в характере и масштабах рыночных преобразований;
- разнотемпный характер интеграционных процессов;
- невыполнение отдельными государствами принятых в рамках СНГ обязательств.

Кроме того, на экономическое взаимодействие оказывают влияние:

- высокий уровень энерго- и материалоемкости производства;
- критический износ основных фондов, в первую очередь в базовых отраслях экономики;
- большая доля транспортной составляющей в стоимости товаров, что резко снижает их конкурентоспособность;
- наличие значительной доли теневой экономики;
- сложившаяся товарная структура внешней торговли, в которой доля минерального топлива и сырья в среднем по государствам – участникам СНГ составляет более половины общего объема экспорта.

С учетом перечисленных негативных факторов Россия не смогла сформировать в рамках СНГ привлекательную модель эффективной интеграционной группировки и предпочла ориентироваться на двухстороннее сотрудничество. При этом выявилась двойственность российской позиции. С одной стороны, Россия стремилась к контролю над постсоветским пространством и ревниво относилась к появлению на нем новых сильных игроков. С другой стороны, оказалась не в состоянии погасить тлеющие конфликты, защитить другие страны от существующих угроз, широко содействовать их модернизации. Отношения России с бывшими советскими республиками во многом строились «по понятиям», в них нередко отсутствовали как прозрачность, так и предсказуемость. «Принуждение к миру» на Кавказе и протокольное участие в урегулировании нагорно-карабахского конфликта проходили на фоне «газовых войн» с Украиной, «молочных баталий» с Белоруссией и стабильно недружественных отношений с Молдавией.

После того как в мае 2009 г. Евросоюз предложил шести государствам постсоветского пространства (Белоруссии, Молдавии, Украине, Азербайджану, Армении и Грузии) новый интеграционный проект «Восточное партнерство», наши партнеры по СНГ получили возможность выбора. А с ним и новое в отношении с Москвой поведенческое правило. Даже считавшиеся самыми преданными союзниками России страны стали торговаться с нею.

В «Восточном партнерстве» странам Содружества были предложены некие новые отношения, включающие широкий спектр тактических выгод: торговые преференции, облегченный визовый режим, квоты на учебу для студентов и школьников и многое другое, что символизирует приобщение к той жизни, в которую хотят интегрироваться все кандидаты «партнерства», но которая, разумеется, станет доступной только небольшой части населения соответствующих обществ. В ответ Москва пыталась смягчить линию ЕС, а заодно и своих партнеров по СНГ и акцентировать издержки, которые начнут проявляться только в среднесрочной перспективе. Эта тактика оказалась неверной – четко расписанная программа действий западных партнеров с учетом интересов самоутверждения элит постсоветских государств, а также адресность пропагандистских подходов («мягкой силы») к различным социальным слоям постсоветских обществ оказались весьма эффективными.

В чем главная причина неудач России на постсоветском пространстве? Отсутствие у нее консолидированного видения отношений с государствами Содружества. Иными словами, не было ясно, какие стратегические цели намерена достичь Россия на постсоветском пространстве в целом и в отношении каждой из стран, какую цену, в том числе финансовую, она готова заплатить и с какими материальными и нематериальными издержками согласиться. Отсутствие ответов на эти и другие вопросы приводило к тому, что российская политика зачастую носила декларативный характер и подменялась решением второстепенных задач.

Проблемы, возникающие на пространстве СНГ, в определенной мере отражают последствия процессов глобализации, хотя и в специфической форме. В постсоветской экономике, где государства резко сократили свое присутствие, интереса к интеграции по-прежнему нет. Крепнущему капитализму не нужны долговременные проекты и финансово-экономические проблемы со слабыми партнерами. Новые элиты стран СНГ решают задачи сохранения высоко интегрированных элементов общего пространства в рамках поиска собственной национальной идентичности. Что касается России, то податливость ее государственных органов на нажим бизнес-структур, любой ценой препятствующих пропуску на российский рынок продукции и услуг из стран СНГ, наносит серьезный удар интересам страны.

Содружество развивалось бы более успешно, если бы властные структуры государств вовлекали в разработку правовой базы, концепций, программ, целевых проектов нарождающийся класс предпринимателей, причем не только крупный капитал, но и средний и малый бизнес. При таком развитии Содружество было бы менее уязвимо с точки зрения различных внутривнутриполитических пертурбаций, перманентной смены политических симпатий и антипатий. В работе с бизнес-структурами следовало бы не только проводить тезис об их гражданской ответственности, но и поощрять по государственной линии бизнес-альянсы по совместным проектам с партнерами как в самих странах СНГ, так и с внешними игроками.

Важную самостоятельную роль могли бы сыграть совместные образовательные проекты на базе российских высших и средних учебных заведений. При адекватной проработке экономического обоснования они могли бы стать эффективным механизмом расширения российского влияния в среде массовых слоев населения стран-соседей.

Для России нет альтернативы укреплению интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Критическое осмысление тенденций их развития, осознание роли и места России как главного локомотива совместного поступательного развития группы стран, выработка единого понимания его перспектив – всё это позволит создать современную, динамичную, успешно развивающуюся интеграционную группировку.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Евразийская интеграция является стратегическим проектом сплочения ближайшего регионального окружения России. В настоящее время его реализация во многом опосредована

российским взаимодействием с Беларуссией и Казахстаном, а также с Арменией и Киргизией по линии Таможенный союз/Единое экономическое пространство (ТС/ЕЭП) и Договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

По мере реализации евразийского проекта происходит накопление различного рода проблем институционального характера. Прежде всего, это касается повышения роли наднационального регулирования интеграционного сотрудничества. Практика ситуативных компромиссов относительно темпов углубления ведомственного взаимодействия, условий ценообразования, смягчения технических регламентов и других процедур пока что не является достаточно эффективной для продвижения интеграционного строительства. Оно будет нуждаться в регулярных импульсах, исходящих от высшего политического руководства стран-партнеров. Условия для развития «интеграции снизу» в ближайшем будущем вряд ли возникнут. Поэтому основным способом принятия решений в течение трех-пяти лет останутся пошаговые межгосударственные согласования.

Неотложной проблемой является *необходимость повышения уровня взаимных инвестиций, прежде всего – России, Беларуссии и Казахстана*. По состоянию на середину 2014 г. доля взаимных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) этих стран внутри ТС/ЕЭП составляла 22,7 млрд долл., или 42 %, от всего объема взаимных ПИИ СНГ и Грузии, тогда как суммарный ВВП Беларуссии, Казахстана и России составляет 87 % от ВВП СНГ. При этом практически единственным статистически крупным российским инвестором в Беларуссии и Казахстане остается «Газпром», а инвестиционная активность обоих российских партнеров фиксируется на незначительном уровне.

В Беларуссии, где в экономике сохраняется высокая доля государства, на российские ПИИ приходится почти половина всех прямых зарубежных капиталовложений. Крупнейший инвестиционный проект – приобретение «Газпром» газотранспортной компании «Белтрансгаз» за 5 млрд долл. Второй по объему прямых инвестиций проект в Беларуссии – 49 % акций оператора мобильной связи МТС – отстает более чем в шесть раз. В случае продажи пакета МТС за 700–800 млн долл. накопленные российские ПИИ в Беларуссии вырастут не более чем на 10 %. Несколько большими могут стать капиталовложения в Мозырский НПЗ (пока «Славнефть» владеет 42,6 % акций, а государство – 42,8 %). Однако вряд ли наиболее вероятный покупатель – «Роснефть» – заплатит 4 млрд долл., которые планируют получить в Беларуссии от приватизации.

Определенный рост ПИИ в Беларуссии возможен также с расширением бизнеса российских банков – например, за 2012 г. суммарные уставные фонды их дочерних структур выросли на 237 млн долл., а в 2013 г. – еще на 85 млн долл. Способны вырасти ПИИ и некоторых других представителей российской сферы услуг по мере расширения емкости белорусских рынков сбыта. Однако возможные дополнительные российские инвестиции в нефтепереработке, в финансовом секторе и в сфере услуг не означают еще серьезного изменения ситуации с ПИИ в обрабатывающей промышленности.

Что касается казахстанских ПИИ, то их размеры в Беларуссии незначительны. Самые существенные вложения осуществил БТА Банк, но уставный фонд его дочернего банка составляет около 24 млн долл. Это относится и к внешним инвестициям Беларуссии.

В Казахстане наблюдается значительная конкуренция российских инвесторов с ТНК других стран – китайскими (в ресурсном секторе) и западными (в качестве поставщиков технологий). Инфраструктурные проекты – одно из самых перспективных направлений для совместного инвестирования Россией и Китаем как в Казахстане, так и в других странах Центральной Азии. Эти проекты требуют больших ПИИ, равно как и внешнеполитической поддержки, причем одновременное участие Российской Федерации и КНР может в большей мере гарантировать безопасность капиталовложений. В настоящее время, однако, основные инвестиционные проекты российских и китайских ТНК связаны с топливным комплексом, прежде всего добычей нефти и природного газа, где они выступают явными конкурентами.

По масштабам ПИИ в нефтегазовый бизнес российские ТНК заметно уступают китайским. Так, «Лукойл» вложил около 3 млрд долл. в Казахстане. Постепенно растут в этой стране и ПИИ «Газпрома», превысившие 0,3 млрд долл. Еще около 0,2 млрд долл. составили российские ПИИ в казахстанский участок Каспийского трубопроводного консорциума (если оценивать по вкладу фирм-участниц и длине трубопровода).

Для сравнения: китайский гигант CNPC вложил в нефте- и газодобычу Казахстана более 12 млрд долл., а еще 6,2 млрд долл. он направил в строительство магистральных трубопроводов на территории Казахстана для поставок центральноазиатских ресурсов в Китай (еще 1,7 млрд долл. получил Узбекистан). Кроме того, 1,4 млрд долл. составили инвестиции в добычу углеводородов в Казахстане со стороны Sinopet, еще примерно по 0,95 млрд долл. – со стороны CITIC и China Investment Corp., 0,7 млрд долл. – нескольких более мелких компаний. К тому же, в отличие от россиян, китайские инвесторы осуществили ПИИ в НПЗ в Шимкенте.

Тем не менее ПИИ многих российских компаний в Казахстане растут. В 2013 г. особенно выделялся холдинг «Атомредметзолото» с вложениями в урановые рудники, а в 2014 г. было запущено новое совместное предприятие в черной металлургии, где «Евраз» владеет 65 % и вложил уже свыше 100 млн долл. Реализуются проекты и в других отраслях обрабатывающей промышленности, но это пока не меняет общего сырьевого характера инвестиционного взаимодействия России с Казахстаном.

Что же касается казахстанских вложений, то в последние годы наблюдается общее замедление экспорта ПИИ из страны. В 2012–2013 гг. совокупные казахстанские ПИИ росли лишь на 2 % в год (UNCTAD, 2014).

Кроме стимулирования инвестиций, актуальными для экономического сближения стран ТС/ЕЭП остаются меры поддержки движения капитала и рабочей силы, облегчения передачи информационных технологий, защиты интеллектуальной собственности, упрощения налогового администрирования косвенных налогов во взаимной торговле членом ТС/ЕЭП. Предстоит ускорить разработку единых правил конкуренции, включая принятие соглашений о единых принципах и правилах конкуренции, о единых правилах предоставления промышленных субсидий, о государственной поддержке сельского хозяйства, о государственных закупках. Список тематических направлений, которые станут интенсивно прорабатываться, может быть продолжен. Другими словами, структуры ЕЭК должны все более активно заниматься вопросами тактического целеполагания в сфере экономической политики и усиливать свое присутствие на уровне профильных ведомств участников евразийского проекта.

Российская сторона выступает безусловным лидером евразийского проекта, но ее статус не гарантирует динамичного углубления интеграции. Темпы интеграционного движения существенно ограничивает фактор амбиций политических лидеров стран – партнеров России по ТС/ЕЭП. Стремление к исчерпывающей детализации технических аспектов всех вопросов текущего и перспективного взаимодействия является отражением недоверия части национальных элит к проектам регулирования экономического развития под российским руководством. Неблагоприятные настроения такого рода носят устойчивый характер, поскольку заметная часть бизнеса и административного аппарата ориентируется на приоритеты за пределами СНГ, либо стремится повысить свое влияние на принятие российских стратегических решений. Оперативным способом смягчения подобных противоречий могло бы стать расширение состава многосторонних управленческих структур, демонстрация особого престижа номенклатурных позиций в будущих органах ЕЭС, интенсификация проработки проектов кадрового обеспечения интеграционных форматов. В дальнейшем более устойчивый позитивный эффект могут принести шаги по утверждению в среде национальных элит принципа приверженности интеграционному курсу как гарантии карьерного долголетия.

Симптоматично, что тенденции формирования кадровой политики по линии ЕАЭС особенно беспокоят президента Н. Назарбаева, который опасается ослабления казахстанского влияния на работу ЕЭК. Президент А.Г. Лукашенко в целом не столь тревожно относится к персональному обеспечению интеграционных планов, поскольку предполагает использование каналов Союзного государства (СГРБ).

Активизация кадровой работы не снимает с повестки дня необходимости продвижения других существенных моментов в отношении России и ее партнеров: улучшения инвестиционного климата, расширения вклада в развитие гуманитарного сотрудничества, поддержку российских инициатив по гармонизации систем пенсионного обеспечения населения и других практических шагов.

Разработка этих направлений сталкивается с разнотипными трудностями объективного и субъективного характера. Сказывается и разница в подходах российских партнеров к расстановке интеграционных приоритетов.

Белоруссия выступает в целом за ускорение интеграционного процесса и закрепление обязательности согласованных решений, принимаемых в рамках ТС/ЕЭП. В мировом сообществе Белоруссия для России остается единственным доверенным партнером и самым надежным союзником. Договор о создании Союза Беларуси и России 1997 г. является прочной основой отношений двух стран, они активно сотрудничают и в рамках многосторонних постсоветских структур. Вместе с тем в российско-белорусских отношениях существуют трудности, связанные с недооценкой разноскоростной динамики глубинных изменений, с которыми сталкиваются в своем совместном развитии белорусское и российское общества.

Белоруссия в своих официальных документах стремится максимально улучшить условия для ведения бизнеса, подчеркивая стратегическую значимость сотрудничества с российскими партнерами, однако российские предприниматели постоянно сталкиваются с серьезными препятствиями. У Белоруссии неоднократно возникали конфликты с «Газпромом», «Интер РАО ЕЭС», которые вели как к экономическим, так и имиджевым издержкам для российской стороны. Одним из инструментов сдерживания продвижения российского бизнеса является целевое завышение условий выхода на рынок, что особенно актуально в связи с планами белорусского руководства приватизировать ряд своих крупных активов, которые заинтересовали российские компании.

Особенно большие ожидания связаны с перспективами расширения российского участия в высокотехнологичных проектах, таких как создание крупного химического кластера в Гродно, нефтехимического кластера в Новополоцке, агромашиностроительного кластера в Гомеле, авто- тракторостроительного кластера в Минске, химико-текстильного кластера в Могилеве и некоторых других, в которых должны будут участвовать компании из России и иностранных государств. Новым крупным инвестиционным проектом станет российско-белорусское сотрудничество в сооружении АЭС в районе Гродно, план которого был принят в 2010 г.

Вклад в развитие производственной и научно-технической кооперации между Россией и Белоруссией вносят взаимные поставки продукции, которыми связаны более 8 тыс. белорусских и российских предприятий¹.

Российско-белорусское межрегиональное сотрудничество включает все шесть белорусских областей и Минск².

Белорусские регионы связаны соглашениями о сотрудничестве практически со всеми субъектами РФ, в 10 регионах России открыты отделения посольства Белоруссии. В настоящее время действует в общей сложности более 250 российско-белорусских соглашений в области межрегионального сотрудничества. Взаимодействие выстраивается одновременно в двух плоскостях: по линии административно-территориальных образований государств и по линии – субъекты РФ – правительство Белоруссии. Наиболее тесные контакты существуют с Москвой, Санкт-Петербургом, Московской и Смоленской областями.

Выступая важным фактором углубления двустороннего экономического сотрудничества России и Белоруссии, межрегиональные связи стали самым существенным резервом расширения экспортного потенциала РБ и функционирования ее обрабатывающей промышленности. Кроме того, благодаря диверсификации и мозаичности, российско-белорусские межрегиональные связи являются сравнительно «нечувствительными» к любым корректировкам внешнеэкономической политики российской стороны, что создает дополнительную «страховку» для белорусских инициатив на российском направлении.

¹ В России работают 26 сборочных производств белорусских предприятий: «Бобруйсагропаш», «Лидиагропромаш», «Амкодор», «Могилевлифтмаш», «МТЗ», «МАЗ», «БелАЗ» и др. ПО «Гомсельмаш» сотрудничает с 212 предприятиями России, которые поставляют в Белоруссию сырье, материалы и комплектующие. Поставки в Россию зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов составляют более 60 % производства «Гомсельмаша». В то же время «Гомсельмаш» поставляет некоторые узлы и детали для российских предприятий сельскохозяйственного машиностроения.

² Еще в 2005 г. в Белоруссии идея межрегионального сотрудничества была юридически оформлена в рамках правительственной концепции «Единая стратегия сотрудничества с регионами России», целью которой является поощрение экспорта товаров и услуг.

Несмотря на позитивное в целом развитие двусторонних отношений, существует ряд факторов, осложняющих реализацию принимаемых решений. Наиболее значительные – «пробуксовка» белорусской экономической модели и функциональная неустойчивость белорусской политической системы.

«Пробуксовка» белорусской экономической модели. В течение первого десятилетия постсоветского периода белорусская экономика являла собой островок стабильности и устойчивого роста по сравнению с другими странами постсоветского пространства. Однако во второй половине двухтысячных годов она стала испытывать трудности, обусловленные как условиями международной рыночной конкуренции, так и дефицитом модернизационных импульсов. В таком потенциально ослабленном состоянии белорусская экономика вошла в мировой кризис и не смогла оперативно преодолеть его последствия. Прогнозы дальнейшего движения тоже не являются однозначными. Высокие инфляционные ожидания и вероятность девальвации рубля, стабильно невысокий уровень жизни основной части населения, на фоне которых озвучиваются проекты приватизации части государственных предприятий, – все это подтверждает, что белорусский путь оказался во многом идентичным траектории, по которой ранее уже прошла Россия, но только более растянутым в историческом времени. Устойчивое превышение белорусского импорта над экспортом еще больше ухудшает общую картину.

Белорусское экономическое пространство сталкивается с серьезными рисками, которые имеют несколько измерений.

Во-первых, постоянно растущая зависимость белорусской экономики от экспортной статьи, определяемой справочниками как «экспорт минерального сырья», проще говоря, – от углеводородов. В конце 1990-х гг. он составлял 13 % от стоимости экспорта, а сейчас достигает 40 %. Эти изменения фактически говорят об утрате Белоруссией многих индустриальных компонентов хозяйственной системы и формировании сырьевой экономики, со всеми вытекающими для политической сферы последствиями. Последствиями тем более болезненными, что основные источники сырья находятся за пределами национальной территории.

Во-вторых, отмечается крайне медленный прогресс в выстраивании экономических связей Белоруссии со странами ее регионального окружения (без учета России). Если второе место среди адресатов белорусского экспорта принадлежит Нидерландам (17,3 %), то Польше – 3,9 %, Литве – 1,9 %, Украине – 8 %. Импорт из Польши составляет 2,8 %, Литвы – 0,7 %, Украины – 4,5 %. Связи с одной из крупнейших мировых и европейских экономик – германской также невелики: 4,6 % белорусского экспорта и 7,8 % импорта. Невелики и объемы экономического партнерства с КНР. Китай не создает пока окна для белорусских экспортных возможностей, а по импорту стоит на четвертом месте – 3,8 %. Другими словами, Белоруссии не удалось создать надежную несущую конструкцию своего участия в международном разделении труда, не зависящую от тесного взаимодействия с Россией, а точнее, от опоры на российские энергетические поставки и российский рынок.

Слабым звеном, как и двадцать лет назад остается сотрудничество с ближайшими соседями. Намечившиеся по линии частного бизнеса контакты со странами Балтии находятся на начальной стадии. Чтобы переломить ситуацию, потребуется многое изменить, а главное – переосмыслить с позиций прагматизма.

В-третьих, отсутствие крупных инвестиций в региональное развитие, модернизацию промышленного производства и сельского хозяйства. Средства, выделяемые в централизованном порядке для большинства значимых хозяйственных объектов, достаточны для функционирования, но не для их успешного развития. Поэтому официальная установка на использование любых возможностей для продвижения даже мельчайших объемов экспорта, привлечения иностранных инвестиций, активный поиск партнеров в странах третьего мира остается малорентабельным направлением для приложения усилий как работников, так и руководителей предприятий. Сохраняется потребность в оптимизации хозяйственных планов, но пока поиск идет по линии определения внутренних резервов производства, а не подготовки качественно нового подхода к его развитию.

Белоруссия занимает важную геостратегическую позицию в Европе и Евразии в целом. С начала 1990-х гг. и по сей день об этом много говорится: транспортные коридоры,

инфраструктурные проекты, площадками для культурных обменов. Статус моста, соединяющего Россию с «дальним зарубежьем», Белоруссия, как и другие страны СНГ, провозглашала в качестве одной из своих внешнеполитических целей. Пока же возможности оказались замороженными. О мосте вспоминают, только когда нужно согласовывать тарифы. Были и попытки сыграть на противоречиях, существующих между Россией и Западом.

Перспективы модернизации белорусской экономики сдерживаются фактором функциональной неустойчивости политической системы, что является следствием избранного белорусским руководством пути авторитарной трансформации. Неустойчивость политической системы усугубляется отсутствием адекватной государственной стратегии в том, что касается преодоления жесткой централизации и доминирования органов исполнительной власти над всеми сферами общественной жизни, неподготовленностью местного самоуправления к вызовам модернизации, отсутствием авторитетных политических партий общенационального масштаба.

Республика Казахстан является важным участником интеграционных процессов на пространстве СНГ и в целом одобряет предлагаемые Россией проекты по совершенствованию структур Евразийского Союза. Вместе с тем руководство страны реализует собственную стратегию развития, создающую определенные проблемы при согласовании единой политики в рамках «тройки».

В 2013 и 2014 гг. президент Н. Назарбаев активно выступал против развития наднационального регулирования экономического сотрудничества и наделения политическими функциями многосторонних структур ЕАЭС. На завершающем этапе подготовки межгосударственного договора России, Белоруссии и Казахстана казахстанская сторона отказалась поддержать проект углубления интеграционного взаимодействия под российским руководством. Таким образом, в контексте внешнеполитической стратегии Казахстан подтвердил и многовекторность международного партнерства, и стремление к получению более весомых преимуществ на основе интеграционных ресурсов, а кроме того, неудовлетворенность своим де-факто подчиненным статусом при принятии решений. Важно отметить, что эти моменты не являются банальными условиями дипломатического торга, а отражают реальные противоречия казахстанской ситуации.

В официальных заявлениях казахстанского руководства и в экспертном сообществе неуклонно проводится мысль о том, что переходный период от бывшей советской республики к суверенному государству с рыночной экономикой «окончательно завершён»³. Принята долгосрочная экономическая стратегия до 2050 г., ориентированная на принципиально новые векторы развития. Среди них – традиционно делаемый акцент на нефтяные отрасли промышленности, а также на «ресурсы в обмен на технологии» и «полномочия в обмен на ответственность», на участие в глобальном тренде децентрализации (G-Global). В подтверждение реализуемости принятых планов подчеркивается, что Казахстан входит в пятерку наиболее динамично развивающихся стран мира, в подтверждение чего приводятся оценки различных рейтинговых компаний.

Поскольку такого рода стратегические планы, как правило, опираются на 5-6 % рост национального ВВП и на первый взгляд они представляются вполне реализуемыми. Однако при более внимательном анализе оказывается, что провозглашенные ориентиры развития отражают попытку консервации формата современного курса без его качественных изменений. Они свидетельствуют также о завышенных надеждах на потенциал либерализации бизнеса, отражая стремление к усилению маневрирования на международной арене. Поэтому, несмотря на заявления президента Казахстана о необходимости строительства в ближайшем будущем двух новых миллионных мегаполисов, постановку задачи по увеличению средней продолжительности жизни до 80 лет и другие выступления аналогичного, явно пропагандистского характера, провозглашенная стратегия развития не имеет пока адекватного казахстанским потребностям краткосрочного и среднесрочного наполнения.

Поскольку в течение ряда лет отмечается стагнация обрабатывающей промышленности и нет значительных подвижек в снижении энергоёмкости производства (даже с учетом

³ См. публикацию [10] Марата Тажина (в прошлом государственного секретаря РК, в феврале 2014 г. назначенного на должность посла РК в РФ).

госпрограммы «Экспорт-2020»), достижение в 2015 г. несырьевой продукцией уровня планируемых 40 % в составе казахстанского экспорта выглядит весьма проблематичным. Несмотря на оптимизм официальных оценок, происходит постепенное нарастание госдолга, а зарубежные инвестиции увеличиваются недостаточно активно. В условиях затянувшейся нестабильности финансового сектора, приведшей в начале 2014 г. к 20 % девальвации тенге, деятельность правительства все резче критикуется президентом Н. Назарбаевым.

Таким образом, несмотря на заявленные проекты радикального изменения участия Казахстана в международном разделении труда, реальная возможность подобных изменений в ближайшие 5–7 лет маловероятна.

Зависимость экономики Казахстана от сырьевого сектора и внешних экспортных рынков пока только усиливается, причем большинство этих рынков расположено за пределами ТС/ЕЭП и СНГ в целом. На долю России и Белоруссии – казахстанских партнеров по ТС/ЕЭП – приходится менее 15 % экспорта и около трети импорта страны. Среди других внешнеторговых партнеров крупнейшим консолидированным контрагентом, как по экспорту, так и по импорту, выступает Китай, динамично наращивающий свое присутствие в казахстанской экономике. Восточный «китайский» вектор сегодня заметно перевешивает «западный» (в том числе турецкий) вектор внешнеторгового партнерства Казахстана, причем этот дисбаланс продолжает усиливаться, несмотря на президентские инициативы.

Состояние казахстанской экономики способствует и неустойчивости интеграционных предпочтений по отношению к евразийской интеграции. В силу фрагментированности казахстанских правящих кругов архитектура внешнеэкономического партнерства существенно влияет на интеграционные приоритеты страны, которые в понимании не только оппозиционных критиков, но и ряда членов президентской команды являются, во-первых, ситуативными, а во-вторых, избыточными. В контексте технократических подходов, преобладающих в среде молодого поколения казахстанской элиты, евразийская интеграция не включается в число жизненно необходимых условий развития Казахстана.

Массовые представления казахстанской общественности о евразийской интеграции характеризуются заметной настороженностью и элементами недоверия относительно ее позитивных возможностей для развития Казахстана. На волне «нефтяных доходов» в среде элит и рядовых граждан утвердились завышенные оценки реального потенциала казахстанской экономики, роли страны на международной арене и в СНГ.

Популярность евразийского интеграционного направления блокируется и чисто прагматическими интересами малого и среднего бизнеса, который пока не только не ощутил преимуществ углубления экономического сотрудничества между Россией, Белоруссией и Казахстаном, но и столкнулся с определенными потерями за счет роста цен на китайский импорт, упорядочения таможенной политики, усложнения процедур реэкспорта, стандартизацией качества для отдельных видов продукции, отсутствия обещанной государственной поддержки. Характерно, что тенденцию бюрократизации управления на местах, со всеми вытекающими отсюда последствиями, региональные власти нередко пытаются объяснить потребностями адаптации к интеграционному процессу. Значительные сложности для позитивного восприятия движения по евразийской траектории создает и отсутствие ожидаемого населением повышения уровня жизни, который заметно снижается из-за коррупции, социального расслоения, затратных административных решений, очевидного для всех эгоизма представителей правящих кругов. В этой связи происходит отчуждение казахстанского общества от идеи евразийской интеграции.

Поэтому, как бы успешно ни продвигались технические согласования элементов экономического сотрудничества, негативное отношение казахстанской стороны к институционализации наднационального регулирования интеграционного взаимодействия и противодействие расширению состава интегрирующихся субъектов в обозримое время сохранятся.

Исходя из вышеизложенного можно сказать, что практика интеграционного партнерства России с Белоруссией и Казахстаном в ее евразийском формате не может рассматриваться как стабильно развивающийся процесс и содержит риски замедления при разработке принципиальных соглашений и реализации уже достигнутых договоренностей. Важнейшим механизмом блокирования центробежных моментов должно стать создание

наднационального регулятора финансового рынка, которое уже рассматривается в ходе технических консультаций.

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАСШИРЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Работа по реализации проектов региональной евразийской интеграции оказывает позитивное влияние в масштабах всей Евразии. Стремление России, Белоруссии и Казахстана, а вслед за ними – Армении и Киргизии объединить рынки товаров, услуг, рабочей силы и капитала позволит сформировать большой международный регион с общими цивилизованными правилами деловой активности. Это процесс будет способствовать созданию безопасных транспортных путей между Европой и Азией, строительству экономического пространства, позволяющего находить адекватные способы расширения круга участников интеграционного объединения.

Реалии евразийской интеграции поставили Россию перед сложным выбором между инициативной и пошаговой тактикой продвижения интеграционных планов. Логика первого варианта была основана на желательности активного регулирования экономического развития в странах ближайшего регионального окружения и предотвращения раскола пространства СНГ. Привлекательность второго варианта обусловлена необходимостью экономии материальных ресурсов на фоне завышенных ожиданий стран-партнеров.

Позитивный баланс углубления экономической интеграции в формате ЕАЭС находится в неустойчивом равновесии, причем жизнеспособность проекта зависит от развития его ядра. Практический переход от деклараций о намерениях к включению в интеграционный процесс требует длительных встречных согласований, которые особенно проблематичны с потенциальными партнерами из СНГ. В соответствии с общей позицией России, Белоруссии и Казахстана, они должны согласиться с правилами ТС/ЕЭП в полном объеме, без каких-либо специальных ограничений. Фактически речь идет о необходимости отказа от принципа «развития на разных скоростях» и интенсивной адаптации к базовым ориентирам интеграционного процесса.

Первой о желании вступить в ТС/ЕЭП заявила Киргизия в 2011 г. Тогда же начались соответствующие переговоры. Однако вопрос ее присоединения к Таможенному союзу обрел реальные очертания лишь 29 мая 2014 г., когда Бишкек подал официальную заявку на вступление. В результате на практике *первым новым членом ТС/ЕЭП оказалась Республика Армения*, подписавшая 10 октября 2014 г. Договор о присоединении к ЕАЭС.

Обсуждение вопроса о присоединении Армении осложнялось наличием у нее нагорно-карабахского конфликта с Азербайджаном. Поэтому президент Казахстана Н. Назарбаев предложил принять ее с «особым мнением»: «Армения может присоединиться к ЕАЭС в рамках признанных ООН границ, как при вступлении в ВТО».

Решение руководства Республики Армения о присоединении к ТС/ЕЭП (сентябрь 2013 г.) расширило возможности интеграционного взаимодействия на пространстве СНГ и укрепило международные позиции стратегического проекта ЕАЭС. Вместе с тем среднесрочные перспективы реализации этого решения остаются неопределенными, причем не столько из-за недовольства прозападной части армянской элиты или ограниченного потенциала многосторонних экономических связей, сколько из-за осложнений, обусловленных нагорно-карабахским конфликтом и неустойчивой обстановкой в Кавказском регионе.

Экономическое сотрудничество Армении с Россией, Белоруссией и Казахстаном в течение последних десятилетий осложнялось отсутствием общих границ и реалиями постсоветской многовекторности. Показательно, что в ЕвразЭС Армения являлась лишь наблюдателем, причем объемы ее внешней торговли с партнерами по интеграционному проекту заметно уступали другим внешнеторговым потокам.

Тем не менее масштабы экономического сотрудничества с Россией оставались для Армении стратегически значимыми и фактически выступали главной «несущей конструкцией» армянской экономики. Современная Армения в значительной степени зависит от государственной и экономической поддержки со стороны России, а большая часть ее стратегической инфраструктуры принадлежит и/или управляется российскими компаниями, особенно в энергетическом секторе.

Уязвимыми сторонами двустороннего сотрудничества являются узость армянского рынка и ограниченные возможности армянской стороны по наращиванию национального производственного потенциала. Наметившийся к концу советского периода тренд развития в Армении высокотехнологичных отраслей не получил углубления в постсоветские времена, соответствующие отрасли деградировали, а значимые сферы сотрудничества в ювелирной, пищевой, текстильной и обувной отраслях нуждаются в значительной инвестиционной поддержке. В частности, ювелирное производство сохранит существующий уровень рентабельности только при дополнительных, де-факто протекционистских, мерах по защите армянских производителей в условиях присоединения к ТС.

Таким образом, «подушка безопасности», возникающая в контексте предполагаемого участия Армении в ТС/ЕЭП–ЕАЭС, выступает пока что гарантией макроэкономической стабильности, но не средством модернизации армянской экономики. Другими словами, развитие интеграционных процессов будет осуществляться, во-первых, за счет российских ресурсов, а во-вторых, на фоне попыток конвертации этих ресурсов в экономический статус Армении за пределами Кавказского региона. Вероятно, что углубление российско-армянского сотрудничества по разворачиванию новых производственных проектов будет проходить менее противоречиво, чем решение вопросов, затрагивающих интересы большей части представителей армянского бизнеса, в частности осуществления контроля «транзитных» товарных потоков, проходящих через территорию страны. Весьма болезненным уже в самом ближайшем будущем может оказаться и вопрос о регулировании трудовой миграции из Армении в Россию.

В целом интеграционные перспективы российско-армянского экономического сотрудничества будут в течение ближайших лет формироваться как взаимодействие крупных хозяйствующих субъектов и испытывать неизбежный дефицит «социальности», ограничивающий их стратегическую значимость.

Углубление армяно-белорусского и армяно-казахстанского экономического сотрудничества, хотя и определяется всеми участниками как задача, имеющая большую политическую значимость, нуждается в дополнительных ресурсах. Хотя в течение многих лет на обоих направлениях действуют двусторонние межправительственные комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, общий объем товарообмена остается небольшим.

Что касается *армяно-белорусского экономического сотрудничества*, то Белоруссия формально является важным торговым партнером Армении, занимая по объему взаимной торговли третье место среди стран СНГ (после России и Украины), а с 2000 г. по настоящее время товарооборот двух стран вырос более чем в 16 раз. Однако и на современном этапе он составляет менее 50 млн долл., причем в общем списке белорусских партнеров Армения находится в шестом десятке (по импорту) и восьмом десятке (по экспорту). Несмотря на официальные заявления о том, что Белоруссия и Армения на самом высоком политическом уровне достигли полного взаимопонимания, ежегодно наращивают товарооборот, создают совместные предприятия, инвестиционные проекты, открывают в Минске и Ереване специализированные торговые дома и т.п., системная основа для развития торгово-экономических связей пока отсутствует. Нереализованными остаются планы создания совместного белорусско-армянского предприятия по сборке мини-тракторов и другой сельскохозяйственной техники, создания совместных производств в области фармакологии, ряд инициатив по взаимодействию в здравоохранении, образовании, науке, культуре. Характерно, что белорусская сторона проявляет больше активности в формировании основ экономического сотрудничества. Однако серьезным тормозом является асимметричное развитие деловой среды стран-партнеров, что не позволяет армянскому бизнесу расширить свое присутствие в белорусском пространстве и одновременно блокирует присутствие белорусских структур на армянском рынке. Показательно, что за последние три года в белорусскую экономику привлечено менее 20 млн долл. инвестиций из Армении, которые были направлены на завершение проекта по розливу армянского коньяка. Показательным является и то, что для инвестиционного прорыва армянский капитал стремится главным образом формировать собственные корпоративные альянсы, а не входить в ассоциации с белорусскими предпринимателями.

Перспективы системного развития армяно-белорусского взаимодействия во многом связаны с интересом армянской стороны к партнерству с Белоруссией в строительстве

АЭС, наметившимся повышением роли межрегиональных контактов (Ширакского и Арагацотнского марзов и Гродненской и Могилевской областей, Витебской области и Тавушского и Лорийского марзов, Брестской области и Араратского марза), инвестиционными планами на 2013–2015 гг. в размере 100 млн долл., заявленных корпорацией «Мульти Групп» для строительства армянского торгового дома в Минске[2]. Тем не менее результативность новых направлений может в полной мере проявиться только за пределами краткосрочного периода, что предполагает как растущие материальные затраты на их реализацию, так и оказание постоянной политической поддержки.

В этой связи вступление Армении в ТС/ЕАЭС означает, что интеграционный компонент белорусско-армянского взаимодействия будет нуждаться в оптимизации стратегического планирования, при котором развитие сотрудничества определяется не только достигнутыми, но и индикативными показателями, согласованными на наднациональном уровне. Белоруссии и Армении предстоит расширить экономическое взаимодействие с учетом возможностей выхода на внешние рынки.

Армяно-казахстанское экономическое сотрудничество характеризуется еще большими трудностями, чем сотрудничество с Белоруссией. Анализ причин низкого (практически ничтожного) уровня взаимного товарооборота между РК и РА показывает, что основными среди них являются отсутствие прямого наземного транспортного сообщения и высокие транспортные издержки армянского грузооборота, осуществляемого через третьи страны⁴. Что же касается перспектив решения транспортных проблем, то хотя армянская сторона положительно оценивает проект строительства железной дороги Узень (Казахстан) – Кызылкая (Туркменистан) – Берекет – Этрек – Горган (Иран), при завершении которой со временем может быть осуществлена связь с проектируемым железнодорожным сообщением Иран – Армения, то пока его реализация не нашла инвестиционной поддержки.

Тем не менее, начиная уже с 2005 г., как армянская, так и казахстанская стороны активно прорабатывают планы расширения двустороннего экономического взаимодействия. На современном этапе в Армении зарегистрировано 23 предприятия с участием казахстанского капитала, в Казахстане – 60 предприятий с участием армянского капитала, которые в основном заняты в сферах обрабатывающей промышленности, строительства, торговли, операций с недвижимостью, автосервиса и изделий домашнего пользования, гостиниц и ресторанов.

Основную часть импорта Армении из Казахстана составляют зерновые, металлопродукция, прокат железа и нелегированной стали. В армянском экспорте в Казахстан преобладают станки по обработке камня (до 60 штук ежегодно). Также в Армении действует несколько банковских структур с участием казахстанского капитала, а казахстанские инвестиции в экономику Армении составляют примерно 50 млн долл. При существующих на сегодняшний день минимальных объемах товарооборота считается, что оптимальным направлением для наращивания взаимной торговли могло бы стать осуществление экспортных поставок из Казахстана в Армению металлопродукции, зерновых и товаров пищевой промышленности. Продукция переработки казахстанских нефтепродуктов в перспективе может стать сырьем для армянских предприятий, включая продукцию из искусственного каучука. Как одно из направлений рассматриваются возможные поставки на армянский рынок производимых в Казахстане автомобилей и тракторов.

В контексте экономического взаимодействия проводится работа по продвижению инноваций. Армянской стороной сформирован реестр инновационных предложений. Достаточно активны контакты в области науки и образования, которые развиваются в форме совместных научных исследований сейсмической безопасности (грантодателем для армянских ученых выступает Казахстан), изучения древних рукописных текстов и литературы, стажировок молодых специалистов-гуманитариев.

На армяно-казахстанской повестке стоят и вопросы сотрудничества в области предпринимательства, сельского хозяйства, здравоохранения, охраны окружающей среды, градостроительства, культуры, туризма. Сделаны первые шаги по линии межрегионального

⁴ В настоящее время перевозка грузов между Казахстаном и Арменией осуществляется сложными маршрутами: через морские порты Грузии по Черному морю, далее – сухопутным путем через Россию (порт Кавказ) и Украину (порт Ильичевск) и крайне редко – через Иран (автоперевозки). Железнодорожное сообщение между Арменией и Ираном отсутствует, а маршруты через российскую территорию не функционируют из-за закрытия железнодорожного сообщения через Грузию и Абхазию.

партнерства, например в 2013 г. подписаны специальные протоколы между городами Джермук (АР) и Щучинск (РК).

В целом Армения выступает основной заинтересованной стороной двустороннего экономического сотрудничества с Казахстаном, однако развитие такого сотрудничества предполагает большие инфраструктурные проекты трансрегионального уровня, для участия в которых армянская сторона не располагает (по крайней мере, без привлечения капиталов зарубежной диаспоры) необходимыми ресурсами.

Со стороны Казахстана сдерживающим фактором являются не только опасения затратности партнерства, но и политические соображения, связанные с международным контекстом армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношений, от которых стремится дистанцироваться казахстанское руководство.

Характерно, что, положительно оценивая решение РА о вступлении в ТС, президент Н. Назарбаев при подписании «Дорожной карты по присоединению Армении к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана» (24 декабря 2013 г.) указал на целесообразность поэтапного решения вопросов взаимодействия ТС в целом и Армении в частности с Нагорным Карабахом. Данное заявление представляется отражением не только прагматического подхода казахстанской стороны к развитию интеграционных процессов, но и стремлением уйти от усиления наднационального управления интеграционным проектом в случае расширения его состава.

Одна из основных выгод Армении от вступления в ЕЭП заключается во вхождении в единый рынок труда. Соглашения в области трудовой миграции направлены на объединение трудовых ресурсов государств-участников, а также на создание и эффективное функционирование общего рынка труда. 85 % трансфертов в настоящее время поступает от трудовых мигрантов из России (15 % ВВП Армении). Присоединение к соглашениям ЕЭП обеспечит прирост объема трансфертов на 40 млн долл. в год. Это поможет стабильному финансированию торгового счета платежного баланса Армении.

Благодаря свободе передвижения товаров и капитала страна получит доступ на емкий и защищенный рынок и одновременно приток инвестиций. В результате импульс развития получат отрасли армянской экономики, ориентированные на экспорт. Страна сможет продвинуться в решении таких стратегических проблем, как выход из транспортной изоляции и наращивание энергопотенциала. К наиболее крупным перспективным инфраструктурным проектам в Армении с участием инвесторов из стран ЕЭП можно отнести возведение новой атомной электростанции и реализацию других проектов в энергетике, строительство железной дороги в Иран, транспортного коридора «Север – Юг», возобновление железнодорожного сообщения с Россией через территорию Грузии. Особенно важно, что в них заинтересована не только Армения, но и остальные участники ЕЭП, поскольку реализация проектов по созданию и развитию железнодорожных и автомобильных транспортных коридоров через Армению в направлении Южной Азии и Ближнего Востока свяжет эти рынки со странами ТС. Позитивно в этом контексте выглядит и строительство электросетей на Иран.

Присоединение Республики Армения к ТС и ее участие в ЕАЭС отвечают стратегическим интересам РФ. Армения является одной из наиболее уязвимых в социально-экономическом и международном плане стран СНГ, и поддержка России остается в обозримом будущем единственной реальной гарантией армянской государственности, что осознается общественностью страны. В этой связи складываются позитивные предпосылки конвертации российских экономических ресурсов в расширение политических позиций РФ в Кавказском регионе и сопредельной части международного пространства.

Активное продвижение проекта интеграционного участия Армении в ТС и ЕАЭС сдерживается ограниченным потенциалом двустороннего сотрудничества этой страны с Белоруссией и Казахстаном. Многостороннее взаимодействие в большей степени опосредуется политическими, а не экономическими моментами в системе интересов основных российских партнеров по ТС. Представляется, что стимулом повышения рентабельности «горизонтальных» связей может стать стратегическое планирование, ориентированное на совместное освоение армяно-белорусскими и армяно-казахстанскими бизнес-структурами внешних рынков, в том числе за пределами СНГ.

Российско-армянское взаимодействие, развернувшееся в контексте подготовки присоединения РА к ТС, создает хорошие предпосылки для участия этой страны в формировании ЕАЭС. Однако для обеспечения второго этапа профильного сотрудничества необходимы дополнительные российские инициативы по развитию гуманитарных связей с массовыми кругами армянской общественности, творческой интеллигенции, молодежными лидерами, мобилизация ресурсов армянских диаспор в России, Белоруссии, Казахстане и, по всей вероятности, в странах Запада. При этом российской стороне важно сохранить динамику усилий в интересах региональной безопасности и расширения транспортной доступности армянской территории.

Вторым кандидатом на полномасштабное участие в ТС/ЕЭП является Киргизия, руководство которой поставило этот вопрос еще в 2011 г., но в течение длительного периода готовило базу для выполнения «Дорожной карты» присоединения. Переговоры с Киргизией осложнялись просьбами Бишкека о значительных преференциях. После восьми раундов переговоров, тем не менее, оставалась нерешенной дальнейшая судьба киргизских оптовых рынков «Дордой», «Кара-Суу» и «Мадина», которые занимаются реэкспортом китайских товаров, – Бишкек требовал права на льготы по 400 товарным позициям на срок от 5 до 10 лет. Киргизские власти хотели введения льгот при ввозе в страну продуктов питания и легкой промышленности на период адаптации КР в ТС. В числе выдвигаемых требований – помощь в создании пунктов пропуска и оборудовании внешних границ Киргизии. Бишкек настаивал также на особых преференциях для трудовых мигрантов [5].

Экономическое положение Киргизии, несмотря на определенные успехи, связанные в основном с экспортом золота, добываемого канадской компанией, весьма сложное.

Главная проблема, тормозящая производственный рост в Киргизии, – амортизация оборудования. По оценкам, амортизация имеющихся технологий составляет 85 %, однако обновление технологического парка зависит от притока иностранного капитала, обеспечить который правительству страны пока не удастся.

Не менее важной проблемой остается рост внешней задолженности. Списание Россией в 2012 г. части киргизского долга не решает проблемы обслуживания всех внешних заимствований, а также кредитования среднего и мелкого бизнеса под правительственные гарантии. Другими словами, ожидать расширения налогооблагаемой базы за счет внутренних ресурсов Киргизии, как и качественного улучшения состояния реального сектора экономики, в ближайшие годы не следует.

Некоторые характерные для Киргизии направления экономической деятельности вполне позитивны в плане интеграции с Россией, Казахстаном и Белоруссией. Например, текстильная промышленность республики, благодаря дешевой, в основном женской рабочей силе, переживает расцвет, тогда как в целом на постсоветском пространстве (за исключением Туркмении и Узбекистана) она находится в упадке. Прямой экспорт швейных изделий, произведенных на территории Киргизии, достиг 1,1 млрд долл. в год, или 22 % ВВП страны.

Однако далеко не все специфические моменты экономической жизни Киргизии столь же позитивны для интеграции.

Во-первых, Киргизия уже сейчас является одним из основных «узлов» распределения по постсоветскому пространству китайской продукции (она чаще попадает в страну нелегально, о чем свидетельствует, например, чудовищное расхождение между данными китайской и киргизской официальной статистики об объемах торговли). Локомотив этой торговли – мелкий бизнес. Численность мелких торговцев, получающих выгоду от реэкспорта товаров, достигла 800 тыс. человек. Для 90 % этих торговцев основными рынками являются Россия и Казахстан.

Кстати, и здесь лицо киргизской экономики преимущественно женское, так как именно «слабый пол» преобладает среди челночных торговцев. Одним из «хабов» этой торговли является Дордой, крупнейший рынок в Центральной Азии, ежегодный объем услуг которого достигает 1 млрд долл., или 20 % ВВП страны. Вхождение Бишкека в Таможенный Союз ведет к резкому росту де-факто контрабанды китайских товаров. Соответственно, оно ускорит и так уже имеющее место сползание постсоветских стран на позиции «сырьевых придатков» КНР.

Во-вторых, в Киргизии действуют относительно низкие пошлины на ввозимые товары (примерно 50 % от российских). Интеграция за счет увеличения пошлин приведет к резкому

повышению цен на большинство импортируемых товаров. Может также произойти то, что уже имело место в Казахстане, – резкий скачок цен, выходящих на российский уровень (в России достаточно высокие цены по сравнению с другими странами СНГ). Даже в относительно богатом Казахстане инфляция вызвала всплеск недовольства и националистических настроений, направленных против России. В условиях, когда большинство населения Киргизии еле сводит концы с концами, скачок цен в результате интеграции с Россией может привести к новой революции.

В-третьих, Киргизия уже сейчас является одним из крупнейших (наряду с Таджикистаном и Узбекистаном) «доноров» трудовых мигрантов для России и Казахстана. В этих странах работают, по разным оценкам, от 400 тыс. до 1,5 млн граждан из пятимиллионного населения. Соответственно, есть риск, что интеграция приведет к снижению степени контролируемости миграционных потоков и к их взрывному увеличению. Ведь общее экономическое пространство предполагает свободное передвижение рабочей силы и равные права работников для всех государств-членов.

В-четвертых, как отмечается в докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), в случае открытия границ России и Казахстана в направлении Киргизии и Таджикистана может произойти резкое увеличение объемов транспортировки наркотиков по маршруту Афганистан – Таджикистан – Киргизия – Казахстан – Россия – Восточная и Северная Европа («Северный путь»). Уже сегодня Россия как крупнейший потребитель афганского героина теряет, по официальным данным, до 30 тыс. жизней в год.

Все описанные выше риски представляют для России политическую дилемму: принятие Киргизии в евразийские структуры приведет к резкому усилению их проблем, тогда как непринятие не решит проблем этого государства, и они будут и дальше воздействовать на Россию и Казахстан даже через государственные границы.

Если принятие Киргизии в евразийские структуры будет сопровождаться такой политикой России и соответствующих организаций (например, Евразийской экономической комиссии), которая будет направлена на решение проблем Бишкека, описанные выше риски удастся минимизировать. Если же Киргизия вступит в евразийские структуры, а ее проблемы решаться не будут, высока вероятность того, что идея интеграции постсоветских государств будет надолго дискредитирована.

В числе других, наиболее вероятных кандидатов на подключение к интеграционным процессам эксперты регулярно называют Таджикистан, который остается одной из беднейших стран СНГ.

В течение трех-четырех предыдущих лет «градус критичности» таджикской экономики относительно снижался. Позитивное значение для улучшения положения имели, прежде всего, традиционные хозяйственные связи с Россией и заработки трудовых мигрантов, также поступающие с российской территории. Тем не менее, хотя российский вектор и вектор СНГ в целом сохранил роль главной несущей конструкции экономики Таджикистана, важнейшим условием ее функционирования стала диверсификация направлений взаимодействия с региональными и внерегиональными партнерами.

Анализируя его динамику можно сделать несколько выводов: во-первых, о нестабильности объемов внешнеторгового оборота Таджикистана со всеми странами дальнего зарубежья, включая Турцию и Китай, и, следовательно, об относительном исчерпании возможностей их экстенсивного роста в ближайшем будущем; во-вторых, об отсутствии преобладающей зависимости Таджикистана от сотрудничества на китайском или на «исламском» (Турция, Иран) направлениях; в-третьих, о появлении новых значимых партнеров в лице Казахстана и Швейцарии⁵.

Однако, несмотря на достигнутый баланс источников внешней поддержки и отсутствие необходимости форсированного разворота в сторону Китая или исламского мира, таджикская экономика продолжает находиться в тяжелом положении и остро нуждается в новых массивных импульсах.

Попытки запустить Рогунскую ГЭС, проекты, осуществляемые китайской стороной, планы модернизации металлургической отрасли или поддержки мелкого бизнеса, а также

⁵ Достигнутые в мае 2014 г. таджикско-белорусские договоренности находятся на начальной стадии реализации.

другие, по сути, фрагментарные инициативы, не достаточны для начала поступательного развития страны и даже для преодоления тактических вызовов: безработицы, энергетического кризиса, обострения клановой конкуренции. Другими словами, несмотря на оптимистические прогнозы роста ВВП порядка 5 % в течение двух-трех ближайших лет (то есть в течение нынешней легислатуры президента Э. Рахмона), Таджикистан столкнется с системными вызовами политической стабильности регионалистского, исламистского и гражданского толка. Вероятность конфликтного сценария «перетекания» экономического неблагополучия в политический кризис особенно высока в силу курса внерегиональных игроков на фрагментацию пространства СНГ.

Таким образом, Таджикистан находится на историческом перепутье, когда необходимо либо обратиться к стратегии комплексного долгосрочного развития, которую предоставляет евразийская траектория [7], либо – продолжить политику ситуативной многовекторности, чреватую быстрым нарастанием угроз безопасности.

Преимущества перехода Таджикистана на траекторию евразийской интеграции откроют окно возможностей для режима Э. Рахмона и страны в целом. Пока же интенсификация самого переговорного процесса о вступлении в ТС напрямую зависит от вопроса присоединения к нему Киргизии, поскольку именно в этом случае у РТ появится общая таможенная граница с пространством ТС. Однако в тактическом плане ограничением для профильных переговоров служат и другие, не только экономические моменты. Так, значительную роль играют соображения, связанные с продолжением военного сотрудничества Таджикистана с США. Американская сторона ведет подготовку национальных военных кадров для таджикских вооруженных сил, США и НАТО оказывают внушительную помощь пограничному ведомству, ведут программу партнерства «Таджикистан – НАТО», готовят почву для создания под своей эгидой антитеррористического центра. В ходе июльского 2014 г. визита в Душанбе С. Лаврова внимание таджикского руководства было обращено на недопустимость размещения на территории республики военных объектов НАТО, в том числе технических подразделений, но присутствие американского вектора внешней политики отвечает интересам высшего руководства Таджикистана. Немаловажную роль играют опасения таджикской стороны лишиться поступлений обещанного ЕС на период 2014–2020 гг. 1 млрд евро, выделяемого на реформы в здравоохранении, образовании и в сельской местности, а также неприятие перспективы координации евразийскими интеграционными структурами таджикско-китайского сотрудничества.

В числе аргументов таджикских оппонентов евразийской интеграции необходимо отметить мнение, в соответствии с которым вступление в ТС/ЕЭП лишь усилит зависимость, но не добавит преимуществ рынку труда и в значительной мере ограничит его за счет повышенных таможенных пошлин, а также возможности дешевого импорта товаров из Китая, Турции и Ирана, сокращение которого, по их словам, довольно критично для небогатых таджикских потребителей. Нередко указывается, что Таджикистан практически не будет готов к вступлению в союз, по меньшей мере, еще пять лет, поскольку необходимо создать гарантии для его торговых отношений с Южной Азией и ряда проектов с Афганистаном (в частности, проект CASA 1000). Кроме того, высказываются опасения, что таможенные сборы (примерно 120 млн долл.) будут взиматься на таможенных постах Белоруссии и России и не дойдут до таджикского бюджета, а из-за конкуренции с Казахстаном не будут максимизированы преимущества Таджикистана как регионального транспортного узла и транзитера газа в Китай.

В целом руководство Таджикистана находится в процессе торга за условия подключения к евразийской интеграционной траектории и вряд ли пойдет в ближайшее время на достижение реальных договоренностей.

Позиции России на постсоветском пространстве в значительной степени зависят от успеха реализации евразийского проекта. Евразийская интеграция обладает значительной гибкостью в том, что касается архитектуры институционализированного взаимодействия, но международная среда осложняет становление ЕАЭС как самостоятельного центра глобального влияния. Поэтому вклад других многосторонних проектов на пространстве

СНГ с участием России сохранит свою значимость для отечественной внешнеполитической стратегии.

Одновременно в российской внешней политике должен быть преодолен разрыв между декларативными заявлениями о приоритетности СНГ и реальным положением дел, когда наблюдается определенная девальвация принципа стратегического партнерства со странами Содружества.

Необходимо помнить и о судьбах миллионов соотечественников, включая российских граждан, не по своей воле оказавшихся за пределами российского государства. Этот фактор должен оставаться важным аргументом, однозначно обосновывающим необходимость укрепления сотрудничества со странами СНГ в сфере экономики, безопасности, гуманитарных связей.

Корректировка стратегии на направлении СНГ должна учитывать не только возросшую дифференциацию постсоветского пространства, но и потенциальные конфликты интересов России с другими экономическими и политическими игроками в регионе. При этом следует исходить из главного: самым опасным сценарием развития является обострение межгосударственных конфликтов, развал существующих режимов в контексте насильственной смены лидеров, приход к власти религиозных и/или антироссийски настроенных экстремистов.

Отдельной сферой потенциальной напряженности или, как минимум, уязвимости отношений в рамках интеграционного ядра на пространстве СНГ являются последствия обострения отношений России с Европейским Союзом, в том числе на основе взаимных экономических санкций. Ни Астана, ни Минск не поддержали курса России на введение «антисанкций», ссылаясь на соответствующие правовые основания в рамках законодательства Таможенного союза, подтвердив тем самым низкий уровень координации внешних экономических политик в рамках «тройки».

При этом очевидно, что Россия снова сталкивается с желанием своих партнеров по ТС/ЕАЭС, прежде всего Белоруссии, получить максимальные выгоды от обострения отношений с ЕС.

Во-первых, в нынешней ситуации и Казахстан, и особенно Белоруссия получают прямую бюджетную выгоду от роста экспорта в Россию своих товаров, умноженную на возможности полулегального реэкспорта на единую таможенную территорию товаров из стран, попавших под санкции России.

Во-вторых, проведение знакового саммита ТС – Украина – ЕС в Минске повышает международную значимость белорусского лидера, который активно подчеркивает свою миротворческую миссию, и открывает для него возможности для улучшения отношений с ЕС в контексте подготовки президентских выборов 2015 г. Такая перспектива усиливает переговорные позиции А.Г. Лукашенко в Таможенном союзе вообще и в отношениях с Россией в частности.

Самостоятельную повестку образуют вопросы военно-политической безопасности во внешней политике России на пространстве СНГ. Цель России – сохранить баланс сил участников карабахского конфликта и не допустить нарушения сложившегося статус-кво. В ситуации охлаждения отношений России и Запада практически заблокирована работа Минской группы ОБСЕ (в составе России, США и Франции), что ставит Москву в положение наиболее заинтересованного и влиятельного игрока в регионе. Россия стремится и в дальнейшем сохранять за собой роль основного посредника между конфликтующими сторонами и главным гарантом безопасности на Южном Кавказе.

Особый международный контекст, формирующийся под влиянием кризиса на Украине, нашел своё отражение и в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества. Итоги саммита Организации, состоявшегося в Душанбе 11–12 сентября 2014 г., подчеркнули то значение, которое Москва уделяет многосторонним форматам на постсоветском пространстве. В итоговую Душанбинскую декларацию был включен пункт о поддержке инициативы российского президента по мирному урегулированию на Украине, что можно считать концептуальной победой линии Москвы. Отражением растущего влияния ШОС, председательство в которой на период 2014–2015 гг. перешло к России, является процесс расширения Организации. В 2015 г. на Уфимском саммите состав стран – участниц ШОС

увеличился до восьми: состоялось принятие Индии и Пакистана; в состав государств-наблюдателей вошли Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия, подали заявку на участие в ШОС в качестве государств-наблюдателей Бангладеш, Египет и Сирия; а партнерами по диалогу стали Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка.

Подводя итог, можно утверждать, что политика России на пространстве СНГ реализуется с учетом не только региональной, но и глобальной повестки дня, возникновения новых и новейших вызовов в непосредственном международном окружении. В этой связи в ближайшее время России придется противодействовать попыткам задействия «эффекта домино» как проекции украинского кризиса не только на европейском, но и на кавказском и центральноазиатском флангах СНГ.

Главный вопрос заключается в адекватной оценке объемов политических и экономических ресурсов, необходимых для осуществления системных, а не ситуативных мер по консолидации пространства СНГ.

Сохранение позиций в собственном историческом ареале (каковым для России является пространство бывшего СССР) требует полноценного лидерства. А лидерство равнозначно способности служить эталоном развития для типологически близких стран. Поэтому первоочередным и важнейшим условием сохранения влияния России как на страны СНГ, так и в целом на мировое сообщество является образцовое решение проблем собственного развития с учетом необходимого противодействия внешним вызовам.

THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES AND THE PROBLEMS OF EURASIAN INTEGRATION

*Ksenia P. Borishpolets, Ph.D. (Political Science),
Professor, Department of World Politics
Leading Research Associate, Centre for Post-Soviet Studies,
Institute for International Studies, MGIMO University,
76 Vernadsky Ave, 119454, Moscow. E-mail: oksabor@mgimo.ru*

*Stanislav Chernyavskiy, Doctor of Science (History)
Director, Center for Post-Soviet Studies,
Institute for International Studies, MGIMO University
76 Vernadsky Ave, 119454, Moscow*

Summary

The current situation on the territories neighboring to Russia is characterized by a high degree of turbulence in the sphere of international interaction. A dynamic “mixture” of positive and negative (from the viewpoint of international security and sustainable economic growth) phenomena, intensification of international interaction against the background of strengthening international competition have led to the formation in 2014-2015 of a specific amalgamation of traditional, modern, and brand new trends in the development of Russia and her close neighbors.

In the context of integration processes in Eurasian space, the multilateral cooperation within the CIS and EAEU formats presupposes a consolidation of all members' efforts to realize common goals. As far as Russia is concerned, her regional leadership is equal to the ability to serve as a model for typologically similar countries. The primary and most important condition of retaining Russia's influence upon both the CIS countries and the world community as a whole is an exemplary decision of problems of her own development, taking also into consideration the necessity to oppose external challenges.

Key words: *Russia, Eurasian Economic Union, Eurasian integration, international co-operation.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Боришполец К.П.* Евразийская интеграция как тренд международной политической практики // Ежегодник ИМИ. – М.: МГИМО-Университет. 2014, № 3–4.
2. Взаимный интерес к укреплению партнерских отношений. Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Беларусь в Армении С.Н. Сухоренко // Ноев ковчег. Независимая международная газета. № 7 (213), 16–30 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2013-07/3780.html#ixzz3tiXcl6AJ>
3. *Гусев Л.Ю.* Основные направления сотрудничества между Россией и Казахстаном в рамках евразийской интеграции // Ежегодник ИМИ. – М.: МГИМО-Университет. 2014, № 1.
4. Мендкович М.А. Проблемы экономик Южного Кавказа в посткризисный период (2009–2013 гг.) // Ежегодник ИМИ. – М.: МГИМО-Университет. 2014, № 2;
5. Орлов А.А. Мораль в международной политике // Международная жизнь. – 2015. – № 4. – С. 52–61.
6. *Орлов А.А.* Проблема продовольственной безопасности России» // Обозреватель – Observer. – 2008. – № 12 (227). – С. 6–15.
7. Оценка экономического эффекта присоединения Республики Таджикистан к ТС и ЕЭП . Доклад № 14. – Санкт-Петербург: Евразийский Банк Развития: Центр интеграционных исследований, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eabr.org/general//upload/СИИ%20-%20izdania/Proekti%20i%20dokladi/ Tajikistan-CU-SES/EBD_Centre_Doklad_14_RUS_1.pdf/
8. Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны. Доклад № 13. – Санкт-Петербург: Евразийский Банк Развития: Центр интеграционных исследований, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eabr.org/general//upload/СИИ%20-%20izdania/Proekti%20i%20dokladi/ Kyrgyzstan%20-%20CU/EDB_Centre_Report_13_Full_Rus_1.pdf.
9. *Притчин С.А.* Особенности развития политических и экономических процессов в Азербайджане в 2008–2013 гг.: рост во время кризиса // Ежегодник ИМИ. – М.: МГИМО-Университет. 2014. № 2.
10. *Таджин М.* В чем же заключается наше видение нового Казахстана? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1360528320>.
11. *Чернявский С.И.* Евразийский Союз – от дезинтеграции к консолидации и взаимодействию // Ежегодник ИМИ. – М.: МГИМО-Университет. 2014. № 3–4.

ЛИХОРАДОЧНЫЙ ПУЛЬС БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

А.А. КАЗАНЦЕВ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: КОМПЛЕКСНЫЙ КРИЗИС И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

*Казанцев Андрей Анатольевич, д. полит. н., директор Аналитического центра Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: andrka@mail.ru*

Аннотация

В работе проводится системный анализ перспектив развития ситуации в постсоветской Центральной Азии. При этом рассматривается взаимосвязь тенденций в различных сферах: политической, экономической, военной, социальной и демографической. Автор констатирует наличие комплексного и многостороннего кризиса, а также связанной с ним высокой степени неопределенности в дальнейшем развитии ситуации, что проявляется, в частности, в большой вариативности сценариев развития. Анализ проводится как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективах. Исследование при этом строится двухступенчато: для каждой из временных перспектив выделяются как соответствующие существующие в настоящем движущие силы, так и возможные качественные разрывы ситуации, которые могут привести к принципиальным изменениям (в рамках сценарного анализа).

Ключевые слова: *Центральная Азия, сценарный анализ, сценарии развития, движущие силы, «Новая Большая игра», новые угрозы и вызовы безопасности.*

Центральная Азия находится в комплексном кризисе. Налицо рост угроз в сфере безопасности, кризисные явления в связи с конфликтом вокруг Украины и тяжелым состоянием российской экономики, рост китайского влияния как способ компенсации кризисных явлений.

В развитии кризиса можно идентифицировать следующие основные тенденции.

Тенденция первая – рост угроз безопасности. Стремительное наступление войск «Исламского государства» (ИГ) в Ираке, имеющее своим следствием возникновение мощной новой базы международных террористов, стало одним из важнейших *новых* внешних негативных факторов для Центральной Азии. ИГ реально представляет угрозу для постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа – в силу того, в частности, что в его рядах воюет большое количество выходцев из стран региона. Они могут вернуться домой, распространять свои воззрения, вербовать террористов или, что еще хуже, руководство ИГ может использовать их для совершения террористических актов в их родных странах. Либо террористы, которых

вербуют сейчас в постсоветских странах, могут быть использованы прямо на месте вербовки, вообще безо всякой переброски их в Сирию или Ирак.

Угроза со стороны ИГ накладывается на давнюю угрозу распространения экстремизма из соседнего Афганистана. Именно там концентрируется радикальная исламская оппозиция властям государств Центральной Азии. На границах Афганистана и центральноазиатских государств (прежде всего, на границах Таджикистана и Туркменистана) продолжают скапливаться боевики террористических группировок, связанных с «Аль-Каидой».

Рядом экспертов высказалось мнение, что возможна координация действий «Талибан» и ИГ. Эта точка зрения и верна и неверна одновременно. Она неверна в том плане, что у «Талибан» сейчас, в отличие от прежних времен (до ввода американских войск), нет единого командного центра. Теперь «Талибан» – совокупность добровольческих отрядов, группировок и их командиров, которые сетевым образом могут согласовывать свои действия. Но этим «Талибан» и опасен. Централизованная структура разрушена, а то, что осталось, победить нельзя, как, впрочем, и договориться с этой новой реальностью.

Представляется, что опасения вторжения «Талибан» в постсоветскую Центральную Азию преувеличены. Вторгнуться туда может не «Талибан», а отдельные отряды исламских экстремистов – выходцы из самой Центральной Азии (в частности, боевики «Исламского движения Узбекистана»). Но, как показали события предшествующих периодов, в частности «баткенская война» в Киргизии, даже такие вторжения представляют серьезную угрозу для стран Центральной Азии и требуют военной помощи России.

Всесторонний военно-политический и экономический кризис, охвативший постсоветское пространство в 2014 г., снижает возможности постсоветских государств в противостоянии терроризму и религиозному экстремизму. А конфликт России и Запада не дает возможности наиболее уязвимым государствам Центральной Азии получить полноценную помощь в противодействии терроризму [6]. В этой связи можно ожидать, что в 2015–2016 гг. активность террористов на юге постсоветского пространства усилится.

Перечисленные угрозы могут наложиться на ряд «внутренних» центральноазиатских проблем. Опасны не сами по себе угрозы «Талибан» и ИГ, а то, что даже слабые внешние толчки могут разрушить и без того «хрупкие» (fragile) центральноазиатские государства. И может сработать «модель домино»: одно падающее государство будет взрывать стабильность в другом.

Растет угроза дальнейшей интеграции криминальных структур, занятых транзитной наркоторговлей, с террористическими структурами. Россия – первый в мире потребитель афганского героина, который идет по маршруту: Афганистан – Киргизия – Казахстан – Россия – ЕС («северный маршрут»). Примеров финансирования террористической деятельности из средств, полученных на продаже героина, много и в Афганистане, и в постсоветской Центральной Азии.

Продолжается острый конфликт Узбекистана и Таджикистана по поводу раздела вод трансграничных рек, имеются и трения между Узбекистаном и Киргизией.

Налицо и угрозы внутривнутриполитической стабильности. Основной потенциал дестабилизации накоплен в Киргизии. После двух революций там имеет место периодически обостряющийся политический кризис, а государственные структуры очень слабы. К факторам потенциальной внутренней дестабилизации в Казахстане и Узбекистане можно отнести и проблемы с передачей верховной власти. Имеют место также серьезные долговременные социальные проблемы, подрывающие стабильность во всех государствах Центральной Азии, хотя в существенно различной степени. Это – бедность, коррупция, межрегиональные и межклановые конфликты. Казахстан в этом плане смотрится намного лучше своих соседей по региону, но проблемы соседей могут «перехлестнуть» и через его границы.

Тенденция вторая – кризис в связи с конфликтом вокруг Украины и тяжелым состоянием российской экономики. Резко негативное влияние на Центральную Азию оказывает общий политический и экономический кризис на постсоветском пространстве. Революция на Украине спровоцировала обострение отношений между Россией и Западом на пространстве бывшего СССР, а также острый российско-украинский конфликт, балансирующий на грани локальной войны. В этой связи начался кризис «многовекторной внешней политики», которую

проводили постсоветские государства. Если взять Казахстан, то суть многовекторной политики Астаны можно свести к тезису: «Казахстан одинаково дружелюбен всем странам мира, и особенно соседям». Но как теперь дружить с теми игроками, которые находятся между собой в открытом конфликте, например, с Россией, с одной стороны, США, государствами ЕС и Украиной – с другой? Это – вызов для казахстанской внешней политики. Президент Н. Назарбаев с его огромным опытом и влиянием, опираясь на нефтегазовые ресурсы Казахстана, еще находит эффективные рецепты в данной ситуации, но для более слабых стран (скажем, Киргизии и Таджикистана) это – огромный вызов.

Еще хуже то, что политические конфликты совпали с началом мощного экономического кризиса в России, который неизбежно затронет и страны Центральной Азии. Особенно это касается Киргизии и Таджикистана, а также Узбекистана. Все три страны зависимы от трудовой миграции в Россию, а также от российской внешней помощи (особенно Киргизия и Таджикистан) и от торгово-экономических связей с Россией (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан).

Несмотря на кризисные явления, продолжается углубление и расширение сотрудничества по линии евразийской интеграции. Этот процесс сложный и многоаспектный. С одной стороны, поступательное развитие очевидно. С другой – наметились и кризисные явления, идут активные политические и экономические дискуссии между участниками процесса интеграции. Конфликт на Украине показал, что Казахстан не откажется от своей многовекторной внешней политики, Россия же хотела бы большей политической поддержки. Этот конфликт обнажил основное противоречие в подходах Москвы и Астаны к евразийской интеграции. Астана предпочитает экономическое содержание евразийской интеграции и отдает приоритет углублению сотрудничества в рамках существующего состава членов ЕАЭС. Кроме того, Казахстан – сторонник гармонизации процессов региональной интеграции на евразийском пространстве с процессами глобализации, а также – более гармоничного взаимодействия евразийских и евроатлантических структур (особенно ЕС). В принципе всё это не противоречит ни ключевым внешнеполитическим документам России, ни основным положениям программных заявлений В.В. Путина. Однако в качестве ответа на краткосрочные вызовы безопасности, в частности на украинский кризис, Москва в последнее время стала делать акцент на геополитические аспекты интеграции, активное расширение ЕАЭС и противостояние влиянию Запада на постсоветском пространстве. Здесь, справедливости ради, следует отметить, что трения в российско-казахстанских отношениях, по сравнению, скажем, с российско-белорусскими, незначительны.

Тенденция третья – рост влияния Китая. В Центральной Азии продолжает расти влияние КНР, что тесно связано с кризисом в сферах безопасности и экономики, так как многие постсоветские страны начинают обращаться к Китаю за помощью в тяжелой ситуации. Имеет место угроза столкновения российских интересов в Центральной Азии с китайскими – «Пояс Шелкового пути» некоторые комментаторы позиционируют как альтернативу евразийской интеграции. Очевидно, что в условиях кризиса в отношениях с Западом у России не будет свободных ресурсов для противостояния Китаю, так что Москве надо искать способы эффективно договориться с Пекином.

Перечисленные тенденции дают основание для прогнозирования обозримой перспективы, в которой:

- Во-первых, продолжатся конфликты между Россией и Западом – прежде всего, потому что разрешение конфликта вокруг Украины, очевидно, состоится за пределами 2015 г., так как противостояние уже перешло в «позиционную фазу». При этом на всех соседях России, в том числе центральноазиатских, будет все тяжелее сказываться российский экономический кризис.
- Во-вторых, этот экономический кризис и тяжелая геополитическая ситуация на постсоветском пространстве негативно скажутся и на евразийской интеграции. Более всего это коснется тех партнеров России, которые вошли в этот процесс, рассчитывая в основном на российскую экономическую помощь, то есть на Белоруссии и Киргизии. Налицо риск всевозможных конфликтов и скандальных ситуаций, если эта экономическая помощь окажется меньшей по сравнению с ожидаемой. Армении в большей мере нужна российская военная помощь,

гарантии безопасности. Поэтому здесь ситуация будет «тише». С Казахстаном же ситуация может оказаться наиболее благоприятной – с учетом как мудрой позиции президента Н. Назарбаева, так и того, что Казахстан не является крупным получателем российской помощи.

- В-третьих, продолжит расти влияние КНР – при том, что экономика будет все больше накладываться на геополитику. Ключевой вопрос здесь – что Россия и Запад, занятые борьбой друг с другом, смогут противопоставить росту политического влияния Пекина?
- В-четвертых, продолжится рост рисков, связанных с ИГ, нестабильностью в Афганистане, исламским терроризмом в целом. Россия в рамках ОДКБ выступает гарантом безопасности Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Она будет вынуждена помогать партнерам при росте угроз.

Эти перспективы достаточно тревожны. И в таком контексте российско-казахстанские отношения как ключевой движущий элемент евразийской интеграции могут и должны продолжать поступательно развиваться. И Москве, и Астане это выгодно. К тому же президент Н. Назарбаев умеет позиционировать это сотрудничество как не направленное ни против Запада, ни против Китая. США не нужно повторение терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, а КНР – расширение проблем с религиозными экстремистами в Синьцзяне. Для этого нужна, в том числе, стабильность в Центральной Азии. Если из-за всестороннего кризиса на постсоветском пространстве вдруг выпадет «ось» Россия – Казахстан, ключевая для обеспечения стабильности и безопасности Центральной Азии и всей Центральной Евразии, то заместить ее будет абсолютно нечем.

КРАТКО- И СРЕДНЕСРОЧНЫЕ СЦЕНАРИИ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вывод войск Международных сил содействия безопасности из Афганистана (пусть даже и с сохранением ряда военных баз США, предусмотренных подписанным в 2014 г. соглашением о безопасности с Афганистаном) вызывает повышенную озабоченность сопредельных с Афганистаном государств Центральной Азии, входящих в ОДКБ. Таджикистан непосредственно граничит с Афганистаном, на Киргизии и Узбекистане соответствующие проблемы сказываются опосредованно. Одновременно с усилением угроз на афганском направлении внутри самих постсоветских государств Центральной Азии наблюдаются определенные тенденции к усилению внутренних угроз. Обстановка вокруг региона, связанная с соперничеством лидирующих мировых держав, также представляется не слишком благоприятной. Это стало особенно очевидным с возникновением конфликта вокруг Украины.

Ниже предложены кратко- и среднесрочные сценарии и перспективы эволюции ситуации с коллективной безопасностью в центральноазиатском регионе ответственности ОДКБ на ближайшие 3-5 лет. В методологическом плане следует подчеркнуть, что сценарный анализ не является предсказанием будущего. Сценарии представляют собой экстраполяции возможных линий развития имеющихся тенденций. Чем эти тенденции более противоречивы, тем больше могут расходиться между собой сценарии. При оценке вероятности сценариев первоначально учитывалось мнение большой группы центральноазиатских экспертов, с которыми автор контактировал лично и по электронной почте в ходе своей стажировки в Маршалловском центре (Германия). Эта оценка была дополнена результатами экспертного опроса, проведенного 4 июня 2013 г. в рамках сотрудничества Института международных исследований МГИМО и Аналитической ассоциации ОДКБ, а затем уточнена в ходе целого ряда семинаров, проведенных Аналитическим центром ИМИ МГИМО.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЦЕНАРИЕВ

В качестве базовых предлагаются 4 сценария, которые будут – в общих чертах – перечислены ниже. Перечисление идет по степени оптимальности сценариев, от «хороших»

к «плохим». При этом, к сожалению, степень вероятности «плохих» сценариев в текущей ситуации оказывается существенно выше, чем «хороших».

Сценарий 1. «Успешное международное сотрудничество». Великие державы (прежде всего, Россия, КНР и Индия) успешно взаимодействуют в борьбе с новыми угрозами безопасности, а США и союзные им государства НАТО, несмотря на конфликт вокруг Украины, поддерживают с ними диалог, перебазировавшись, в соответствии с «доктриной Обамы» (“rebalancing”), свои основные ресурсы и интересы в азиатско-тихоокеанскую зону. Соответственно, интерес США к региону Центральной Азии уменьшается, что приводит к угасанию предшествовавшего этапа «новой Большой игры», который характеризовался российско-американским геополитическим соперничеством. Не возникает и нового этапа, в котором ключевой «осью» развития становится китайско-американское геополитическое соперничество. Данный сценарий предполагает более эффективную работу госструктур в Центральной Азии. В результате удастся держать под контролем коррупцию, а роль так называемых «новых негосударственных игроков» (коррупционных, криминальных и террористических сетей) уменьшается. Ключевыми акторами в рамках данного сценария являются государства, как региональные, так и внерегиональные. Сценарий предусматривает также ускорение модернизации на постсоветском пространстве и эффективное протекание интеграционных процессов в рамках многовекторных политик центральноазиатских государств. Для России наибольшую ценность представляет, естественно, сочетание двустороннего сотрудничества, военно-политического сотрудничества в рамках ОДКБ, процессов евразийской экономической интеграции и координация усилий государств региона в рамках ШОС. Это – оптимальный, но имеющий очень низкую вероятность сценарий, особенно с учетом обострения российско-американских отношений.

В случае если данный сценарий будет реализован, очевиден следующий набор приоритетов для ОДКБ и руководства РФ: развивать международное сотрудничество по линии ШОС, теснее координировать работу с евразийскими структурами, наладить селективное партнерство по ряду острых проблем (наркотрафик, терроризм) с западными коллегами, как на двусторонней (Россия – США, Россия – государства ЕС), так и на многосторонней (в рамках отдельных программ ЕС, ОБСЕ и НАТО) основе. В этом случае ОДКБ должно стать инструментом многостороннего международного сотрудничества.

Сценарий 2. «Постепенный упадок». Международное соперничество в рамках «новой Большой игры» нейтрализует попытки организовать эффективную помощь государствам Центральной Азии. Причем на старые геополитические противоречия по линии США – Россия накладываются новые по линии США – Китай, что уже сказывается в рамках «доктрины Обамы», в частности в политике «ребалансирования» военно-политического присутствия США в разных регионах мира. Активность негосударственных игроков, включая террористические, криминальные и коррупционные сети, в сферах разного рода новых угроз безопасности (распространения религиозного экстремизма, транспортировки наркотиков, неконтролируемой миграции) постепенно усиливается. Эти «новые игроки» в плане определения региональной динамики становятся зачастую куда более значимыми, чем формальные государственные акторы. Однако ситуация все же не выходит полностью из-под контроля – ни по причине международного соперничества, ни по причине образования «несостоявшихся государств». Этот сценарий хуже, чем первый, но лучше, чем последующие. Он обладает высокой вероятностью.

В случае реализации данного сценария приоритетное внимание руководству ОДКБ и РФ следует сосредоточить на укреплении государственных структур в Центральной Азии, поддерживая их в охране границ, борьбе с наркотиками и исламским экстремизмом. В этом случае ОДКБ должно стать основным инструментом проведения и координации российской помощи центральноазиатским государствам.

Согласно **Сценарию 3 – «Интенсификация “новой Большой игры”** – соперничество между Россией и Западом, в частности вокруг Украины, выходит из-под контроля и провоцирует дополнительную дестабилизацию в Центральной Азии. В результате этого террористическая и экстремистская деятельность, наркотрафик и другие новые угрозы безопасности растут. Тем не менее основными акторами остаются государства, которые, в том числе, в своих геополитических интересах могут поощрять отдельные коррупционные, криминальные

и экстремистские группы. Этот сценарий менее приемлемый, чем два предыдущих, но имеющий наиболее высокую вероятность.

В случае его реализации необходимо определиться с приоритетами политики РФ в Центральной Азии, усилить межведомственную координацию, так как в этом случае ключевой станет проблема отстаивания Россией своих интересов в напряженной борьбе с другими державами, причем не только, как это было прежде, с США и их союзниками, но и с Китаем. ОДКБ станет в этом случае основным инструментом проведения военно-политического влияния России в регионе и главным «фокусом» координации межведомственной политики в России в сфере безопасности в Центральной Азии.

Сценарий 4 «Центральноазиатский взрыв» – катастрофический. Он предусматривает образование серии не контролируемых свою территорию «несостоявшихся государств», простирающихся от северо-запада Пакистана, через Афганистан в постсоветскую Центральную Азию. В этом случае будет нарастать тенденция к росту числа наркогосударств, террористические и экстремистские группы установят прямой территориальный контроль над существенными территориями, а также резко возрастут миграционные потоки, в том числе из Афганистана в Центральную Азию и из Центральной Азии в Россию. Роль государств в определении региональной динамики резко уменьшится, а роль негосударственных новых игроков станет определяющей.

Вывод войск МССБ из Афганистана в сочетании с кризисом раздираемой внутренними противоречиями афганской администрации и всех официальных госинститутов, включая армию, а также атаки со стороны «Исламского государства» в Сирии и Ираке могут спровоцировать региональный «эффект домино». Историческим образцом здесь может служить то, что имело место после вывода войск США из Вьетнама, сопровождавшегося также официальной «передачей ответственности за ситуацию» южновьетнамским властям. Тогда в результате произошла смена режимов не только в Южном Вьетнаме, но и в соседних с Вьетнамом государствах, причем процесс был настолько хаотический, что в Камбодже пришел к власти Пол Пот, режим которого был откровенно враждебен к просоветскому правительству Вьетнама и который осуществил геноцид не только вьетнамцев, но и коренного населения страны.

На случай реализации этого сценария от ОДКБ потребуются комплекс антикризисных мер по борьбе с трансграничными угрозами, могущими возникнуть из-за кризиса или распада государственных структур в одном или двух центральноазиатских государствах. Предполагается средняя вероятность этого сценария.

Характеристики сценариев представлены в приведенной ниже *Таблице 1*.

Таблица 1

**Кратко- и среднесрочные сценарии развития политической ситуации
в Центральной Азии**

Название / характеристики сценария	«Успешное международное взаимодействие»	«Постепенный упадок»	«Новая Большая игра»	Центрально-азиатский взрыв
Основные игроки	Государственные	Негосударственные (террористические, сети, криминальные группы).	Государственные	Негосударственные (террористические сети, криминальные группы).

Движущие силы сценариев	<p>Ключевые великие державы успешно взаимодействуют в борьбе с новыми угрозами.</p> <p>Более эффективная работа госструктур в Центральной Азии.</p> <p>Ускорение модернизации и интеграционных процессов на постсоветском пространстве.</p>	<p>Международное соперничество нейтрализует попытки организовать эффективную помощь государствам Центральной Азии. Активность негосударственных игроков в сфере транспортировки наркотиков постепенно усиливается. Ситуация не выходит полностью из-под контроля ни по причине международного соперничества, ни по причине образования «несостоявшихся государств».</p>	<p>Международное соперничество выходит из-под контроля и провоцирует дополнительную дестабилизацию в Центральной Азии. Наркотрафик и другие новые угрозы безопасности растут.</p>	<p>Образование несостоявшихся государств, тенденция к росту числа наркогосударств после вывода войск МССБ из Афганистана, который может спровоцировать «эффект домино» в зоне ответственности ОДКБ.</p> <p>Резкий рост наркоторговли и других новых угроз, спецслужбы не имеют возможности эффективно этому противостоять из-за потери контроля над территорией рядом государств ЦА.</p>
Оценка сценария	Позитивный	Средний, с негативной тенденцией	Негативный	Катастрофический
Рекомендуемые варианты реагирования (приоритеты).	<p>Развивать международное сотрудничество с ШОС, теснее координировать работу с евразийскими структурами. Селективное партнерство по ряду вопросов (наркотики, терроризм) с западными структурами.</p>	<p>Приоритетное внимание уделить укреплению государственных структур в Центральной Азии, поддерживая их в охране границ, борьбе с наркотиками, исламским экстремизмом.</p>	<p>Усилить межведомственную координацию, так как в этом случае ключевой станет проблема отстаивания Россией своих интересов в борьбе с другими великими державами.</p>	<p>Реализовать комплекс антикризисных мер по борьбе с трансграничными угрозами на случай кризиса или распада государственных структур в одном или двух центральноазиатских государствах.</p>
Ключевая функция ОДКБ в случае реализации сценария.	<p>Ключевой компонент многостороннего международного сотрудничества в сфере региональной безопасности.</p>	<p>Основной инструмент проведения и координации российской помощи центральноазиатским государствам.</p>	<p>Основной инструмент проведения военно-политического влияния России в регионе и главный «фокус» координации</p>	<p>Инструмент кризисного реагирования.</p>
Террористическая и экстремистская активность.	Остается под относительным контролем.	Медленный рост	Быстрый рост	Катастрофический рост
Транспортировка наркотиков (Афганистан – ЦА – РФ – ЕС).	Уменьшение	Медленный рост	Быстрый рост	Катастрофический рост

Ситуация с миграцией в Россию из ЦА .	Относительная стабилизация благодаря более эффективной интеграции мигрантов.	Усиление проблем	Усиление проблем	Крупномасштабная дестабилизация за счет конфликтов между россиянами и мигрантами.
Первоначальная оценка вероятности.	Наименьшая	Средняя	Наибольшая	Средняя, но меньшая, чем <i>Сценарий 2</i> .

КРАТКОСРОЧНЫЕ И СРЕДНЕСРОЧНЫЕ СЦЕНАРИИ КАК СПОСОБЫ ПОНИМАНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Эти сценарии представляют собой способы группировки и понимания тенденций, которые стоят за соответствующими сценариями.

Тенденции в пользу сценария «Успешное международное сотрудничество». Нынешний кризис в российско-американских отношениях и рост китайско-американского соперничества на Тихом океане не отменяют полностью возможность реализации сценария. В пользу этого можно привести следующие аргументы.

1. Никто, особенно азиатские, евроазиатские и европейские государства, не заинтересован в дестабилизации Центральной Азии, потери управляемости конфликтами. В противоположность мнению ряда российских экспертов, «стратегия Обамы» также предусматривает максимальное «сглаживание» существующих в регионе проблем и налаживание многостороннего сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами.

2. Правительство Б. Обамы до украинского конфликта вообще мало интересовалось постсоветским пространством и, в отличие от ряда радикальных республиканцев, с целью экономии бюджетных ресурсов и успешного выхода из Афганистана, хотело бы компромисса и сотрудничества с Россией по афганско-центральноазиатскому комплексу проблем.

3. Основные театры китайско-американского соперничества, включая борьбу за ресурсы, удалены от Центральной Азии (регион Тихого океана, Африка).

4. Существует достаточно много разнообразных международно-институциональных форм координации политики как центральноазиатских государств, так и вовлеченных в регион великих держав. Проблема лишь в том, что никто не хочет соблюдать соответствующие правила, существующие в рамках этих институтов и организаций, а также координировать между собой их работу. Поэтому в регионе пока доминирует Realpolitik.

Тенденции в пользу сценария «Постепенный упадок». Данный сценарий возможен, благодаря хорошо известному соперничеству великих держав в Центральной Азии, «новой Большой игре». Эксперты с разных сторон упорно продолжают обвинять различные государства, включенные в эту «игру», в поддержке определенных террористических, коррупционных и криминальных групп в своих интересах.

Другой важной тенденцией является очень высокий уровень коррупции в постсоветской Центральной Азии и в Афганистане. Одним из традиционно используемых в мире инструментов анализа коррупции является Индекс восприятия коррупции «Трансперенси интернешнл». В *Таблице 2* приведены данные из этого индекса за 2006–2012 гг. для постсоветских государств Центральной Азии (в 2012 г. методика немного изменилась, из дробночисловой шкала стала цельночисловой).

Таблица 2

Коррупция в Центральной Азии

	2006 Место в мире; балл	2007 Место в мире; балл	2008 Место в мире; балл	2009 Место в мире; балл	2010 Место в мире; балл	2011 Место в мире; балл	2012 Место в мире; балл
Казахстан	111 2,6	150 2,1	145 2,2	120 2,7	105 2,9	120 2,7	133 28
Киргизия	142 2,2	150 2,1	166 1,8	162 1,9	164 2,0	164 2,1	154 24
Узбекистан	142 2,2	175; 1,7 166; 1,8	174 1,7	172 1,6	177 1,6	170 17	
Таджикистан	151 2,1	150 2,1	151 2,0	158 2,0	154 2,1	152 2,3	157 22
Туркмения	142 2,2	162 2,0	166 1,8	168 1,7	172 1,6	177 1,6	170 17

Рейтинг в целом показывает очень высокий уровень коррупции в Центральной Азии, что парализует государственные структуры, в том числе в противостоянии новым вызовам и угрозам безопасности. Отметим, что в последние годы ситуация с коррупцией продолжала ухудшаться. Правда, следует отметить, что государства, входящие в ОДКБ, имеют более низкие показатели коррупции, чем государства региона (Узбекистан и Туркменистан), в настоящее время в ОДКБ не входящие (Туркменистан) или приостановившие членство (Узбекистан). Если же взять такого влиятельного члена ОДКБ, как Казахстан, то он является достаточно «чистым» от коррупции государством по сравнению не только со своими среднеазиатскими соседями, но и с государствами СНГ из других регионов.

Тенденции в пользу сценария «Интенсификация новой Большой игры». Налицо усиление российско-американского противостояния, в частности, в связи с украинской проблемой. Это оказывает негативное влияние, в том числе, и на регион. США и до украинского кризиса негативно относились к идее евразийской интеграции, что создает идеологическую основу для столкновения с российскими интересами в Центральной Азии. В частности, постсоветского пространства (и в интерпретации ряда российских экспертов, особенно, Центральной Азии, хотя некоторые американские эксперты говорят о том, что оно относилось преимущественно к Украине) касалось заявление бывшего государственного секретаря Х. Клинтон в декабре 2012 г., в котором политика евразийской интеграции, объявленная тогда основным региональным внешнеполитическим приоритетом России, оценивалась чрезвычайно негативно.

В мире наблюдается тенденция к новой биполяризации и рост соперничества США и КНР, что может добавить дополнительное измерение «новой Большой игре». Кроме того, растет индо-пакистанское стратегическое соперничество, в том числе в Центральной Азии, в которое (на сторону Пакистана) вовлечен Китай, что при определенных обстоятельствах может оказаться проблемой российской внешней политики.

Тенденции в пользу сценария «Центральноазиатский взрыв». Хотя эти тенденции достаточно многочисленны, это, по мнению автора, не способствует повышению вероятности сценария. Перечислим их кратко по страновому и региональному принципу.

- В Афганистане. Слабость центрального правительства и армии, высокая неопределенность с военно-политической ситуации после вывода войск МССБ. Концентрация сил «Талибан» и центральноазиатских экстремистов на севере Афганистана, в частности на границах Таджикистана и Туркменистана.
- В Таджикистане. Экономически страна до сих пор чрезвычайно ослаблена последствиями гражданской войны. Имеют место энергетический кризис и демографический взрыв. Трудовая эмиграция в Россию является одним из основных источников внешних доходов (до 50 % ВВП по ряду оценок). Страна бедна углеводородными ресурсами. Существует серьезный водно-энергетический конфликт с Узбекистаном, накладывающийся на проблемы определения границ

и элементы транспортной блокады. Он не позволяет эффективно использовать основной природный ресурс страны – воду. Имеет место и связь между таджикской исламской оппозицией и таджиками в Афганистане, что может в случае нового распада Афганистана по этническим линиям привести к усложнению ситуации. Нестабильность в стране и слабость территориально контроля над рядом регионов продемонстрировали боевые действия в Горном Бадахшане летом 2012 г.

- В Киргизии. Силловые структуры страны ослаблены двумя революциями (2005 и 2010 гг.), а также постоянными политическими кризисами и коррупцией. Согласно индексу несостоявшихся государств (составитель – Fund for Peace, Washington, USA), Киргизия с 91,8 баллами является одним из самых «хрупких» постсоветских государств. Самую высокую «хрупкость» ее государственности отражает и индекс «Политического атласа современности» МГИМО, основанный на объективных параметрах, а не экспертных мнениях. Страна геополитически расколота – центральное правительство слабо контролирует Юг, особенно г. Ош. Правящая коалиция достаточно неустойчива, у президента А. Атамбаева мало ресурсов. Важную роль в экономике играют трудовая эмиграция в Россию и Казахстан, контрабанда китайских товаров на постсоветском пространстве и наркопотоки.
- В Ферганской долине. Узбекистан, Таджикистан и Киргизия делят между собой перенаселенную и подверженную влиянию исламских экстремистов Ферганскую долину. Именно здесь наиболее остры водно-энергетические противоречия. Проблемы в одном государстве легко могут отразиться в двух других. Нестабильность в Афганистане может особенно повлиять на этот «стык государств», так как на него всегда была нацелена деятельность Исламского движения Узбекистана, Исламского движения Туркестана и других базирующихся в Афганистане экстремистских групп. Кроме указанных выше проблем Киргизии и Таджикистана, на регионе могут отразиться проблемы в Узбекистане, в частности, противоречия между региональными кланами, связанные с неопределенностью в плане передачи власти преемнику со стороны президента Ислама Каримова.
- В Казахстане. Следует помнить, что в Казахстане, считавшимся «островком стабильности», имел место неожиданный рост экстремизма (включая террористическую деятельность и деятельность подпольных групп, в частности, в 2014 г.) и социальных конфликтов (волнения рабочих в Жанаозене, 2011 г.). Казахстан, как и Россия, подвержен влиянию трансграничных проблем, приходящих с юга (экстремизм, наркоторговля и неконтролируемая миграция). За весь период независимости Казахстан пока не прошел через процесс передачи верховной власти. В этой связи чрезвычайно высокую роль в сохранении стабильности внутри и вокруг страны играет фактор личности президента Н.А. Назарбаева.
- В России. Наряду с традиционным «набором» проблем на Северном Кавказе и в Поволжье всё более острой становится проблема роста числа экстремистских групп, связанных с «Аль-Каидой», в этнически русских регионах, а также в Москве и Подмосковье, этническая однородность которых сокращается. Важную роль среди этих групп играют организации центральноазиатского происхождения, в которые вступают и россияне, не связанные по своему происхождению с Центральной Азией. Усиливается и проблема использования территории России, в частности Москвы, для вербовки наемников и террористов, особенно из числа центральноазиатских трудовых мигрантов, в том числе, для боевых действий в Афганистане, Пакистане, Сирии, Ираке. Россия стала второй после США страной в мире по числу иностранных мигрантов, существенная часть их происходит из проблемных государств Центральной Азии. Дополнительный миграционный потенциал региона по отношению к РФ в ближайшие пару десятилетий оценивается примерно в 10 млн человек. По оценкам некоторых экспертов из компетентных органов, фигурирующим в прессе, до 5 % таких иммигрантов могут быть связаны с радикальным исламом. Кроме того, по оценкам ФСКН и Управления по наркотикам и преступности ООН, РФ лидирует в мире по потреблению афганского героина, поступающего через Центральную Азию. Как показывает анализ дискуссий

в российских социальных сетях, многие исламские экстремисты воспринимают наркотики как своеобразное «оружие против русских» – таким образом, имеет место распространение идеологии, впервые возникшей в Афганистане и позволяющей использовать наркотики (вообще-то запрещенные исламом) против «неверных».

СРЕДНЕСРОЧНЫЕ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ СЦЕНАРИИ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Перейдем теперь к анализу более долгосрочных тенденций, которые будут определять развитие ситуации в регионе, и к формулированию на их основе соответствующих более долгосрочных сценариев.

Постсоветская Центральная Азия – один из ключевых регионов с точки зрения национальных интересов России в сфере безопасности и в экономике. Очевидно, что прогноз развития региональной ситуации на долгосрочную перспективу имеет достаточно большую практическую значимость. Вместе с тем в работах, посвященных сценарному анализу, как в глобальном [10; 13–14; 16], так и в региональном [1; 3; 6; 7] разрезе, долгосрочным тенденциям развития ситуации в Центральной Азии уделяется недостаточно внимания. Для формулировки сценариев регионального развития необходимо, прежде всего, попытаться проанализировать среднесрочные и долгосрочные тенденции до 2050 г.

Демографический взрыв и рост экстремизма в регионе. В настоящее время для всех стран Центральной Азии характерен быстрый прирост населения (см. Таблица 3). Государства региона отличаются также относительно большим количеством рождений, существенным превышением числа рождений над числом смертей и низким медианным возрастом. Как показывает исторический опыт, такая ситуация за счет перенаселенности и более низкой цены человеческой жизни, чем в обществах, прошедших через демографический переход (что характерно для модернизированных позднеиндустриальных и постиндустриальных обществ), провоцирует высокую конфликтность. Особенно чревата такая ситуация, как показывает опыт перенаселенной Ферганской долины в Узбекистане, распространением исламского экстремизма.

Таблица 3

Демографические характеристики государств Центральной Азии*

Страна	Медианный возраст	Число рождений на 1000 человек (2012 г., оценка)	Число смертей на 1000 человек (2012 г., оценка)	Число смертей на 1000 человек (2012 г., оценка)
Казахстан	29,3	20,44	8,52	1,23
Узбекистан	26,2	5,29	0,94	17,33
Киргизия	25,2	23,9	6,9	0,89
Таджикистан	22,9	25,93	6,49	1,82
Туркменистан	25,8	19,55	6,21	1,14

* Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США.

Частичным исключением является Казахстан, для которого характерен самый высокий медианный возраст – более 29 лет. В этом плане можно обратить внимание и на миролюбивую, избегающую конфликтов политику этого государства. К исключениям можно отнести и Узбекистан, где самая низкая рождаемость в регионе и, соответственно, относительно низкий естественный прирост населения (более низкий прирост населения в Киргизии частично объясняется более высокой эмиграцией). Однако в Казахстане имеет место серьезный региональный дисбаланс: демографический взрыв наблюдается в отдельных регионах на юге, где проживает наиболее исламизированное и наименее русифицированное население. Именно с южными, перенаселенными регионами обычно ассоциируется рост экстремизма в стране.

Указанные тенденции характерны и для Таджикистана, который отличается самым низким медианным возрастом, самым большим числом рождений и самым высоким приростом населения. По мнению многих экспертов, именно эти демографические характеристики способствовали (в числе многих других факторов) гражданской войне в этой стране после распада СССР.

Учитывая перечисленные тенденции, особенно низкий медианный возраст, можно прогнозировать, что рост населения в регионе продолжится еще как минимум 20–40 лет, то есть он, видимо, сохранится до 2050 г., хотя и будет постепенно замедляться. Даже после прекращения демографического взрыва регион (особенно Таджикистан и Ферганская долина) будет по-прежнему перенаселен, ресурсы, прежде всего водные, останутся в дефиците, а уровень жизни по мировым стандартам не будет высоким.

Объективный фактор роста аграрного перенаселения и маргинализации сочетается с процессом «исламского возрождения» после десятилетий государственного атеизма. Последний привел к уничтожению именно высококультурных форм традиционного ислама, в частности суфийского, тогда как непросвещенные и экстремистские его формы легче выживали «в подполье». Их развитию в позднесоветский период способствовало влияние конфликта в соседнем Афганистане и «исламской революции» в Иране, а в постсоветский период – деятельность исламских фондов нефтедобывающих арабских стран и глобальных экстремистских сетей.

Все это говорит о высоком потенциале конфликтности, не обязательно принимающем форму войн между государствами, но скорее проявляющемся в распространении экстремизмов или внутренних конфликтов по образцу гражданской войны в Таджикистане. Можно спрогнозировать от 2 до 6 случаев возникновения локальных вооруженных конфликтов на почве исламского экстремизма (по образцу вторжения войск Исламского движения Узбекистана в Киргизию, так называемой «Баткенской войны», в которую была втянута Россия и другие члены Договора о коллективной безопасности). Россия в той или иной форме (прямое вооруженное вмешательство или оказание военной помощи той или иной стороне) неизбежно будет вовлечена в любой будущий конфликт на данной территории.

Миграция и миграционные угрозы безопасности России. Сохранение высокого прироста населения и перенаселенности при относительно низком уровне жизни (см. *Таблица 4*) будет означать, что в обозримой перспективе продолжится тенденция к активной эмиграции по всем направлениям (трудовой или учебной с перспективой остаться в стране обучения). Эта напрямую затрагивает интересы России и связано с конфликтами, так как эмиграция провоцирует распространение угроз безопасности (религиозного экстремизма или наркоторговли). Кроме того, она будет провоцировать рост межнациональных столкновений в России.

В *Таблице 4* государства Центральной Азии сравниваются с Россией как основным реципиентом миграционных потоков из региона. Приведенные данные показывают четкое деление постсоветских стран на две группы: Киргизия, Таджикистан и Узбекистан характеризуются низким ВВП на душу населения, высокой безработицей и значительным числом бедных. Если учесть еще и то, что там много молодых мужчин, понятным становится высокий отток трудовых мигрантов, готовых на любую, самую тяжелую работу. Россия и Казахстан, напротив, принимают этих мигрантов. Причем, если их поток в Россию велик по абсолютным цифрам, то приток мигрантов в Казахстан выше по относительному показателю (на 1 000 человек населения).

Особый случай представляет собой Туркменистан. Благодаря богатым запасам углеводородов он имеет относительно высокий в региональном масштабе ВВП на душу населения. Однако большая структурная безработица и бедность влияют на интенсивность миграционного оттока. Возможно, это связано со специфической структурой управления, созданной при Туркменбаши, с которой пока не удалось справиться в ходе реформ новому руководителю республики Гурбангулы Бердымухамедову. (Напомним, что в период правления Туркменбаши при огромных затратах государства на престижные проекты были закрыты все больницы за пределами столицы, а система образования по ряду показателей была фактически демонтирована).

Таблица 4

**Взаимосвязь миграционных потоков и экономических факторов
в регионе и в России***

	Миграционный прирост/убыль населения на 1000 человек (2012 г., оценка)	ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (в долл. США)	Безработица, % (оценка, официальная или неофициальная)	Численность населения ниже черты бедности, % (оценка)
Россия	0,29	17,700	6,2 (2012 г.)	13,1 (2010 г.)
Казахстан	1,23	13,900	5,3 (2012 г.)	8,2 (2009 г.)
Узбекистан	-2,65	3,500	1 (2011 г., по неофициальной оценке – более 20)	26 (2008 г.)
Киргизия	-8,1	2,400	8,6 (2011 г.)	33,7 (2011 г.)
Таджикистан	-1,21 (недостаточно учтена циклическая трудовая миграция в Россию)	2,200	2,2 (2009 г., официальная оценка; по неофициальным оценкам – до 50–60)	46,7 (2009 г.)
Туркменистан	-1,9	8,500 (2012, оценка)	60 (2004 г., неофициальная оценка)	30 (2004 г.)

* Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США.

Указанные выше тенденции обладают высокой инерционностью и поэтому сохранятся еще в течение 10–20 лет, а возможно, и до 2050 г. В ближайшие десятилетия основным направлением трудовой миграции из Центральной Азии (кроме Казахстана, расположенного в том же регионе), видимо, будет оставаться Россия. Однако постепенно намечаются и другие векторы, например в нефтедобывающие арабские страны, Турцию, Восточную Азию.

В целом можно прогнозировать рост миграционной угрозы безопасности для России. Это потребует усилий всего государственного аппарата, включая его военную организацию, по борьбе с нелегальной и неконтролируемой иммиграцией из Центральной Азии.

Другая угроза, требующая консолидации государственных усилий, – наркотрафик. Уже в настоящее время Россия является самым крупным потребителем афганского героина, а ежегодные людские потери от этого, по оценке руководителя ФСКН РФ В. Иванова, превышают потери в период присутствия советских войск в Афганистане. Рост нестабильности в Афганистане и постсоветской Центральной Азии может только усилить эту угрозу. Дальнейшее открытие границ в процессе евразийской интеграцией может усилить значимость как миграционных, так и наркотических проблем.

Сокращение доли русскоязычного населения и русской культуры в Центральной Азии. Описанные тенденции уже привели к тому, что значительное количество русских, русскоязычных и православных осталось только в двух государствах «евразийского» номадического пояса Центральной Азии – Казахстане (особенно в его северной части) и Киргизии (также преимущественно на севере). Это несколько уменьшает вовлеченность России в центральноазиатские проблемы безопасности, так как стимул защиты соотечественников локализован. Однако интенсивность миграционных потоков и неопределенность ситуации в Афганистане мотивируют Россию принимать активное участие в обеспечении безопасности даже тех государств региона, которые не входят в ОДКБ.

В *Таблице 5* приведены данные по числу русских, русскоязычных и православных в пяти государствах Центральной Азии. (Следует учитывать относительность и условность приведенных в *Таблице 5* данных, поскольку они базируются на экспертных оценках, экстраполяции данных старых переписей или собственной оценке автора.)

Таблица 5

**Численность русских, русскоязычных и православных
в государствах Центральной Азии***

	Число русских (без учета представителей других славянских народов), %	Число русскоязычных или двуязычных, % (оценка автора или других экспертов)	Число православных (РПЦ), %
Казахстан	23,7 (1999, перепись)	95 (2001 г., экспертная оценка)	44 (оценка де-факто включает почти всех, идентифицирующих себя как немусульман)
Узбекистан	55 (1996 г., перепись)	14,2	9
Киргизия	12,5 (1999 г., перепись)	более 40–50 (собственная оценка)	20
Таджикистан	1,1 (2000 г., перепись)	2–10 (собственная оценка)	не более 1
Туркменистан	4 (2003)	12	9

* Таблица составлена по данным сайта ЦРУ США и собственным оценкам автора.

Нет никаких оснований предполагать, что обозначенные тенденции по тем же миграционно-демографическим причинам не продолжатся в будущем. Причем по мере ухода от власти поколений элиты, воспитанных в СССР, они примут еще большие масштабы. По-видимому, уже через 20 лет мы не сможем общаться с представителями центральноазиатских элит на русском языке. Эта тенденция должна учитываться Москвой. Она ослабляет возможности российского руководства позитивно влиять на ситуацию в регионе. Эрозия «русского мира» будет заметна не только в бывших советской Средней Азии и Казахстане, но и в самой России – вплоть до образования больших анклавов, заселенных выходцами из Центральной Азии.

У России есть серьезный потенциал для снижения остроты демографических проблем, причем отнюдь не за счет увеличения рождаемости, как это принято считать. Ведь меры типа «материнского капитала» поощряют рождаемость среди получивших гражданство иммигрантов и представителей ряда национальных меньшинств, возможно, даже в большей степени, чем среди русских и русскоязычных граждан. Еще более существенно то, что они поощряют рождаемость преимущественно среди маргинальных слоев коренного населения Центральной России, что чревато не меньшими социальными проблемами, чем неконтролируемая миграция. Очень важный ресурс демографической стабилизации – снижение все еще высокой смертности, особенно мужской. (Заметим, что Россия имеет беспрецедентный в мире разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин.) В целом демографическая стабилизация и эффективная интеграция иммигрантов и представителей национальных меньшинств, особенно мусульманских, в принимающие сообщества являются частью проблемы выработки продуктивной модели социально-экономического развития России.

Сырьевой характер экономик стран региона, тенденция к «демодернизации», водные и межнациональные конфликты. Для центральноазиатских экономик – в гораздо большей степени, чем для российской – характерна «сырьевая зависимость». Это газ – в случае Туркменистана, нефть и цветные металлы – в случае Казахстана, газ и хлопок – в случае Узбекистана. В наиболее сложном положении находятся Таджикистан и Киргизия, которые не могут в полной мере использовать имеющиеся у них богатые водно-энергетические ресурсы. Нет оснований предполагать, что в ближайшие десятилетия ситуация изменится. Более того, наблюдается тенденция к «демодернизации». Например, в Таджикистане к 2010 г. из-за гражданской войны и экономических трудностей доля городских жителей сократилась до 26 % от общей численности населения, что сопоставимо с самыми отсталыми странами мира. Проявлениями «демодернизации» можно также считать отъезд высококвалифицированных

специалистов и интеллигенции (как русскоязычной, так и национальной), распад созданной в советское время технической и социальной инфраструктуры даже в таких относительно богатых природными ресурсами странах, как Туркменистан. В будущем все это приведет к тому, что низкий уровень жизни в регионе сохранится.

Определенные перспективы в плане обеспечения более высокого по региональным меркам уровня жизни есть у Казахстана. Эта республика имеет богатые природные ресурсы и относительно (в масштабах постсоветского пространства) либеральную и эффективную экономическую модель.

Намного меньше шансов на повышение уровня жизни у Туркменистана, обладающего богатыми природными ресурсами при недостаточно эффективной системе управления.

Зависимость государств региона от природных ресурсов и аграрный характер экономики большинства из них (кроме богатых углеводородами Казахстана и Туркменистана) неизбежно приводят к активизации водных конфликтов. В регионе сложилась тяжелая ситуация, связанная с противостоянием ниже- и вышележащих по течению рек Сырдарья и Амударья государств. Первые заинтересованы в использовании воды с целью полива, вторые – с целью выработки гидроэнергии. Поэтому первые требуют сброса воды в водохранилищах в весенне-летний период (когда она нужна для полива), а вторым необходимо сбрасывать воду в осенне-зимний период (когда нужна гидроэнергия). Таким образом, интересы первой группы государств в области обеспечения продовольственной безопасности объективно противоречат интересам второй группы государств в сфере обеспечения энергетической безопасности. В условиях бедности и аграрного перенаселения это провоцирует межэтнические и межгосударственные конфликты. К первой группе можно отнести Узбекистан, где данная проблема особенно остра, а также – Южный Казахстан и Туркменистан, ко второй – Таджикистан и, в несколько меньшей степени, Киргизию.

В советский период проблема решалась за счет централизованного управления водными ресурсами региона (из Москвы, в рамках работы общесоюзных структур, и Ташкента, где располагались региональные структуры). После распада СССР сложилась напряженная ситуация в отношениях между Киргизией и Узбекистаном (особенно острая в 1990-е гг.), а с 2000-х гг. особую остроту приобрело противостояние между Узбекистаном и Таджикистаном. Наиболее серьезным является конфликт вокруг строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане, которая может «перехватить» большой объем стока Сырдарьи и превратиться в стратегическую «удавку» для сельского хозяйства Узбекистана (последнее будет полностью зависеть от режима сброса воды в плотине, находящейся на территории Таджикистана). Узбекистан оказывает серьезное давление (вплоть до транспортной блокады и угрозы вторжения) на соседнюю страну с целью недопущения окончания строительства плотины.

Участие узбекских подразделений в гражданской войне в Таджикистане на стороне «Народного фронта», вторжение отряда Махмуда Худойбердыева с узбекской на таджикскую территорию (в связи с внутриклановым конфликтом между «пророссийскими» «кулябцами» и «проузбекскими» «ленинабадцами» в Таджикистане) и военная оккупация расположенного на территории Туркмении Каршинского канала (в период туркменско-узбекского конфликта после покушения на президента Туркменистана С. Туркменбаши и обыска в узбекском посольстве) показывают, что Ташкент «не стесняется» в применении военных средств против соседей. Аналитики и представители политических кругов (даже президент Узбекистана И. Каримов) периодически говорят о возможности «водных войн» в регионе.

Султанистские и неопатримониальные режимы. Клановый характер обществ. Проблема нестабильности режимов. Для всех государств региона (исключением, отчасти, можно считать политически нестабильную Киргизию, где вообще не сложилось устойчивой центральной власти) характерны режимы персонализированной авторитарной власти, которые в литературе часто именуют «султанистскими» (термин Х. Линца [8]), а их социально-политические системы – «неопатримониальными» [9]. Последние характеризуются нераздельностью власти и собственности, а также архаизацией, в частности, за счет инкорпорации кланово-племенных структур.

Кланово-племенные структуры показали свою жизнеспособность за 70 лет советской власти, даже в периоды активного подавления (можно вспомнить, например, андроповско-горбачевскую «хлопковую кампанию» в Узбекистане) и переживают ренессанс в последние

20 лет [15]. Учитывая это, можно прогнозировать их сохранение в том или ином виде на обозримую перспективу.

Проблема клановых режимов заключается в постоянной возможности межкланового конфликта, провоцирующего гражданскую войну и политическую нестабильность. Примеры такого конфликта показали Таджикистан в 1990-е гг., Киргизия – с ее двумя революциями, спровоцированными конфликтом северных и южных кланов, а также в последние годы – ряд арабских государств. В период до 2050 г. в регионе возможно возникновение нескольких внутригосударственных конфликтов.

«Хрупкость» государств, нестабильность, высокие риски безопасности. Все государства региона характеризуются достаточно высокими рисками, прежде всего, с точки зрения новых угроз безопасности, особенно терроризма и исламского экстремизма. Усиление этих угроз связано с расположенным по соседству Афганистаном. Под угрозой оказывается и государственность ряда центральноазиатских стран. Согласно индексу несостоявшихся государств Фонда мира за 2011 г. [11], Киргизия (91,8 баллов) является наиболее «хрупким» из всех постсоветских государств. В дальнейшем был также повышен и показатель «хрупкости» государственности Узбекистана. Можно прогнозировать сохранение высокой степени угроз такого рода в ближайшие 30 лет.

В целом можно сделать предположение, что к 2050 г. в регионе будут иметь место до 2-3 случаев ситуаций, когда великим державам, включая Россию, придется предпринимать серьезные усилия (включая военные) для недопущения распада государственности стран Центральной Азии. Образцом таких усилий могут служить планы России и ОДКБ по предотвращению «расползания нестабильности» из Афганистана в Центральную Азию после вывода войск Международных сил содействия безопасности. Если соответствующие усилия не будут предприняты, то последствия могут оказаться катастрофическими.

Внешнее вмешательство и преобладание центробежных тенденций. Слабость центральноазиатских государств и важная геополитическая роль региона обуславливают высокую степень вовлеченности в региональные дела великих держав, что и составляет суть «новой Большой игры» [3]. В то же время сами государства Центральной Азии не проявляют особого стремления к консолидации, о чем свидетельствует, в частности, провал проектов региональной интеграции. Ни Казахстан (самая большая по территории и по размерам экономики страна региона), ни Узбекистан (самая большая по населению и по военной силе страна) пока не смогли сыграть роль эффективных интеграционных центров и успешно противостоять центробежным тенденциям, которые являются довольно устойчивыми.

В рамках данного геополитического соперничества России будет необходимо поддерживать свои военные базы и объекты (в частности, в Казахстане, Киргизии и Таджикистане) и оказывать серьезную военную помощь соответствующим государствам, в частности, в рамках ОДКБ.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНЕРЦИОННОГО СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ ДО 2030 Г.

Описанные тенденции позволяют с достаточно высокой степенью достоверности представить ситуацию в регионе в ближайшие 30 лет. Такая проекция существующих тенденций обычно называется «инерционным сценарием». При этом мы на первом этапе сконцентрируемся на «общем фоне», на котором будут развиваться события, а затем перейдем к анализу геополитических аспектов.

Согласно инерционному сценарию развития, в Центральной Азии демографический рост продолжится, хотя и будет постепенно замедляться. Из-за перенаселенности плодородных частей региона и дефицита ресурсов сохранится достаточно низкий (по мировым стандартам) уровень жизни. Будет продолжаться миграция, прежде всего, в Россию. Произойдет сокращение численности русскоязычной диаспоры и снижение роли русского языка в самой Центральной Азии и в некоторых прилегающих областях Российской Федерации в случае, если не будут реализованы системные меры по противодействию данному тренду. Экономики стран региона будут по-прежнему носить сырьевой характер с тенденцией к «демодернизации», обусловленной консервацией традиционных клановых структур и сохранением персоналистских неопатримониальных режимов. Все это будет способствовать

политической нестабильности и росту нетрадиционных угроз, как в самой Центральной Азии, так и в сопредельных странах (прежде всего, в России и КНР). Внерегionalные игроки будут по-прежнему вмешиваться в дела региона, а уровень взаимодействия стран Центральной Азии между собой останется низким. В целом ситуация в регионе в ближайшие 30 лет, в случае реализации «инерционного сценария», представляется не очень оптимистичной, но и не катастрофичной.

Большое количество различных факторов, описанных выше, может породить многочисленные *альтернативные варианты будущего* в случае отклонения от «инерционного сценария». Региональная ситуация в этом плане характеризуется высокой степенью неопределенности, то есть в реальности отклонения от инерционного сценария достаточно легко могут возникнуть. Следует отметить, что для каждой из перечисленных ниже «развилочек» вероятного будущего можно составить соответствующие сценарии (то есть в принципе возможно целое «дерево» сценариев).

Демографическая и миграционная ситуация может меняться в достаточно широком диапазоне. Возможен катастрофический сценарий продолжения безудержного демографического роста в наиболее бедных государствах региона, что чревато не только ускорением неконтролируемой миграции, но и социальным взрывом, например, в Таджикистане. В то же время нельзя исключать и возможности относительной стабилизации демографической ситуации с более быстрым снижением темпов прироста населения, особенно в случае проведения странами региона, в том числе при внешней финансовой поддержке, активной демографической политики.

Судьба «русского мира» в значительной мере будет зависеть от усилий Москвы по развитию русского языка и культуры за рубежом (здесь есть определенные положительные тенденции, связанные, прежде всего, с деятельностью Россотрудничества и структур типа «Русский мир», по мере возможности способствующих продвижению «мягкой силы» России), а также от политики правительства России в сфере интеграции мигрантов.

Социально-экономическое развитие региона во многом будет определяться динамикой цен на сырье на внешних рынках. Нельзя сбрасывать со счетов и наличие у правительств центральноазиатских государств определенной степени свободы в деле формирования «правил игры», которой они могут воспользоваться в своих интересах. Сравнение двух стран региона, богатых высоколиквидными на мировых рынках углеводородными ресурсами, – Казахстана и Туркменистана – показывает, что распорядиться этими ресурсами можно по-разному.

Социально-политические системы государств региона, с учетом их укорененности в клановых социальных структурах, скорее всего, сохранят свой нынешний характер. Однако и здесь возможна определенная вариативность. Так, политические системы Казахстана и Киргизии могут стать чуть более авторитарными, а узбекская и туркменская – чуть более либеральными.

Стабильность государств и риски безопасности – один из наиболее проблемных вариативных моментов. Превращение одного-двух «хрупких» государств в «несостоявшиеся» (очевидные кандидаты – Киргизия и Таджикистан) приведет к резкому осложнению ситуации в регионе. Развитие событий в Афганистане после вывода войск коалиции может пойти по непредсказуемому сценарию, что скажется и на его соседях.

Внешнее вмешательство создает наиболее сложные и разветвленные вариации возможного развития ситуации в регионе в перспективе до 2030 г. Отметим наиболее важные из них с точки зрения потенциального геополитического влияния. Существует вероятность усиления как сотрудничества великих держав, вовлеченных в дела региона, по вопросам сохранения региональной стабильности, так и соперничества, в том числе идеологического (особенно между Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем – с другой). Весьма вероятно дальнейшее усиление влияния КНР, возможно, даже с выходом на качественно новые политические уровни (пока оно идет преимущественно по линии экономической и «мягкой» силы). Весомый вклад в изменение региональной ситуации может внести и евразийская интеграция, усиливающая позиции Москвы и дающая возможность использовать не только военные, но и иные инструменты влияния.

Проведенный анализ альтернативных вариантов будущего показывает чрезвычайно высокую уязвимость центральноазиатского региона и высокую степень ответственности политиков, в том числе в России, за дальнейшее развитие событий. Положение в Центральной

Азии сложное, но не безнадежное. Сама ситуация высокой неопределенности говорит о том, что целенаправленные действия могут сделать будущее у южных границ России либо катастрофическим, либо почти приемлемым.

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ НА СРЕДНЕСРОЧНУЮ И ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время Центральная Азия является одним из важных объектов мировой политики. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне показали, что распад государств этого региона, переставших контролировать свои границы, может отозваться серьезными последствиями в других концах мира. Это усиливает вовлеченность в дела региона великих держав (Китая, России, США, стран ЕС, Индии, Пакистана) в рамках «новой Большой игры», то есть борьбы за геополитический контроль над регионом. Кто же будет контролировать регион геополитически в перспективе до 2050 г.?

Рассуждать о таком контроле не просто, хотя бы потому, что границы самого международного региона «вовне», по отношению к другим регионам мира, четко не определены. С точки зрения классической географии XIX в. Центральной Азией называется район внутреннего (неокеанического) стока рек, простирающийся от Китая и Индии до Ближнего Востока. В советское время понятие «Центральная Азия» относилось к району вокруг Монголии, и от него отделялось понятие «советская Средняя Азия» (последняя не включала Казахстан). С точки зрения терминологии современных международных отношений «Центральная Азия» – это самоназвание, возникшее после распада СССР, которое объединяет пять постсоветских республик (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Однако есть и альтернативные определения, например, американское – «Большая Центральная Азия», которое может включать в себя Афганистан и даже часть Пакистана. Существует много других культурно-исторически, геоэкономически и геополитически обусловленных названий региона. Их конкуренция представляет собой символично-идеологическое измерение «новой Большой игры», участники которой – великие державы – борются за региональное влияние [3]. В зависимости от того, как определяются границы региона, те или иные великие державы получают определенные преимущества. Так, российское понимание евразийской интеграции постсоветского пространства дает преимущества Москве, американское понимание «Большой Центральной Азии» дает преимущества Вашингтону, китайское понимание «региона Шелкового пути» предоставляет преимущества Пекину, европейское понимание «пространства соседства» или «Евросферы» дает преимущества Брюсселю.

Определяющее значение геополитического контроля над государствами региона на перспективу до 2050 г. будут иметь два фактора: внешний (роль мировой политики, особенно политики великих держав) и внутренний (структурные изменения в самих странах Центральной Азии). Важный вклад в процесс развития геополитической ситуации может сделать сложная «многовекторная» внешняя политика центральноазиатских государств. Можно представить несколько сценариев развития геополитической ситуации.

Начнем с *внешнего фактора*. Геополитическая «центральность» Центральной Азии [12] и потребность государств региона во внешней помощи вызывают активное вмешательство в его дела великих держав (КНР, Россия, США, государства ЕС, Индия и др.). Эта тенденция продолжится и в будущем, хотя она необязательно должна принимать формы исключительно соперничества великих держав. Речь может идти и о периодическом их сотрудничестве в решении важных региональных проблем (например, терроризма, «несостоявшихся государств» или наркоторговли). Будет также сохраняться интерес к региону как к источнику энергоносителей и потенциальному маршруту новых торговых путей по осям Восток – Запад и Север – Юг Евразии.

Можно предположить несколько возможных вариантов исхода вмешательства в дела Центральной Азии внерегиональных сил. В случае сотрудничества, направленного на развитие региона, нынешние границы государств сохранятся. Усиление соперничества великих держав, которое будет сопровождаться равновесием сил, например, между Китаем (или «блоком» КНР и России) и Западом, тоже не приведет к изменению границ, поскольку руководство этих государств в рамках ставшей традиционной «многовекторной политики» будет балансировать между полюсами силы.

Однако в случае совпадения ряда факторов контроль над Центральной Азией может полностью перейти в руки Китая (долгосрочный *Сценарий 1* – «*Синоцентричный мир*»). В числе этих факторов – полный уход американцев из Афганистана и Центральной Азии до 2020 г., длительный экономический кризис в Европе и экономико-демографически обусловленный «застой» в России, который может обречь на неудачу процессы евразийской интеграции. Переход контроля к Китаю будет происходить постепенно: сначала с помощью экономических инструментов и ненавязчивого политического влияния, затем к ним прибавится «мягкая сила» в виде распространения языка и культуры среди элитных слоев общества. Китай найдет общий язык как с секулярными элитами региона, так и (с помощью своего союзника Пакистана) с исламскими экстремистами, направляя их энергию против западного, а возможно, и российского влияния. Уже с 2015 г. на базе созданного, несмотря на скрытое сопротивление России, «общего рынка» ШОС и нового проекта «Экономического пояса Шелкового пути» начнется процесс углубленной экономической и политической интеграции. В итоге уже к 2050 г. образуется «расширенный Китай». В связи с этим стоит напомнить, что границы Танской империи Китая проходили значительно западнее современных, а знаменитый китайский поэт Ли Бо родился на территории нынешней Киргизии, бывшей тогда китайской провинцией. Кроме того, существующие сейчас границы государств Центральной Азии с КНР уже отличаются от советских, так как их делимитация в рамках «Шанхайского процесса» сопровождалась сдвигом в пользу Китая.

Еще десять-пятнадцать лет назад такой исход «новой Большой игры» казался маловероятным. Куда более вероятным представлялось воссоздание некоего подобия Советского Союза или Российской империи. Эта вероятность не является нулевой и сейчас, хотя она уменьшается с каждым годом. Если России удастся быстро сформировать эффективную и притягательную для соседей модель социально-экономического развития, то возможным становится *Сценарий 2* – «*Реинтеграция постсоветского пространства*» (прежде всего, на основе евразийской экономической интеграции). Тогда в будущем можно предположить возврат к геополитической ситуации конца XIX – начала XX вв.

Еще один вариант изменения геополитической ситуации обсуждался в 1990-е гг. Он основывался на идее центральноазиатской интеграции по образцу европейской. К настоящему времени все попытки государств Центральной Азии наладить эффективное внутрирегиональное сотрудничество (например, через такие региональные структуры, как Центральноазиатское экономическое сообщество и Организацию Центральноазиатского сотрудничества) не привели к положительным результатам. Некоторые из проблем в отношениях между этими государствами (прежде всего, водно-энергетико-экологические) представляются трудноразрешимыми в перспективе ближайших десятилетий.

Вместе с тем в качестве чисто интеллектуального упражнения можно себе представить, что лет через тридцать на основе эффективной модели управления водами трансграничных рек стартует успешная центральноазиатская интеграция, в результате которой когда-нибудь лет через сто возникнет «Центральноазиатский союз» со структурой наподобие ЕС. Можно также себе представить его расширение по лоббируемой США модели «Большой Центральной Азии» с включением Афганистана или даже Пакистана и проведенных либеральных реформы Ирана (*Сценарий 3* – «*Центральноазиатская интеграция*»). Можно представить и реализацию интеграционного сценария в меньших масштабах, например, путем образования экономического союза Казахстана и Киргизии или путем создания военно-политического блока вокруг усилившегося Узбекистана. В этом случае влияние великих внерегиональных держав, в том числе России, уменьшится.

Возможен и еще один исход «новой Большой игры». Влияние ситуации в Афганистане, рост исламского экстремизма при огромных социально-экономических, демографических проблемах в сочетании с межклановыми конфликтами в политике могут привести к реализации *Сценария 4* – «*Халифат*» (вероятнее всего не во всей Центральной Азии, а в некоторых ее частях, особенно в Ферганской долине).

Кроме проанализированных выше внешних факторов эволюция геополитической ситуации в Центральной Азии на сто лет вперед будет характеризоваться взаимодействием двух динамических внутренних факторов – состоявшихся национальных идентичностей, с одной стороны, и их внутренней противоречивости за счет субэтнических и субрегиональных структур – с другой.

Наконец, рассмотрим внутренние факторы формирования долгосрочных геополитических сценариев. Государства региона, возникшие в 1991 г. на основе бывших советских республик, характеризуются высокими нетрадиционными вызовами безопасности (терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик). Некоторые из них (особенно Киргизия и Таджикистан) отличаются «хрупкостью», то есть балансируют на грани «несостоявшегося государства». Огромную роль в усилении новых угроз играет соседство Афганистана – классического «несостоявшегося государства» конца XX – начала XXI вв. Все эти тенденции говорят о том, что в определенной временной перспективе возможно изменение системы границ государств региона, что окажет серьезное влияние на геополитическую ситуацию.

Внутри Центральной Азии современные границы определены в результате становления новых независимых государств при сохранении сложной и противоречивой этнической и субэтнической структуры. Как известно, нынешние границы государств и их состав были во многом искусственно сформированы большевиками в ходе т.н. национально-территориального размежевания 1920–1930-х гг. При этом игнорировались жузово-племенные (у казахов, туркмен), региональные (у киргизов, узбеков, таджиков) и надплеменные («сарты», «тюрки», «мусульмане») определения, старые политико-административные (Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства) и лингвистические (таджикоязычные узбеки Самарканда и узбекоязычные жители Таджикистана) границы, а также естественные границы оазисов (Ферганская долина, бывшая частью Кокандского ханства; долина нижней Амударьи, входившая в Хивинское ханство). Все это вызвало к жизни кланово-племенные и кланово-региональные разногласия в новых независимых государствах. Нет никаких оснований считать, что их удастся преодолеть даже в течение десятилетий. Можно сослаться на сопоставимый опыт Африки, где схожие проблемы искусственно проведенных границ и связанного с этим напряжения внутри государств зачастую имеют тенденцию к обострению, а не к разрешению. Так, на основе старых племенных делений образовалось новое государство Южный Судан.

Тем не менее успешное становление новых национальных идентичностей пока тоже является фактом. Во всех республиках бывшей советской Средней Азии возникли этнонациональные идентичности, а в Казахстане – даже гражданская (казахстанская) идентичность. Казахи (или казахстанцы), киргизы, узбеки, туркмены и таджики с их идентичностью, независимостью, государственностью и соответствующей территорией – это уже состоявшиеся факты, гарантированные не только постсоветской, но и советской и досоветской историей. Маловероятно, что в обозримом будущем кто-то сможет полностью «взять назад» эти факты жизни созданием халифата или какой-то иной наднациональной структуры. Эти попытки встретят единодушное неприятие подавляющего большинства населения.

Таким образом, развитие событий в Центральной Азии на сто лет вперед будет характеризоваться взаимодействием двух динамических внутренних факторов – состоявшихся национальных идентичностей, с одной стороны, и их внутренней противоречивости за счет субэтнических и субрегиональных структур – с другой.

В целом всё вышесказанное говорит о возможности реализации долгосрочного *Сценария 5 – «Полный распад»*. В наиболее экстремальном случае этот регион, особенно южная его часть, может даже начать развиваться по долгосрочному сценарию, по которому уже прошел Афганистан.

Оценим вероятность описанных выше пяти сценариев. Сценарий «Синоцентричный мир» можно считать достаточно вероятным, поскольку в настоящее время именно позиции Китая выглядят наиболее сильными по сравнению с другими великими державами, имеющими интересы в Центральной Азии. Не исключен и «частичный» распад государств, особенно «хрупких». Это наиболее вероятная модификация *Сценария 5*. В 1990-х гг. велось много разговоров о распаде государственности в Центральной Азии. Гражданская война в Таджикистане провоцировала спекуляции на тему полного распада этого государства. Столкновения в Горном Бадахшане летом 2012 г. лишь «подлили масло» в подобные дискуссии. Глубочайший геополитический раскол между севером и югом все еще делает актуальным обсуждение вопроса о расколе Киргизии (контроль правительства в Бишкеке над югом страны и, прежде всего, над городом Ош носит почти символический характер).

Узбекистан, Туркменистан и Казахстан обычно считаются более внутренне стабильными государствами. Тем не менее исламский экстремизм в Ферганской долине, межклановое напряжение на всей территории страны и наличие территориальных претензий на таджикоязычный Самарканд (кстати, родину ныне правящего в Узбекистане клана во главе с президентом И. Каримовым) со стороны элит Таджикистана нередко порождали разговоры о распаде Узбекистана. Среди туркменской оппозиции также ходят слухи о возможности в будущем откола богатыми углеводородами территорий, населенных племенем йомудов, с образованием государства Йомудистан [4]. Наконец, даже Казахстан, который сейчас демонстрирует очень высокую (по региональным меркам) степень стабильности, в российском политическом дискурсе 1990-х гг. иногда рассматривался как кандидат на распад. Основанием для таких прогнозов служил тот факт, что в северной части страны доминировало русскоязычное население.

Пока все эти опасения и прогнозы, несмотря на очевидные проблемы государств региона, не оправдались.

В заключение можно отметить, что с учетом реальных сложностей анализа тенденций, простирающихся на глубину порядка века, и наблюдаемых сейчас процессов *Сценарии 1 и 5* представляются более вероятными, чем все остальные. К тому же они вполне могут реализоваться одновременно, так как не противоречат друг другу. Наоборот, тенденция к распаду некоторых государств региона может усилить интерес КНР к вмешательству в центральноазиатские дела. Сценарий «Синоцентричный мир» можно считать достаточно вероятным, поскольку в настоящее время именно позиции Китая выглядят наиболее прочными по сравнению с другими великими державами, имеющими интересы в Центральной Азии. Сценарий «Полный распад» можно рассматривать как достаточно реалистичный для некоторых наиболее нестабильных стран региона, исходя из тех социально-экономических и политических проблем, с которыми они сталкиваются.

В целом описанные выше геополитические тенденции и приведенные сценарии, учитывая важность региона Центральной Азии для России, должны восприниматься как определенный повод для беспокойства российских политических элит, в том числе в рамках военного планирования.

CENTRAL ASIA: A COMPREHENSIVE CRISIS AND SCENARIOS FOR THE FUTURE

*Andrey Kazantsev, Doctor of Sci. (Political Science), Director
Analytical Center of the Institute of International Studies, MGIMO University,
119454, 76Vernadsky Ave, Moscow. E-mail: andrka@mail.ru*

Summary

The paper suggests a systemic analysis of the perspectives of development of situation in Post-Soviet Central Asia. Interconnection between the tendencies in different spheres (political, economic, military, social and demographic) is analyzed. The author ascertain the fact of complex and multilateral crisis and also states high degree of uncertainty of further development of regional situation, which is indicated by a great variability of scenarios of further development. The analysis is fulfilled both in short- and long-term perspectives. The study is carried out in two steps: for each of temporal perspectives respective drivers that presently exist are selected. Also, potential qualitative discontinuities that can lead to principal changes of situation are defined within scenario analysis.

Key words: *Central Asia, scenario analysis, scenarios of development, drivers, “the New Great Game”, new security threats and challenges.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Боришполец К.П., Чернявский С.И.* Сценарии развития ситуации в регионе Центральной Азии // Ежегодник ИМИ. – М.: Из-во МГИМО-Университет, 2011. С. 301–309.
2. *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия. – М.: Наследие Евразии, 2008.

3. *Казанцев А.А.* Сценарный анализ развития ситуации в центральноазиатском регионе: возможные последствия для интересов России и ОДКБ // Ежегодник ИМИ. – М.: Из-во МГИМО-Университет, 2012. С. 332–350.
4. *Минченко Е., Казанцев А., Петров К.* Президентские выборы в Туркменистане: политические и экономические риски второго срока Гурбангулы Бердымухамедова. Москва: Международный институт политической экспертизы, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stratagema.org/exclusive/research/research_1544.html
5. *Орлов А.А.* Международный опыт в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма // Безопасность образовательной среды: противодействие идеологии терроризма и экстремизма // Материалы научно-практической конференции (Москва, 8–9 сентября 2014 г.). – М.: Из-во МГИМО-Университет, 2015. – С. 7–14.
6. *Орлов А.А.* Новая парадигма международных отношений // Международная жизнь. – 2014, № 10. С. 66–73.
7. Россия–2020: Сценарии развития / Под ред. *М. Липман, Н. Петрова.* – М.: РОССПЭН, 2012.
8. *Эйзенштадт Ш.Н.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. С. 324–359.
9. *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.
10. European Strategy and Policy Analysis System Report “Global Trends 2030 – Citizens in an Interconnected and Polycentric World”. – Paris: Institute for Security Studies European Union, 27 April 2012.
11. Fragile States Index 2015. URL: <http://www.fundforpeace.org/global/?q=fsi-grid2011>
12. *Frank A.G.* The Centrality of Central Asia. – Amsterdam: VU University Press, 1992.
13. Institute of World Economy and International Relations (IMEMO). Strategic Global Outlook: 2030. Short Version (in English) / Ed. by A.A. Dynkin. – М.: IMEMO RAN, 2011.
14. National Intelligence Council of USA, Global Trends 2030: Alternative Worlds. December 2012. URL: <http://www.dni.gov/ncic/globaltrends>
15. *Sultanistic Regimes* / Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998.
16. World Economic Forum. Risk Report 2011. URL: <http://riskreport.weforum.org/>

А.В. КРЫЛОВ, А.В. ФЕДОРЧЕНКО

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

*Крылов Александр Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник
Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России,
профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: avkrylov2004@mail.ru*

*Федорченко Андрей Васильевич, д.э.н., директор Центра
ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru*

Аннотация

В статье анализируются основные тенденции, определяющие динамику трансформационных процессов и будущее всего ближневосточного региона. Прогнозируемые сценарии развития рассматриваются через призму российских внешнеполитических и стратегических интересов.

Стала еще более очевидна нежизнеспособность американской схемы нового мирового порядка, в том числе на Ближнем Востоке. Усиление исламских радикальных организаций и расширение ареала их деятельности связаны именно с приходом к власти администрации Б. Обамы. В Ираке, Сирии прежнее противостояние вошло в новую стадию и приобрело еще большую остроту. В 2014 г. «Исламское государство» (ИГ) начало широкомасштабную экспансию, в результате кровопролитных боев часть территории этих стран перешла под контроль исламистов. Эффективность борьбы с ИГ обусловлена сочетанием политических, военных, экономических и социальных мер. Кроме того, она должна быть скоординирована в международном плане. Положительные результаты может принести координация антитеррористической деятельности России со странами Запада и Востока.

Урегулирование палестино-израильского конфликта зашло в тупик. Принципиальное нежелание правительств, возглавляемых Б. Нетаньяху, идти на какие-либо уступки палестинцам в итоге привело к предсказуемому всплеску насилия между конфликтующими сторонами осенью 2015 г., который многие политические обозреватели и аналитики связывают с началом третьей интифады.

В глубине обществ аравийских монархий происходят сложные социально-экономические процессы. В ряде стран ССАГЗ довольно остро стоит проблема престолонаследия, так как здесь абсолютные или абсолютные теократические монархии переживают период смены поколений. На юге Аравийского полуострова – в Йемене оценка современной сложной ситуации

позволяет предположить, что наименее болезненный выход для Йемена – федерализация. В заключительной части статьи рассматривается еще на один вызов государствам Ближнего Востока – системное отставание стран региона в экономическом развитии.

Ключевые слова: Ближний Восток, ближневосточное урегулирование, «арабская весна», радикальный ислам, Сирия, Ирак, Ливия, Египет, Аравийские монархии, Йемен, Израиль, территории, контролируемые Палестинской национальной администрацией, экономика стран Ближнего Востока.

Ближний Восток давно является зоной повышенной конфликтности. Но еще в конце минувшего века мало кто мог предвидеть, насколько ситуация там обострится в начале нынешнего столетия. Как 2014-й, так и 2015-й гг. не принесли нормализации обстановки в тех странах региона, которые живут в условиях перманентных конфликтов. Информация, поступающая из многих стран региона, по-прежнему напоминали фронтовые сводки. В Ираке и Сирии прежнее противостояние вошло в новую стадию и приобрело еще большую остроту. В 2014 г. «Исламское государство» (ИГ) начало широкомасштабную экспансию, в результате кровопролитных боев часть территории этих стран перешла под контроль исламистов.

В Ливии нарастал сепаратизм, велись бои между правительственными силами и отрядами исламистов, возрастало влияние ИГ. В Египте и Судане центральные власти противостояли политической и военной оппозиции, время от времени заключая соглашения о перемирии. Исламистские группировки в Египте постоянно пытались организовать массовые антиправительственные выступления. В Йемене исламисты терпели поражения – повстанцы-хауситы в результате своего полугодичного наступления установили контроль не только над севером, но и над западной частью страны, вышли к Красному морю, захватили столицу Сану. Это вызвало в ответ международную карательную экспедицию во главе с Саудовской Аравией.

Внутренние противоречия обострялись на фоне усиления противоборства между отдельными странами – Саудовской Аравией (далее КСА – Королевство Саудовская Аравия) и Ираном, Турцией и Сирией, между двумя Суданами, Израилем и палестинскими территориями. Летом 2014 г. вспыхнули военные действия в приграничных районах между Израилем и сектором Газа. В ответ на ракетные обстрелы своей территории Израиль в течение 50 дней вел в Газе военную операцию «Рубеж обороны». Процесс урегулирования палестино-израильского конфликта зашел в тупик.

Годы «арабской весны» показали, что западные страны по-прежнему пытаются использовать геополитические сдвиги в этом регионе в своих целях, в том числе для *пересмотра послевоенной международной правовой системы*.

Прогноз Центра ближневосточных исследований относительно того, что международные границы, в значительной мере определенные 100 лет назад европейскими метрополиями, вполне могут поменять свою конфигурацию после того, как де-факто или де-юре появятся новые государственные или автономные образования, – увы – сбывается [8]. По крайней мере, в Ливии, Сирии, Йемене опасность дезинтеграции сохранилась, а возможность образования так называемого Суннистана на территории Ирака и Сирии начала реализовываться в форме создания «Исламского государства».

КРИЗИС БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ США

Нежизнеспособность американской схемы нового мирового порядка, в том числе на Ближнем Востоке, становится все более очевидной. Если абстрагироваться от деталей, эта схема предполагает три этапа: сначала смена режима, по тем или иным причинам не устраивающего Запад; затем «построение новой нации» на данной территории – нации, лояльной США и их союзникам; и на заключительном этапе – начало экономических и социальных преобразования. Для любого, кто хотя бы в общих чертах знаком с историей и современностью ближневосточного региона, очевидна контрпродуктивность и иллюзорность такого подхода. Обострение внутривосточных и международных конфликтов на Ближнем Востоке это подтверждает.

Кризис ближневосточной политики США становится все более несомненным. Любая инициатива, любое действие, исходящее от администрации Б. Обамы, неминуемо влечет за

собой непредсказуемые и при этом негативные последствия. Так, скроенный по натовскому сценарию план «демократического» развития Ливии после свержения М. Каддафи трещит по швам. После линчевания вооружённой толпой американского посла, кстати во многом несущего ответственность за подготовку и вооружение местной оппозиции, а также ещё трёх граждан США в Бенгази 12 сентября 2012 г., даже западные эксперты вынуждены были признать, что воцарившаяся в Ливии обстановка безвластия и хаоса провоцирует раскручивание ситуации по наихудшему, сомалийскому, сценарию [16]. Правительство не только не контролирует ситуацию в стране, но не может обеспечить даже собственной безопасности. На территории Ливии действуют целые армии (!), которые состоят из военизированных формирований, насчитывающих многие сотни тысяч боевиков. Контингенты террористов и тонны оружия вывозятся из Ливии в горячие точки Северной Африки и Ближнего Востока. Богатейшие нефтяные месторождения, которые стремились поставить под свой контроль страны НАТО, участвовавшие в бомбардировках с воздуха ливийских городов, контролируются ныне радикальными исламистами, племенными ополчениями и контрабандистами, которые вывозят по нелегальным каналам миллионы баррелей нефти.

В 2012 г. США поддержали низложение президента Х. Мубарака и приход к власти в Египте «Братьев-мусульман». Более 150 млн долл. было потрачено американскими политтехнологами на организацию массовых выступлений исламистов и оппозиционеров из различных неправительственных организаций с целью устранения египетского президента¹. Однако краткосрочный период пребывания у власти «Братьев-мусульман» более чем убедительно доказал, что США допустили очередную ошибку, сделав ставку на партию, которая не имела опыта государственного управления и по этой причине была отнюдь не демократическим путем стремительно устранена влиятельной армейской верхушкой во главе с генералом Абдель Фаттахом ас-Сиси. Заигрывание американской дипломатии с египетскими исламистами лишний раз показало, насколько опасны такие геополитические эксперименты. Египет был в шаге от гуманитарной катастрофы, которую мы наблюдаем сейчас в Ливии, Сирии и Ираке.

В Ираке полным ходом идет гражданская война. Американское вторжение в 2003 г. нарушило сложившийся в течение длительного периода баланс политических, конфессиональных и этнических сил страны. Задуманные американскими политологами «демократические преобразования», в том числе и скомпонованное по указке американских инструкторов и советников марионеточное правительство аль-Малики, в одночасье рассыпались, как карточный домик. Пришедшее ему на смену правительство аль-Абади объективно не способно стабилизировать ситуацию в стране и тем более – противостоять подбигающимся к Багдаду сторонникам возрождения средневекового халифата.

Подводя итог ближневосточной политике администрации Б. Обамы, известный американский политический обозреватель Росс Дозет отметил в *The New York Times*: «С уверенностью можно констатировать, что термин “провал” точнее всего характеризует суть внешней политики США в регионе» [10]. Далее в своей статье он доказывает, что все инициативы, выдвинутые Белым домом на ближневосточном направлении, включая избранные стратегию и приоритеты, потерпели фиаско. Р. Дозет делает весьма неутешительный вывод, что внешнюю политику Барака Обамы будут, скорее всего, оценивать всего лишь несколькими словами: «По крайней мере, он не вторгся в Ирак». Словно опровергая этот вывод американского аналитика, администрация Б. Обамы уже в августе 2014 г. санкционировала нанесение ракетно-бомбовых ударов по позициям боевиков из «Исламского государства» в Ираке и Сирии. Речь идет о тех самых радикальных исламистах, которые еще совсем недавно относились к союзникам США и активно ими поддерживались, прежде всего на сирийском фронте. Региональные союзники США на Ближнем Востоке и, прежде всего, Саудовская Аравия и Катар также давно финансируют и вооружают исламистские партии и группировки, включая «Исламское государство» в целях усиления позиций консервативного ислама в арабском мире и противодействия «шиитской экспансии». Спецслужбы Саудовской Аравии, в частности, содействовали объединению в Сирии 43 джихадистских групп, образовавших «Армию ислама» во главе с салафитским полевым

¹ Egypt Convicts Democracy Workers in Case that Plunged // Reuters, June 4, 2013.

командиром М. Аллюшем, отец которого был известным ваххабитским проповедником. Командиры «Джебхат ан-Нусра» (Абу Мухаммед Джулани) и «Ахрар аш-Шам» (Хассан Абуд) и других более мелких военизированных формирований, аффилированных с «Аль-Каидой», также ведут переговоры об объединении и координации совместных действий. Особняком стоит организация «Исламское государство», которая также является продуктом американской политики последнего десятилетия в Ираке.

Многие аналитики обратили внимание на тот факт, что усиление исламских радикальных организаций и расширение ареала их деятельности связаны именно с приходом к власти администрации Б. Обамы. Очевидно, что при разработке своей ближневосточной политики президент США и его окружение руководствовались принципами, в соответствии с которыми в целях оптимального продвижения американских интересов в регионе следует поддерживать совершенно иные, чем ранее, силы. А именно – исламские консервативные движения и партии, пользующиеся среди мусульманского населения большим влиянием, нежели прогнившие застарелые режимы, пришедшие к власти с когда-то популярными, но быстро потерявшими свою актуальность идеологическими постулатами. Одним из ведущих разработчиков новых политических ориентиров был бывший федеральный прокурор Нью-Йорка и ведущий специалист по проблемам борьбы с терроризмом Э. Маккарти. В своей книге «Весенняя лихорадка: иллюзия исламской демократии» он пишет, что американцы хорошо уяснили после вторжения Ирак и Афганистан, что для мусульманского мира самое главное – это ислам. В то же время люди, выражающие готовность следовать по пути модернизации и продвигать в исламском обществе общедемократические ценности, составляют не более 20 %, то есть явное меньшинство [17, р. 55]. Отсюда следовал вывод: исходя из объективной реальности, надо делать ставку на развитие взаимного сотрудничества с наиболее популярными исламистскими организациями, в том числе «Братьями-мусульманами» в Египте и Ливии, партией «Ан-Нахда» в Тунисе, коалицией радикальных антиправительственных группировок в Сирии, Партией справедливости и развития во главе с премьер-министром Турции Р. Эрдоганом, который активно поддерживает исламизацию страны и превращение ее в лидера исламского мира.

Такой подход объективно еще прочнее скреплял связи США и их региональных союзников – Саудовскую Аравию, Катар и другие монархии Персидского залива, целенаправленно поощряющие деятельность суннитских исламистских партий и группировок в целях усиления позиций консервативного ислама в арабском мире и противодействия шиитской (иранской) экспансии. Последний пункт полностью совпадал с ближневосточной политикой нынешней американской администрации, которая при президенте Б. Обаме была переориентирована на борьбу с угрозой, якобы исходящей от иранской ядерной программы.

Знаменитая речь Б. Обамы, произнесенная 4 июня 2009 г. с трибуны Каирского университета, в которой он особо подчеркнул, что США «никогда не вели и никогда не будут вести войну с исламом» и начинается «новая эра отношений между США и исламом»², свидетельствовала, что Белый Дом определился с вектором своей ближневосточной политики.

Советники по внешней политике в августе 2010 г. по распоряжению президента Б. Обамы подготовили перспективный план в отношении ряда арабских стран, включая Египет, который предусматривал реализацию под эгидой США и в интересах США сценариев устранения при содействии религиозных оппозиционеров авторитарных режимов в странах, которые относятся к числу американских союзников [18]. Этот документ доказывает, что перераспределение власти в Египте в пользу «Братьев-мусульман» было частью стратегического плана американской администрации, разработанного еще до начала «арабской весны»³.

Радикальные исламисты вооружались, перебрасывались в Ливию и активно использовались американскими спецслужбами против военных, сохранявших верность М. Каддафи. Среди полевых командиров ополчения значились имена людей, сотрудничавших

² President Obama's Speech in Cairo: A New Beginning. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/NewBeginning/transcripts>

³ Датой начала «Арабской весны» принято считать 17 декабря 2010 г. В этот день в Тунисе начались массовые демонстрации протеста против тридцатилетнего правления президента Бен-Али.

в прошлом с «Аль-Каидой» и лично Бен-Ладеном (Абу Яхья аль-Либи, Абдель Хаким Хасади, Салах аль-Баррани, Суфьян Бен-Куму и др.). Есть достоверная информация о том, что Абдель Хаким Бельхадж, шейх Халед Шариф и другие лидеры Ливийской исламской вооруженной группы (ЛИВГ), которая представляла собой отделение «Аль-Каиды» в Ливии, были завербованы американскими спецслужбами и действовали по их заданию во время проведения натовской коалицией операции по свержению М. Каддафи. [9, с. 32]. В условиях хаоса и анархии, царящих в настоящее время в Ливии, не исключено, что радикальные фундаменталистские группировки могут захватить власть, используя религиозный фактор, который имеет принципиальное значение для консолидации в целом монокультурного и достаточно консервативного ливийского общества. Как в Сирии и Ираке, в Ливии США предпринимают меры в целях минимизации возможности захвата власти радикальными исламистами. Опубликованные на сайте WikiLeaks секретные материалы спецслужб США свидетельствуют, что дезинтеграция Ливии по территориально-племенному принципу рассматривается в качестве альтернативного и приемлемого для Запада варианта развития событий⁴.

Крайне напряженная обстановка сложилась в Ираке и Сирии в результате длительного заигрывания США и их союзников с радикальными исламистами. Поддержка США и другими «друзьями Сирии» вооруженной антиправительственной оппозиции в итоге обернулась тем, что радикальные исламисты, ставящие во главу угла борьбу за очищение ислама от различных примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных народов, принявших ислам, обрели собственную государственность. От народившейся империи джихада исходят серьезные угрозы и вызовы не только мусульманским государствам, но и всему миру, включая США.

Учитывая тот факт, что возглавляемая США коалиция фактически продемонстрировала свою неспособность противостоять распространению террористической агрессии в Сирии и Ираке и более того своим бездействием способствовала укреплению позиций радикального ислама, российская сторона в начале октября 2015 г. приняла обоснованное решение «по линии Минобороны содействовать объединению усилий армии САР и «Свободной сирийской армии» в борьбе с запрещенным в Российской Федерации ИГИЛ и прочими террористическими группировками, в том числе в контексте координации с действиями российской авиации»⁵. При этом было четко подтверждено, что российские военные в Сирии будут работать исключительно против «Исламского государства», «Джабхат ан-Нусры» и прочих террористических группировок. В целях согласования усилий по предотвращению угрозы расползания исламистского терроризма Россия инициировала создание координационного военного штаба (Информационного центра с участием российских, сирийских, иракских и иранских военных) в Багдаде для налаживания сотрудничества между всеми региональными и международными силами, которые ведут реальную борьбу против ИГ и др. джихадистских формирований. Задача, стоящая перед силами, противостоящими ИГ, представляется достаточно сложной, поскольку базы террористов в Сирии и Ираке располагаются на площади, равной по своим размерам территории Великобритании.

ФЕНОМЕН «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Организация «Исламское государство» была образована в 2006 г. в Ираке в результате слияния одиннадцати радикальных исламистских группировок, отпочковавшихся от «Аль-Каиды» (иракское отделение). В создании организации принимал активное участие Абу Мусааб аз-Заркауи – духовный лидер и ближайший соратник Усамы бен-Ладена. Известно, что до 2013 г. группировка «Исламское государство» относилась к числу рядовых суннитских автономных вооруженных формирований и насчитывала не более 4 тыс. человек⁶. Ряды организации пополняли преимущественно бывшие солдаты и офицеры

⁴ Special Report: Libya's Tribal Dynamics // The Global Intelligence Files. Global intelligence company Stratfor. 10.18.2012.

⁵ Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой относительно координации усилий по борьбе с ИГИЛ // Информационный бюллетень Департамента информации и печати МИД России, 7–8 октября 2015 г. – С. 6.

⁶ The Wall Street Journal. 12.06.2014.

иракской армии, подчинявшиеся С. Хусейну до американо-натовского вторжения в Ирак в 2003 г. Однако за короткий срок организация стала центром притяжения джихадистов всех мастей, мигрирующих между странами Ближнего и Среднего Востока, Северной, Западной и Восточной Африки. Сейчас под черным знаменем «Исламского государства» воюют 80 тыс. человек (50 тыс. в Ираке и 30 тыс. в Сирии)⁷. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России (в основном из Чечни). Судя по тому, что свою пропагандистскую литературу «Исламское государство» издает на пяти европейских языках, в ней действительно немало людей, завербованных за пределами Ближнего Востока. По крайней мере, 95 % джихадистов, сражающихся против сирийских правительственных войск, не являются гражданами Сирии.

Некоторые аналитики полагают, что ИГ и «Аль-Каида» являются конкурентами за влияние в арабском мире, а не союзниками. На деле «Аль-Каида» всегда воспринималась в Ираке или Сирии как иностранная организация с ваххабитской идеологией, которая никогда не имела широкой массовой опоры за пределами Аравийского полуострова. Возникновение салафитской суннитской организации, возглавляемой местным «Багдадцем» (аль-Багдади) в период, когда после ухода американцев из Ирака курды и шииты активизировали усилия по созданию собственных независимых образований, было несомненно поддержано значительной частью суннитского населения. Используя недовольство иракских, а впоследствии и сирийских суннитов правящим руководством, «Исламское государство» мгновенно обрело довольно широкую социальную поддержку, особенно среди малообеспеченных сиро-иракских суннитов. На территориях, контролируемых ИГ, всегда осуществлялись популистские мероприятия, которые импонировали миллионам суннитов Ирака и Сирии: организовывались пункты бесплатной раздачи медикаментов и питания, сладостей и игрушек для детей, вводились жесткие меры борьбы против преступности, расцветшей в период войны и хаоса, семьи погибших боевиков получали пособия и иные льготы и т.п. Сейчас «Исламское государство» вовлекает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно.

«Исламское государство» получило широкую известность летом 2014 г., когда боевики начали полномасштабное наступление на северные и западные районы Ирака. Радикалам в течение месяца удалось взять под свой контроль несколько крупных городов, включая Мосул и Тикрит, и подойти вплотную к Багдаду. В Сирии экстремисты «Исламского государства» оккупировали северную провинцию Рака, в центральном городе которой с одноименным названием размещается штаб-квартира организации.

Весьма примечательна фигура новоявленного «халифа» Ибрагима, который в одночасье сменил военную форму полевого командира на одежды мусульманского богослова, проповедующего с трибуны центральной мечети Мосула известные ваххабитские истины о том, что «мусульмане должны избавиться от демократии, секуляризма, национализма, а также всего другого мусора и идей, идущих с Запада»⁸.

Аль-Багдади, которому сейчас 43 года, воевал в качестве командира отрядов моджахедов в Афганистане и Ираке. В 2004 г. он был арестован американцами и некоторое время содержался в тюрьме «Кэмп Бука» в Ираке. Однако, несмотря на тяжкие обвинения в организации террористической деятельности, был отпущен при неясных обстоятельствах. Есть подозрения, что аль-Багдади был завербован агентами ЦРУ. В секретных документах, опубликованных бывшим сотрудником Агентства национальной безопасности США Э. Сноуденом, содержалась информация о том, что аль-Багдади сотрудничал с ЦРУ, британской и израильской разведками⁹.

Сейчас ИГ распространяется очаговым методом и территория его контроля напоминает «леопардовую шкуру». За пределами Ирака и Сирии ИГ удалось закрепиться в ливийской

⁷ The Economist. 14.06.2014.

⁸ The New York Times. 15.09.2014.

⁹ Former CIA Agent: The ISIS Leader Abu Bakr Al Baghdadi Was Trained by the Israeli Mossad // World Observer. 12.08.2014.

восточной провинции Барка (Киренаика). 5 октября 2014 г. Совет Шуры исламской молодежи Ливии объявил Барку территорией, находящейся под контролем «Исламского государства». К февралю 2015 г. сторонники «халифата» установили свои порядки в Дерне, Нофалии и эль-Мабруке, а также осадили районы нефтедобычи в г. Сирт.

10 ноября 2014 г. члены террористической организации «Ансар Бейт аль-Макдис» («Защитники Дома Святости»), которая действует на Синае и насчитывает до 2 тыс. человек, объявили о провозглашении Синайского вилайета «Исламского государства». Часть боевиков «Ансар Бейт аль-Макдис», находящиеся в Газе, заявили, что отныне она будет носить название «Исламское государство Газы».

Лидеры Талибана Хафиз Саид Хан и Абдул Рауф признали «халифат» и получили от аль-Багдади, соответственно, титулы «правителя» и его «заместителя» на афганской части провинции Хорасан. О присоединении к «халифату» аль-Багдади заявили члены алжирской джихадистской группировки «Джунуд Аллах» («Воинство Аллаха»), исламистская подпольная организация «Сыновья призыва к Единению и Джихаду», действующая в Иордании, аффилированная с «Аль-Каидой» йеменская террористическая организация «аль-Ансар аш-Шариа», исламистская террористическая группировка Абу Сайяфа в Малайзии, несколько радикальных исламистских организаций в Пакистане, а также «Исламское движение Узбекистана» (лидер Усман Гази) и ряд группировок, состоящих из иностранцев, в основном чеченцев, таджиков, туркмен, воюющих в Сирии против правительственных войск. В марте 2015 г. нигерийская исламистская террористическая организация «Боко харам» («Инородное просветительство запрещено») присягнула на верность ИГ.

Вполне возможны попытки создания «халифатов» в Западной или в Восточной Африке. Такой вариант вполне вероятен для «исламского африканского пояса» арабских североафриканских стран – Северо-Западная Африка, Сомали, Эфиопия. Прозрачность национальных границ помогает радикальным исламистам перемещаться в этой части Африки (Сахель) и искать подходящие для себя ниши. Уровень межэтнических конфликтов здесь выше, чем в Северной Африке. Достаточно вспомнить историю с провозглашением в Мали в апреле 2012 г. туарегского Независимого Государства Азавад (с территорией, в два раза превышающей размеры ФРГ и населением более 1 млн человек), контроль над которым достаточно быстро перешел к исламистам.

Причины притягательности «Исламского государства кроются в следующем. Во-первых, проводившаяся марионеточным правительством аль-Малики (2006–2014 гг.) политика объективно была направлена на усиление повсеместного шиитского доминирования в Ираке, что объективно толкало суннитское население на вооруженное сопротивление. В Сирии конфликт между властью и оппозицией также носит ярко выраженный характер непримиримого противостояния шиитов (алавитов) и суннитов. Полагаемый праведным и идеальным по своему устройству халифат, сформировавшийся в период победоносных мусульманских завоеваний в VII–IX веках, противопоставляется всем современным формам государственного управления, которые неизбежно, как показывает действительность, порождают социальную несправедливость, беззаконие, всепроникающую коррупцию, притеснение неимущих и произвол узкого слоя богачей. В сознании миллионов суннитов халифат представляется уникальным исламским институтом, способным искоренить все проявления государственного nepoтизма, защитить мусульманскую общину от иностранной политической и экономической зависимости и инородных религиозных и культурных влияний. Не случайно, «халифат» и «халиф» Ибрагим встречают поддержку со стороны тысяч суннитов в городах, которые контролируются «Исламским государством».

Во-вторых «Исламское государство» не нуждается в финансовых подачках из-за рубежа, как, скажем, та же оппозиционная правящему сирийскому режиму «Свободная сирийская армия» или другие военизированные или политические формирования, входящие в поддерживаемую Западом «Национальную коалицию сирийских революционных сил и оппозиции». Самопровозглашенный «халифат» самостоятельно получает миллиарды долларов за счет грабежа банков, магазинов, захваченного имущества иноверцев, обмена заложников за выкуп, работоторговли, контроля над наркотрафиком и нелегальными каналами распространения нефти. Сейчас «Исламское государство» является самой богатой террористической организацией с бюджетом 2,3 млрд долл. и ежедневно пополняет

свои активы на 1 млн долл. только за счет спекуляций на нефтяном черном рынке¹⁰. Американский политэксперт Дж. Пери, безусловно, прав, когда говорит, что «денежный ресурс позволяет боевикам (из «Исламского государства») копировать стратегию ХАМАС, то есть предоставлять населению общественные услуги, то есть восстановить работу больниц и школ, тем самым укорениться в регионе и пользоваться поддержкой населения»¹¹. Возможность легкого заработка привлекает, как видно, авантюристов и «солдат удачи» даже из далекого зарубежья.

В целом существуют, как минимум, пять источников пополнения финансов джихадистов. Первый – традиционные для ислама пожертвования, пожертвования в форме регулярных отчислений (*закят*), добровольных пожертвований (*садака*) верующих на благотворительные нужды. Это укладывается в легальную схему: сбор этих пожертвований, их распределение на нужды бедных, а также на распространение идей ислама по всему миру. Здесь возникает такая интересная ситуация, когда легально собранные деньги становятся потом нелегальными, то есть имеет место не «отмывание грязных денег», а «загрязнение чистых».

Второй источник – традиционная мусульманская система денежных переводов, известная под названием *хавала*. Скажем, какой-то человек в Ираке хочет передать средства на джихадистские нужды в другую часть света – он просто звонит по телефону, без всяких документов, без всяких подтверждений, просто передает деньги их посреднику, тот – еще одному посреднику... И так деньги движутся к точке назначения, и проследить их практически невозможно. Есть еще третий законный источник – легальная финансовая деятельность, бизнес. Дополнительным «преимуществом» исламских банков является присущая им практика слияния, смешивания средств разных вкладчиков, в том числе пожертвователей, при формировании пулов инвестиций в те или иные проекты. Четвертый источник – нелегальный теневой бизнес (наркотики, нелегальный ввоз и вывоз драгоценностей, золота и т.д.). Наконец, пятый источник, получивший распространение в самое последнее время, – так называемые «экспроприации»: захват банков, промышленных объектов, переключение финансовых потоков на удовлетворение своих целей. Именно это сейчас происходит и в Ираке, и в Сирии.

США в сентябре минувшего года возглавили коалицию стран НАТО для борьбы с «Исламским государством». Американская авиация регулярно наносит авиаудары по базам «халифата» на территории Ирака и Сирии. К натовской коалиции присоединились нефтедобывающие монархии Аравийского полуострова и Иордания. Вместе с тем Б. Обама подписал принятую обеими палатами Конгресса резолюцию, которая позволяет снабжать оружием и обучать при помощи американских инструкторов бойцов сирийской оппозиции, в состав которой входят и откровенно джихадистские группировки типа «Джабхат ан-Нусра».

Складывается парадоксальная ситуация, при которой американцы, дабы избежать потерь на земле, готовы потратить 500 млн долл. на организацию нового внутреннего конфликта между сирийскими оппозиционерами, рассчитывая, что силы, направленные против «Исламского государства», после уничтожения «халифата» обернут свое оружие против Б. Асада и его окружения. Однако, как показывает опыт Афганистана и Ирака, «отфильтровать» радикалов от умеренной оппозиции американцам вряд ли удастся.

Принимая во внимание недостаточную эффективность воздушных операций против ИГ, командование Пентагона в начале февраля 2015 г. объявило о начале наземной операции против боевиков «Исламского государства». По замыслу американцев, сухопутную операцию с двух фронтов – условно северного и южного – начнут курдские формирования пешмерга и иракская армия, которые прошли курс тренировки под руководством иностранных специалистов. Регулярные части каких-либо иностранных государств в самом наступлении участвовать не будут. Наступающих поддержит авиация стран антитеррористической коалиции, что в данном случае, по мнению её лидеров, обеспечит безусловное преимущество и определит успех операции, даже в условиях «необстрелянности» большинства рекрутов иракских вооруженных сил.

Эксперты справедливо подвергли сомнению успех наземной военной кампании. Во-первых, в силу недостаточного уровня подготовки иракской армии. По признанию

¹⁰ The Washington Times. 05.08.2014.

¹¹ Цитируется по AFP et «Le Parisien». 18.06.2014.

Пентагона, порядка 70 % вооруженных сил Ирака не в состоянии проводить самостоятельные военные операции. Во-вторых, руководство ИГ уже начало предпринимать меры по минимизации своих потерь: в соответствии с известной тактикой джихадистов проводится рассредоточение их вооруженных формирований, «растворение» отрядов среди местного населения, концентрация их сил на особенно опасных направлениях и в городах, где авиация противника не может быть задействована в полном объеме.

Американская тактика изначально предполагала, что война в Сирии будет носить затяжной характер. К такому же выводу пришли многие американские аналитики. В частности, известный эксперт по Ближнему Востоку М. Фишер уже в 2013 г. указывал, что война в Сирии продлится еще десятилетие, а, возможно, и больше [11]. В своих рассуждениях он опирался на исследование, проведенное специалистами по конфликтологии из Стэнфордского университета, которые установили, что все внутрисударственные конфликты, имеющие множество составляющих (а именно к этой категории относится конфликт в Сирии), в среднем продолжаются от 7 до 12 лет. С большой долей вероятности можно предположить, что Сирия, даже в том случае, если ей удастся сохранить территориальную целостность, все равно, как и Ливия, еще долгое время не сможет выйти из состояния хаоса и неопределенности.

Таким образом, *на фоне исламизации региона происходит углубление межцивилизационных расколов по конфессиональной, расовой, этнической, племенной и иным линиям, как на национальном, так и субрегиональном и региональном уровнях. Успеху «исламского бума» в немалой степени способствовал кризис «светских идеологий» (прежде всего, западного либерализма и коммунизма), побудивший широкие мусульманские массы обратиться к более близким им по духу и менталитету сугубо религиозным ценностям.*

В регионе набирает силу своеобразный «Веймарский синдром» – ощущение проигрыша цивилизациям, которые успешно приспосабливаются к конкуренции в новом глобальном мире, и несправедливости политики внешнего мира, особенно Запада. На этих чувствах играют местные элиты, не желающие идти на системные реформы. Этот синдром приобретает агрессивный характер. В самом исламском мире антииудейская и антихристианская пропаганда находится на подъеме и является чуть ли не повсеместной. Используя слабость государственной власти и остроту межэтнических, межплеменных конфликтов, ее носители надеются умножить число своих сторонников и усилить влияние. Но сил недостаточно, поэтому они и стремятся разрушить систему государственного управления с тем, чтобы в условиях хаоса и вакуума власти встать у руля государственного управления.

Краткосрочные, текущие цели джихадистов – использование вакуума власти, привнесение хаоса в различные территории в арабском мире, подготовка почвы для достижения конечной цели их программы – к «воссозданию», как декларируется, могущественного теократического государства – «халифата», наподобие того, который существовал в средневековье, в период победоносных мусульманских завоеваний в VII-IX веках, практически от Испании до Индии.

Самопровозглашенный «халифат» уже объективно обладает всеми атрибутами государства. У него есть подконтрольная обширная территория и своя столица – г. Рака. Суннитское население в основном поддерживает новую власть. Власть в свою очередь реализует четко прописанную государственную стратегию, включая принципы и методы решения социальных, политических, экономических, национальных и религиозных и др. проблем и установок через представленный ниже структурированный по всем существующим правилам механизм государственного управления.

У новоявленного «халифа»¹² есть два заместителя (амиры) – Абу Муслим аль-Туркмани (отвечает за Ирак) и Абу Али аль-Анбари (отвечает за Сирию). Ему подчинены также 12 губернаторов (вали) подконтрольных «Исламскому государству» районов Сирии и Ирака и кабинет министров. Примечательно, что министерства возглавляются профессионалами. Так, министерством финансов руководит выходец из Австралии, имеющий профессиональное высшее экономическое образование и опыт работы в финансовых учреждениях. Особая роль принадлежит Совещательному совету, то есть представительному органу «Исламского

¹² 18 марта 2015 г. западные и арабские СМИ сообщили, что Абу Бакр получил тяжёлое ранение в результате удара сил прозападной коалиции по автомобилю, в котором он следовал из Ирака в Сирию в г. Рака.

государства» (Шура), состоящему из опытных полевых командиров и мусульманских богословов, которые рассматривают каждое решение губернаторов и министров на предмет их соответствия нормам шариата. В руководящих органах самопровозглашенного халифата доминируют в основном иракцы и сирийцы. Известный эксперт по Ближнему Востоку и корреспондент ВВС Ф. Гарднер сообщает, что ИГ довольно быстро удалось наладить работу служб по ремонту дорог, мостов, разрушенных зданий, обеспечить охрану захваченных территорий и бесперебойное снабжение населения продуктами питания, медикаментами, топливом, водой, электроэнергией, газом и бензином, открыть сеть шариатских школ¹³.

«Исламское государство» – очень подвижная структура, способная к регенерации. Его горизонтально-сетевая конструкция не совпадает со схемами сетевых действий современных армий. Эта структура более жизнеспособна там, где национальные границы прозрачны – в Северо-Западной Африке, в Сомали, в Эфиопии. Фактическое отсутствие границ помогает перемещаться, способствует этому и высокий уровень межэтнических конфликтов.

Мусульманские государства, в которых еще сохранились правящие режимы, пришедшие к власти законным путем, болезненно и с опаской реагируют на ИГ. Духовенство не признает заявления и цели ИГ и всячески пытается отделить его от ислама, от исламской уммы, подчеркивая, что это хариджиты, сектанты, что их цели не совпадают с основными течениями ислама.

В конце 2014 г. стало известно, что ИГ намерено перебросить часть террористов в Европу, используя беженцев как прикрытие. Учитывая ситуацию на сирийско-турецкой границе, выявлять террористов в потоке беженцев будет крайне сложно.

По данным Агентства европейского союза по безопасности внешних границ («Фронтекс»), в течение первых восьми месяцев 2015 г. до границ Евросоюза добрались более 500 тыс. мигрантов, а рекорд был зарегистрирован в августе, когда 156 тыс. человек пересекли границу европейских государств¹⁴. Западные СМИ называют новую достигшую невероятных размеров миграционную волну «сирийской». Потенциал сирийской миграции действительно велик. За годы военного конфликта, имеющего многомерный характер и продолжающегося с марта 2011 г., количество сирийских беженцев только в Турции и соседних арабских странах достигло 5 117 282 человек по состоянию на август 2015 г. (см. *Таблицу*).

Таблица

Страна	Количество беженцев из Сирии
Турция	2 138 999
Ливан	1 196 560
Иордания	1 400 000
Ирак	247 861
Египет	133 862
Итого:	5 117 282

Источник: *The UN Refugee Agency. Syria Regional Refugee Response/Total Persons of Concern. UNHCR. August 29, 2015.*

Кроме того, еще 6,5 млн человек числятся в самой Сирии как перемещенные лица. Однако существующая на сегодняшний день конкретная статистика опровергает тезис о том, что нынешняя волна массовой эмиграции в Европу является собственно «сирийской». Тщательная идентификация прибывших в этом году в Италию по морю 119 500 человек показала, что 41 % – это граждане Эритреи, Сомали и Судана, 46 % – выходцы из Нигерии, Бангладеш и Гамбии и только 6 % – беженцы из Сирии. Среди направляющихся в Европу по суше через Балканские страны действительно большинство сирийцев и иракцев (около

¹³ Gardner F. “Jihadistan”: Can Isis militants rule seized territory? // BBC News, 08.06.2014.

¹⁴ More than 500 000 migrants detected at EU external borders so far this year // The European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union (Frontex). September 14, 2015.

75 %), однако остальные не являются жертвами войны и ее последствий в Сирии¹⁵. По данным другого британского источника, нынешний поток эмигрантов, желающих стать европейцами, состоит на 50 % из беженцев из Сирии, Ирака и Афганистана, а остальные являются в основном гражданами Судана, Сомали, Эритреи, Ирана, Пакистана, Бангладеш и Нигерии¹⁶.

Сирийским беженцам, как известно, в Европе предоставляются преимущества для получения вида на жительство. Однако в условиях царящих сейчас в Сирии анархии и беззакония стать «сирийцем» или приобрести сирийское гражданство – дело нескольких часов. Голландский журналист Харольд Дурнбос без проблем купил за 850 долларов настоящий сирийский паспорт¹⁷. Есть и другие, наталкивающие на серьезные размышления, особенности современного миграционного кризиса.

Парадоксален гендерный состав потока эмигрантов: 69 % – мужчины, 18 % – женщины и 13 % – дети¹⁸. По данным Агентства ООН по делам беженцев, во время военных конфликтов и др. чрезвычайных ситуаций картина – прямо противоположная, и основная масса беженцев – это не трудоспособные мужчины, а, напротив, наиболее незащищенное население. Не надо быть предсказателем, чтобы с уверенностью сказать, что в случае приобретения гражданства эти люди воспользуются правом воссоединения семей, и с учетом высокой рождаемости в мусульманской среде община нового поколения мигрантов увеличится, по меньшей мере, в три-четыре раза.

Создается впечатление, что беженцы обходят стороной мусульманские страны, в том числе европейскую Албанию, которая намного ближе к странам исхода, чем Венгрия, Хорватия, Македония и Сербия. Богатые страны Персидского залива тотчас после начала военных действий в Сирии отказались принимать беженцев на своей территории. Примечательно, что в нефтедобывающих странах Аравийского полуострова насчитывается около 240 тыс. сирийцев, которые являются лицами, получившими вид на жительство. Однако такое разрешение можно было получить лишь до начала столкновений в Сирии в марте 2011 г.¹⁹

Стремление новых эмигрантов миновать наименее развитые европейские страны и получить гражданство наиболее богатых государств, способных раздавать необычайно высокие по восточным меркам пособия и льготы, не оставляет сомнений, что массовое бегство в лучшие уголки Европы носит преимущественно экономический характер. Кстати, пуститься в Европу для большинства жителей Ближнего Востока и Северной Африки достаточно сложно по весьма простой причине – на это попросту нет надлежащих денежных средств. Среднестатистический доход на душу населения в странах Ближнего Востока составляет не более 2 тыс. долл. в год. Тогда как за нелегальный транзит по морю организаторы контрабандного бизнеса берут 2–8 тыс. долл.²⁰ За транзит с многочисленными пересадками по суше приходится платить в 3–4 раза дороже. Создается впечатление, что кто-то заинтересован и более того – осознано направляет маршруты нового переселения народов. По крайней мере, Турция, Иордания и застрявшая в тисках безвластия Ливия не только не препятствуют исходу беженцев, но и всячески поощряют направление этого исхода именно в Европу.

Европейским политикам вряд ли стоит утешать себя тем, что пока мусульмане составляют лишь 7 % европейского населения (30–35 млн человек) [14, p. 154–164]. Исламизированная среда, как показывает история, не поддается приобщению к чужеродным образу жизни, морали и ценностям. Отрицая европейский мультикультурализм, они будут сохранять верность Корану, шариату и классическим мусульманским традициям, причем, скорее всего, в их радикальном проявлении, то есть в открытом неповиновении законам, приемлемым для Евросоюза, и склонности к грубому насилию в отношении иноверцев, то есть коренных европейцев.

¹⁵ How many migrants to Europe are refugees? // The Economist. September 7, 2015.

¹⁶ 10 truths about Europe's migrant crisis // The Guardian, August 10, 2015.

¹⁷ Dutch journalist easily buys fake Syrian passport, says terrorists can do it too // Russia Today, September 16, 2015.

¹⁸ The UN Refugee Agency. Refugees/Migrants Emergency Response, UNHCR. September 4, 2015.

¹⁹ Kuwait extends residency permits for Syrians The UN Refugee Agency. UNHCR. September 2, 2015).

²⁰ Everything you want to know about migration across the Mediterranean // The Economist, May 4, 2015.

Европейские бюрократы, либералы и защитники демократических ценностей наивно полагают, что со временем основная масса ищущих сейчас убежище в Европе ассимилируется и примет культуру тех стран, в которых они разместятся. Но они не учитывают то, что продолжающийся финансово-экономический кризис и внутренние разногласия в Евросоюзе объективно будут препятствовать этой и без того изначально утопичной идее. В действительности эмигранты могут рассчитывать только на существование в гетто, где они будут получать мизерное пособие или выполнять низко квалифицированную и мало оплачиваемую работу. Такие условия будут только способствовать радикализации эмигрантской среды, которая и без того насквозь пропитана салафитскими и джихадистскими стереотипами. Было бы удивительно, если бы сторонники «халифата» не воспользовались такой благоприятной возможностью для инфильтрации своих боевиков в столь ненавистные им страны неверных.

Как представляется, чтобы локализовать ИГ, необходимы систематические усилия, направленные на воссозданию центральной власти в Ираке, а также решительные шаги к разрешению конфликта в Сирии. Борьба с ИГ должна вестись посредством сочетания политических, военных, экономических и социальных мер. Кроме того, она должна быть скоординирована в международном плане. Среди перспективных невоенных методов борьбы с ИГ следует назвать установку контроля за нелегальными поставками нефти через Курдистан и Турцию и изоляцию джихадистов от международной финансовой системы, прежде всего путем блокирования работы банков, расположенных на территориях, захваченных террористами в Ираке и Сирии.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ТУПИК

На палестино-израильском треке до июля 2013 г. администрация Б. Обамы не выдвигала сколь-нибудь внятных инициатив, которые были бы приемлемы для всех сторон, заинтересованных в ближневосточном урегулировании. Придя в Белый Дом, Б. Обама намеревался, прежде всего, решительно противостоять иранской ядерной программе. В августе 2009 г. госдепартамент США предложил своим основным партнерам по НАТО рассмотреть возможность реализации «сделки», подразумевающей ужесточение западных санкций, способных подорвать экономику Ирана, в обмен на замораживание строительства в еврейских поселениях [4]. Это весьма необычное для практики ближневосточного урегулирования предложение вызвало отрицательную реакцию и в Израиле, и в Палестинской национальной автономии (ПНА). Б. Нетаньяху тотчас же безапелляционно дал понять, что его правительство не будет препятствовать строительству в крупных поселенческих анклавах Ариэль, Модиин, Гуш Эцион и Маале Адумим (около 10 % всей территории Западного берега), а также еврейских кварталах Восточного Иерусалима.

Кроме того, признание легитимности некоторых поселенческих анклавов на Западном берегу означало де-факто отказ от ранее поддержанных СБ ООН резолюций 242 и 338, требующих от Израиля вывода его войск с оккупированных в ходе войны 1967 г. территорий, то есть тех территорий, на которых должно быть создано палестинское государство. Ясно, что такая «инициатива» не была бы одобрена государствами – членами СБ ООН. Россия, Китай, Англия и Франция, как известно, выступают против политики развития израильского поселенческого сектора на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим [6, с. 161–173]. В противовес этому США требуют, «чтобы Израиль заморозил всю поселенческую деятельность, однако это не должно быть предварительным условием для возобновления переговоров между израильтянами и палестинцами.

Осторожные попытки тогдашнего (2009–2013 гг.) госсекретаря Х. Клинтон убедить израильского премьера Б. Нетаньяху приостановить поселенческую активность на Западном берегу успеха не имели. Не имела успеха и попытка Госдепартамента США, Египта и Иордании возобновить палестино-израильские переговоры в Вашингтоне (сентябрь 2010 г.) на том условии, что Израиль будет соблюдать десятимесячный мораторий на строительство в поселениях. Вторая каденция Б. Нетаньяху (2009–2013 гг.) была самой результативной за всю историю освоения израильтянами палестинских территорий. В этот период было построено 28 тыс. новых единиц жилья, в которых разместились около 103 тыс. поселенцев²¹.

²¹ Monthly report of the Palestinian Monitoring Group (Palestinian Liberation Organization, Negotiations

Примечательно, что 40 % новых единиц жилья были возведены в удаленных от «зеленой линии» поселениях, а остальные – в основном в Восточном Иерусалиме и прилегающих к городу районах Западного берега²². «Челночная дипломатия» Дж. Митчелла, исполнявшего с 2009 по 2011 гг. обязанности спецпосланника президента США на Ближнем Востоке, также не имела сколь-нибудь значимых результатов.

После победы на вторых президентских выборах администрация Б. Обамы решительно пересмотрела отношение к переговорному процессу между Израилем и палестинцами, а также роли США в этом процессе. Команда советников американского президента по Ближнему Востоку была существенно перетасована, расширена и усилена.

Большинство членов этой команды участвовали в подготовке и проведении палестино-израильских переговоров, которые велись под эгидой президента Б. Клинтона в 2000–2001 гг. в Вашингтоне, Кэмп-Дэвиде и Табе. В кратковременный период пребывания у власти правоцентристского правительства Партии труда во главе с Э. Бараком (06.07.1999–07.03.2001) израильская сторона готова была пойти на серьезные территориальные уступки палестинцам. С 11 по 24 июля 2000 г. в Кэмп-Дэвиде при посредничестве президента США Б. Клинтона состоялись переговоры между Я. Арафатом и Э. Бараком, в ходе которых впервые на официальном уровне обсуждались, помимо поселений, проблемы беженцев и статуса Иерусалима, ранее стоявшие в ряду «табуированных» тем палестино-израильского урегулирования. Однако прийти к какому-либо компромиссу, как известно, израильской и палестинской сторонам в Кэмп-Дэвиде не удалось. В итоге была лишь достигнута договоренность о продолжении двусторонних контактов при посредничестве США. Безуспешно завершились переговоры в Вашингтоне (19–24 декабря 2000 г.) и Табе (21–27 января 2001 г.) [7]. Из-за неблагоприятного политического фона, сложившегося накануне переговоров в Табе, было ясно, что положительных результатов они иметь не будут.

Спустя 12 лет в условиях отсутствия сколько-либо серьезных подвижек на палестино-израильском треке США вновь попытались реанимировать план обмена территориями, который был основным предметом переговоров, проводившихся при посредничестве Б. Клинтона. Ни у кого не было сомнений в том, что план, который будет подготовлен для Дж. Керри командой советников того же Б. Клинтона, станет попросту обновленным вариантом так называемых свопов²³.

По вопросу о свопах палестинцы и израильтяне придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Стратегическая цель палестинской дипломатии заключается в том, чтобы свести к минимуму или вообще не допустить кардинальных изменений границ, которые существовали до 4 июня 1967 г. При этом предполагается, что все поселения и все поселенцы должны быть эвакуированы за пределы «зеленой линии»²⁴. Израильская дипломатия настаивает на том, что в связи с неурегулированностью вопроса о статусе Иудеи и Самарии, то есть Западного берега, евреи имеют такое же, как и палестинцы, право селиться в этом районе. В этой связи все поселенцы и поселения, созданные в соответствии с законодательством Израиля, исключая «нелегальные поселения», основанные без проведения надлежащих юридических процедур, должны после подписания соглашения о Постоянном статусе находиться под суверенитетом и юрисдикцией Израиля.

На переговорах в Кэмп-Дэвиде израильская делегация впервые выдвинула план обмена территориями. Согласно этому плану, 111 поселений с общим числом поселенцев 374 327 человек должны были бы остаться под суверенитетом Израиля, 34 поселения и 18 977 поселенцев должны были бы покинуть Западный берег. По израильскому плану

Affairs Department). January 2012. – P. 3.

²² Settlements & the Netanyahu Government: A Deliberate Policy of Undermining the Two-State Solution. Peace Now Report. January 2013. – P. 1.

²³ Свop (англ. Swap) – обменная операция. В практике палестино-израильских переговоров термин «своп» означает «обмен территориями».

²⁴ «Зеленая линия» – границы, существовавшие до июня 1967 г. На картах, составленных по соглашению между Израилем и Египтом (24 февраля 1949 г.), Иорданией (3 апреля 1949 г.), Ливаном (23 марта 1949 г.) и Сирией (20 июля 1949 г.), линия прекращения огня после окончания первого арабо-израильского конфликта 1948–1949 гг. была окрашена зеленым цветом.

733 кв. км Западного берега²⁵ отходило к Израилю, 114 кв. км – под контроль ПНА. Еще 507 кв. км Израиль рассчитывал взять у палестинцев в долгосрочную аренду [15, р. 6]. Палестинская делегация на этих переговорах обсуждать вопрос о свопах отказалась.

Так и не опубликованный план Дж. Керри, скорее всего, тоже был некой квинтэссенцией арабской мирной инициативы 2002 г. и согласованных при посредничестве США территориальных обменов. Арабская мирная инициатива, как известно, предполагала признание арабскими странами Израиля в том случае, если тот выведет свои войска с оккупированных арабских территорий и согласится на создание государства Палестина. Судя по результатам переговоров, которые вице-президент США Джо Байден и госсекретарь Дж. Керри провели в апреле 2013 г. с главами государств Союза сотрудничества арабских государств [Персидского] Залива (ССАГ[П]З), последние были готовы поддержать американскую инициативу и признать Израиль и будущее палестинское государство в рамках границ, существовавших до 4 июня 1967 г. с поправкой на возможность осуществления взаимосогласованных и незначительных земельных разменов между Израилем и палестинцами²⁶.

Заявление американских политиков вызвало шоковую реакцию в Израиле, который заведомо отвергал любые предварительные условия для возобновления переговоров, равно как и саму идею территориальных разменов²⁷. Дж. Керри пришлось еще четыре раза летать в Израиль в течение одного месяца для того, чтобы «дожать» Б. Нетаньяху. Под давлением США, а также ведущих стран ЕС²⁸, Израиль дал согласие сесть за стол переговоров, на условии того, что предварительные условия будут соответствовать ранее достигнутым договоренностям между палестинской и израильской сторонами. В качестве гарантии своего участия в переговорах Израиль соглашался освободить из своих тюрем 104 палестинца, 14 из которых – арабы, имеющие израильское гражданство. Это условие было зафиксировано еще в Шарм аш-Шейхском Меморандуме от 4 сентября 1999 г., но не было в полной мере выполнено израильской стороной. Палестинцы обязались на время переговоров прекратить любые действия по своему вхождению в качестве полноправных членов в 15 организаций, аффилированных с ООН.

Каждая сторона была представлена двумя переговорщиками. От Израиля в них участвовали тогдашний министр юстиции Ц. Ливни и советник премьер-министра по палестинскому вопросу Б. Молхо, от США – М. Индик и Ф. Ловенстейн, от ПНА – один из лидеров ФАТХ Саэб Орейкат и министр экономики Мухаммед Штайех. Прямые переговоры между Израилем и палестинцами начались 29 июля 2013 г. в Вашингтоне и должны были продлиться девять месяцев. Крайний срок ограничивался конкретной датой – 29 апреля 2014 г. Однако, поскольку никаких продвижений в течение данного срока не было, обсуждался вопрос о возможности их продления вплоть до 2015 г. Администрация Б. Обамы рассчитывала добиться дипломатического прорыва в начале 2014 г. Предполагалось, что в январе 2014 г. Дж. Керри представит план, в котором будет предложено решение всех основных проблем ближневосточного урегулирования, на основе границ 1967 г. и обмена территориями. В план будет включен график его претворения в жизнь. Он также затронет проблемы регионального мира, Арабскую мирную инициативу и будет содержать программу развития палестинской экономики.

Однако новое правительство Б. Нетаньяху, сформированное по результатам внеочередных январских выборов 2013 г., сразу утвердило 84 проекта дополнительного строительства в поселениях, подчеркнув тем самым, что оно не намерено ни замораживать, ни тем более сворачивать поселенческую активность на палестинских территориях [5]. Кроме того, палестинские переговорщики с самого начала были убеждены, что американская сторона

²⁵ Вся территория Западного берега составляет 5,6 тыс. кв. км.

²⁶ Kerry Calls Arab League Plan to Revive Talks With Israel a 'Big Step' / The New York Times, 30.04.2013.

²⁷ Netanyahu cool to Arab land-swap initiative // The Washington Post, 01.05.2013.

²⁸ В июле 2013 г. Евросоюз поддержал директиву, запрещающую европейцам сотрудничество с теми израильскими организациями, которые работают в еврейских поселениях на палестинских территориях. Директива также требует, чтобы любые будущие соглашения между ЕС и Израилем, содержали параграф, подчеркивающий, что их действие «не распространяются на поселения, которые не являются частью территории Израиля» [13].

при обсуждении спорных вопросов более расположена к пониманию израильских, нежели палестинских, доводов.

Первые четыре раунда свелись в основном к взаимным упрекам после того, как палестинская делегация сделала заявление о необходимости включения в итоговую резолюцию положения о том, что «палестинское государство должно иметь территорию, полностью освобожденную от израильских военных и гражданских лиц»²⁹.

5 ноября в ходе очередного раунда переговоров израильская делегация сделала однозначное заявление: «палестинского государства в пределах границ 1967 г. не будет, и заградительный забор³⁰ станет границей между палестинцами и Израилем»³¹. В ответ на это С. Орейкат и М. Штайхобвинили Израиль в срыве переговоров «эскалации строительства в поселениях»³². Переговоры по формуле двугосударственного решения палестино-израильского конфликта теряли всякий смысл, поскольку израильские политики и законодатели фактически приступили к осуществлению процедуры присоединения к границам Израиля долины реки Иордан.

Заявлению израильской переговорной команды предшествовало выступление Б. Нетаньяху на заседании правительственного кабинета, где премьер-министр неожиданно вспомнил о 96-й годовщине принятия Декларации Бальфура³³ и увязал это событие с необходимостью расширения границ государства Израиль за счет территории Иорданской долины, которая является неотъемлемой частью оккупируемого израильтянами Западного берега. «Принцип, который обеспечит мир, а также защитит государство Израиль, в случае, если мирное соглашение будет нарушено, это – принцип безопасности. Договоренности в области безопасности принципиальны для нас, и мы настаиваем на них. Эти договоренности будут содержать многие составляющие, но во главу угла мы ставим то, что граница безопасности Израиля пройдет по реке Иордан», – этим заявлением Б. Нетаньяху подтвердил, что Иорданская долина рассматривается им как суверенная территория Государства Израиль. Вслед за этим заявлением израильского премьера депутаты от «Ликуда» во главе с Мири Рэгеv начали раскручивать процедуру принятия в Кнессете закона об аннексии Иорданской долины³⁴.

Иорданская долина и северо-западное побережье Мертвого моря занимают особое место в военно-стратегических расчетах. На современных израильских картах эта территория включается в состав границ Государства Израиль. Вся территория, прилегающая к иорданской границе (1 813,5 кв. км, или 32,9 % всей территории Западного берега), является сейчас «закрытой зоной». Создание по естественному руслу Иордана сплошной полосы, все подступы к которой охраняются военными, позволяет Израилю контролировать распределение водных ресурсов реки Иордан и полностью регулировать процесс передвижения палестинцев и товаров в Иорданию и обратно на территорию Западного берега. Перекрытие всех подступов к Иорданской долине обеспечивает также тотальный военный

²⁹ Abbas: Not a single Israeli' in future Palestinian state / The Jerusalem Post, 30.07.2013.

³⁰ Начиная с 2004 г. Израиль ведет на Западном берегу строительство «заградительного забора», который пролегает между поселениями и арабскими населенными пунктами. Согласно постоянно меняющейся карте маршрута разделительной стены ее протяженность в итоге должна составлять 712 км и почти вдвое превышать протяженность «зеленой линии». После завершения строительства стены около 285 тыс. палестинцев (в том числе в Восточном Иерусалиме) окажутся зажатыми между стеной и «зеленой линией». Примерно 125 тыс. палестинцев будут окружены стеной с трех сторон, а 26 тыс. – с четырех. К концу 2013 г. строительство 62 % стены уже было завершено. Бетонные стены барьера уже сейчас отсекают 9,4 % территории от Западного берега, включая Восточный Иерусалим [19, p. 6].

³¹ Israel says Separation Wall will be border / Al-Jazeera, 06. 11. 2013.

³² Ibidem.

³³ Декларация Бальфура была утверждена на конференции союзнических держав в Сан-Ремо 24 апреля 1920 г. и спустя два года включена в текст мандата на управление Палестиной, выданного Лигой Наций Великобритании. Одновременно с получением мандата британский Верховный комиссариат по управлению Палестиной своим указом осуществил раздел страны по естественному руслу реки Иордан, и на ее восточном берегу было запрещено селиться евреям. Следовательно, вся территория исторической Палестины, расположенная к западу от Иордана, была открыта для еврейской иммиграции.

³⁴ Likud pushing bill to annex Jordan Valley / The Jerusalem Post, 12.26.2013.

контроль почти над всей территорией Западного берега. Отторжение Иорданской долины от Западного берега исключает саму возможность создания полноценного палестинского государства.

На очередном раунде переговоров, состоявшемся 31 января 2014 г., М. Индик впервые поднял вопрос о свопах, пропорции которых совпадали с теми, что предлагали израильтяне в Табе в 2001 г. Он заявил, что в рамках будущего соглашения о мире США готовы признать расширение границ Израиля за счет присоединения 6 % территории Западного берега, на которой сейчас проживают 80 % поселенцев. При этом допускалось присутствие израильских войск и сил безопасности на границах Западного берега с Иорданией. Израиль настаивал на распространении своего суверенитета на 10 % палестинской территории, в то время как палестинские переговорщики соглашались на размен только 3 % и на передачу контроля над границей с Иорданией военным из США и других стран НАТО³⁵. Израильская делегация также требовала от палестинцев признания Израиля в качестве «еврейского государства». Но палестинцы возражали, считая, что сам факт признания Израиля Организацией освобождения Палестины состоялся уже дважды – в 1988 и 1993 гг. Они также указывали на то, что при подписании мирных договоров и договоров о взаимном признании между Израилем и Иорданией и Египтом от последних никто не требовал определения Израиля как «еврейского государства».

28 марта Израиль отказался освободить очередную группу палестинских заключенных и провел тендеры на строительство 708 единиц жилья в Восточном Иерусалиме, что палестинцы квалифицировали как нарушение обязательных условий для продолжения переговоров. М. Аббас отказался от моратория на проведение соответствующих процедур по аккредитации территорий, контролируемых ПНА, в 15-ти международных организациях. Переговоры вновь оказались на грани срыва.

Две недели Дж. Керри пытался убедить лидеров Израиля и ПНА «спасти мирный процесс». США даже выразили готовность выпустить на свободу израильского агента Джонатана Полларда, арестованного ещё в 1987 г. за передачу секретных документов Израилю и приговорённого к пожизненному заключению в американской тюрьме. Американская сторона обещала передать 4 млрд долл. для развития палестинской экономики [12, р. 18]. Однако все усилия Дж. Керри были тщетны. 23 апреля 2014 г. палестинские группировки ФАТХ и ХАМАС договорились сформировать правительство национального единства и провести новые выборы в Законодательный совет Палестины. Официальные лица ПНА заявили, что «палестинское единство будет только способствовать мирному процессу»³⁶. Реакция Израиля была незамедлительной и однозначной – «никаких переговоров с террористической организацией»³⁷. Были введены также жесткие экономические санкции против палестинцев, проживающих на Западном берегу, в том числе запрещено любое строительство в палестинском секторе в зоне «С»³⁸.

М. Индик возложил вину за провал переговоров на Израиль и лично Б. Нетаньяху, который, по его мнению, «не сделал ничего для того, чтобы хотя бы на фут продвинуть вперед мирный

³⁵ Abbas's Good Idea for Israel / Bloomerg, 03.02.2104.

³⁶ Hamas and Fatah unveil Palestinian reconciliation deal / BBC News, 24.04.2014.

³⁷ Sanctions and suspended talks – Israel responds to Palestinian reconciliation / Yediot Ahronot, 24.04.2014.

³⁸ Зона «С» или зона полного контроля Израиля на палестинской территории составляет 59 % всей площади Западного берега. Именно здесь расположены почти все еврейские поселения. К настоящему времени Израиль фактически завершил процедуру экспроприации земли у палестинцев на всей территории зоны «С» (3,4 тыс. кв. км), где расположены около 63 % пригодных для ведения сельского хозяйства земель Западного берега. С 2000 г. по настоящее время численность арабского населения сократилась на 11 %, и сейчас в зоне «С» насчитывается 150 тыс. палестинцев (около 5 % палестинского населения Западного берега). Из них 18,5 тыс. – бедуины, которые живут в этом районе не на постоянной основе. 60 % арабоязычного населения в зоне «С» не имеют постоянного доступа к источникам питьевой воды, и практически все палестинцы не имеют возможности получить разрешение от израильских властей на проведение строительных работ. Именно в этой зоне Израиль наиболее активно применяет практику разрушения палестинских домов, школ и сельскохозяйственной инфраструктуры. До запрета, введенного после провала переговоров под эгидой США в апреле 2014 г., территория легализованного строительства для палестинцев в зоне «С» составляла лишь 0,59 % от всей ее территории.

процесс»³⁹. Однако Госдепартамент США в официальном заявлении настаивал на том, что «обе стороны сделали все то, что в итоге можно назвать полной несостоятельностью»⁴⁰. Дж. Керри вынужден был признать, что его миссия завершилась безрезультатно: «К сожалению, подходящий момент снова упущен, мы снова оказались там, где были с самого начала»⁴¹.

Прекращение переговорного процесса сразу было использовано Израилем для развязывания очередной самой масштабной и дорогостоящей⁴² военной операции «Нерушимая скала» в секторе Газа, которая продолжалась 50 дней (с 7 июля по 26 августа). За время операции погибли 2 141 палестинцев, более 10 тыс. человек были ранены. Потери израильтян составили 69 человек, в их числе 64 военнослужащих, более 800 человек были ранены. В условиях отсутствия сдерживающих центров после провала переговоров Израиль получал также большие преимущества для раскручивания темпов строительства в поселениях на Западном берегу.

Сказанное выше доказывает, что урегулирование конфликта под эгидой США на сепаратной основе по кэмп-дэвидской схеме, удачно апробированной американской дипломатией при решении спорных вопросов между Египтом и Израилем в конце 1970-х гг., на палестинском треке не работает. Очевидно, что в ходе переговорного процесса при посредничестве Дж. Керри был допущен серьезный крен в сторону израильских политических интересов. Закономерным итогом провала американских инициатив, основанных на идее размена территориями, стала еще более серьезная дестабилизация обстановки в районе палестино-израильского противостояния.

Отметим, что тройственные переговоры при посредничестве США (29.07.2013–24.04.2014) изначально были обречены на неудачу. Пока у власти находится блок «Ликуд», Израиль ни при каких обстоятельствах не будет предпринимать конструктивных шагов для позитивного решения конфликта с палестинцами. В ближайшей перспективе израильское правительство, скорее всего, будет навязывать палестинцам план создания на территории, не превышающей 50–60 % территории Западного берега, «демилитаризованного палестинского государства», который заведомо будет отвергнут всеми палестинскими политическими партиями и организациями. Фактически эта идея – не что иное, как клон осуществленного Израилем в 2005 г. плана «одностороннего размежевания», поскольку ее реализация фактически означает установление режима полного контроля над территорией и населением Западного берега, то есть такого режима, который уже существует в секторе Газа.

Сформированное 14 мая 2015 г. при поддержке религиозно-националистических партий 34-е правительство Израиля во главе с Б. Нетаньяху объективно не может осуществить никаких серьезных подвижек во внутренней или внешней политике Израиля. Очевидно, что нынешняя правительственная коалиция будет по-прежнему стимулировать формирование необратимых реалий, исключающих решение палестино-израильского конфликта в рамках общепринятой в международном праве формулы «два государства для двух народов». По-прежнему будет нагнетаться антииранская атмосфера, будет продолжаться обременительная по финансовым затратам политика тотальной блокады сектора Газа и расширения поселенческой активности на палестинских территориях на Западном берегу. Переговорный процесс с палестинцами так и останется в тупиковом состоянии, а, следовательно, решение основных проблем окончательного статуса будет заморожено еще на неопределенное количество лет. Понимание безысходности только обостряет озлобленность палестинцев в отношении израильского истеблишмента, усугубляет и без того взрывоопасную

³⁹ US denies dismantling peace negotiators team / Yediot Ahronot, 05.06.2014.

⁴⁰ Marie Harf, Deputy Spokesperson of the State Department / Daily Press Briefing. – Washington, DC. May 5, 2014.

⁴¹ The Report on Israeli Settlement in the Occupied Territories. – Washington: Bimonthly Publication of the Foundation for Middle East Peace, March-April 2014. P 1.

⁴² Операция «Нерушимая скала», по предварительным расчетам, обошлась Израилю в 6,5 млрд шекелей (около 1,8 млрд долл.). На предыдущие подобные операции «Литой свинец» и «Облачный столп» было потрачено, соответственно, 3,57 и 2 млрд шекелей. (Финансовый ущерб от «Нерушимой скалы» . [Электронный ресурс новостного агентства News.ru.co.il]. – URL: <http://www.newsru.co.il/finance/09jul2014/nezek309.html>).

ситуацию в регионе и ведет к дальнейшей эскалации напряженности и поляризации между палестинцами и израильтянами. Принципиальное нежелание правительств, возглавляемых Б. Нетаньяху, идти на какие-либо уступки палестинцам в итоге привело к предсказуемому всплеску насилия между конфликтующими сторонами осенью 2015 г., который многие политические обозреватели и аналитики связывают с началом третьей интифады.

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ

Относительное спокойствие наблюдается в аравийских монархиях. Они (за исключением Бахрейна) пока остаются вне зоны арабской «оттепели». Властям этих стран удается сохранять политическую и социальную стабильность, в основе которой многие годы было сочетание трех факторов. Во-первых, доходы от экспорта углеводородов дают возможность устранять реальные и потенциальные очаги социального протеста. Во-вторых, режимы поддерживают союзнические отношения с консервативными религиозными кругами и лидерами племенных кланов. В-третьих, национальная безопасность гарантируется западными державами, в первую очередь США.

Но в глубине обществ происходят сложные социально-экономические процессы. Перепроизводство энергоносителей через падение цен еще вернется бумерангом в эти страны. Несмотря на частичную модернизацию политических систем в странах ССАГЗ за годы существования этой организации, этот процесс идет медленно и носит «разноскоростной» характер. Остро стоит проблема передачи верховной власти, которая в КСА сосредоточена в руках представителей поколения 80–90-летних детей основателя государства, а в Катаре и Омане нуждалась в поиске преемников верховных правителей. Робкая и непоследовательная модернизация не трансформирует саму политическую элиту, продолжающую играть свою традиционную бедуинско-исламскую патриархальную роль «благодетеля» в отношении подданных [3, с. 48].

В ряде стран ССАГЗ довольно остро стоит проблема престолонаследия, так как здесь абсолютные или абсолютные теократические монархии (КСА) переживают период смены поколений.

Несмотря на определенный дефицит информации о внутривнутриполитических сдвигах в аравийских монархиях, можно сделать заключение, что ускорившаяся трансформация Арабского мира затронула и этот полуостров кажущегося спокойствия. Руководители стран ССАГЗ вынуждены ускорить преобразования, в том числе в упреждающем режиме, для предотвращения распространения «арабской весны» на своих территориях. Однако изменения происходят инерционно, не столь стремительно, как во многих других арабских странах.

В одних странах Аравийского полуострова предпринимаются меры для укрепления конституционных монархий дуалистического типа (Кувейт, Бахрейн, ОАЭ – с особой, специфичной для региона формой государственного управления в Эмиратах). Проблема престолонаследия здесь смещена на второй план по причине более «демократичной» процедуры смены верховного правителя. Основная борьба в высших властных структурах идет за контроль над расстановкой государственных чиновников в силовых ведомствах и других ключевых органах власти. Противостояние между различными кланами дополняется растущими требованиями зарождающегося гражданского общества ограничить властные полномочия монархов. В долгосрочной перспективе это может привести к трансформации конституционных дуалистических монархий в парламентские монархии. Однако трудно представить, что в ближайшие годы на полуострове возникнут аналоги современных европейских монархий.

В остальных странах ССАГЗ проблема престолонаследия стоит довольно остро, так как здесь абсолютные или абсолютные теократические монархии (КСА) переживают период смены поколений. Если в Катаре такая смена уже произошла, то в Саудовской Аравии и Омане осуществляется (явно или в скрытой форме) подготовка столь важных для этих стран перемен. Прогнозируя развитие ситуации в КСА, Омане и Катаре, пока нет оснований предполагать, что после смены поколений здесь изменится форма монархического правления и возникнут условия для учреждения конституционной монархии. На преодоление инерции абсолютизма уйдет немало лет.

Кончина короля Абдаллы 23 января 2015 г. привела к изменению в расстановке сил в саудовском руководстве, но не в системе престолонаследия. Вступивший 23 января 2015 г. на престол король Салман бен Абдель Азиз произвел перестановки в высших эшелонах власти КСА. Как и можно было предположить, в соответствии с распоряжением предшественника Салмана, наследником престола стал принц Мукрин. Вопреки предположениям некоторых экспертов место наследника (заместителя) наследника занял не старший сын скончавшегося монарха принц Мутъиб, а принц Мухаммед бен Найеф. Так в Королевстве прошел мягкий переход власти.

На личности бен Найефа стоит остановиться особо. Он родился в 1959 г., приходится племянником Мукрину, является выходцем из клана Судейри. Его многие уже сейчас называют самым влиятельным после короля человеком в КСА. Он сохранил за собой все предшествующие посты и получил пост второго заместителя премьер-министра. Таким образом, клан Судейри опять выдвигается вперед. Два из трех силовых ведомств оказались под их контролем. Мухаммед бен Найеф считается реформатором и относительным либералом. Вполне возможно, что он будет первым саудовским монархом с западным образованием. Мухаммед бен Найеф, возглавляя Министерство внутренних дел, держит руку на пульсе страны, имеет прочные связи с Западом [1].

Влияние принца Мутъиба и его братьев будет в значительной степени меньше, чем это было при короле Абдалле. Король Салман начал продвигать своего сына Мухаммеда в эшелонах власти – последний возглавил Министерство обороны КСА.

29 апреля 2015 г. вышли новые королевские указы, в соответствии с которыми принц Мукрин подал в отставку с поста наследника престола, а на этот пост был назначен принц Мухаммед бен Наефа (сохранивший за собой пост министра внутренних дел). Наследником наследника престола стал сын правящего монарха принц Мухаммед бен Салман, сохранивший пост министра обороны.

Каким образом смена поколений в семье Саудитов может отразиться на системе государственного управления и внешнеполитической ориентации королевства? В результате изменения соотношения сил в правящей элите может произойти дестабилизация власти, чем воспользуется внесистемная оппозиция. Сдвиги во внутренней и внешней политике Королевства многие связывают с приходом на трон наследника – М. бен Найефа. Во внешнеполитической области кадровые перемещения могут привести к позитивным изменениям в политике КСА в отношении Ирана, Ирака и Сирии.

В целом в КСА, очевидно, продолжится тенденция к включению в саудовский политический истеблишмент выходцев из рядов разночинного «образованного класса». Так, выходцы из рядов этого «класса» заняли посты министров труда, экономики и планирования, здравоохранения и председателя Комитета по делам радиовещания и телевидения. Весьма вероятны изменения и на уровне подразделений Министерства образования.

Однако, как отмечает российский востоковед Г.Г. Косач, «новое состояние политической системы страны будет созидаться из элементов традиции, когда союз власти и улемов остается центральным звеном политической системы, в которую медленно вписываются современные центры влияния, представленные «образованным классом» [2].

После того как механизм престолонаследия в КСА утратит свою специфику и станет соответствовать модели соседних абсолютных монархий (этот процесс близок к завершению), перед новым поколением правителей встанут иные, напрямую не связанные с передачей верховной власти задачи. В Катаре новый эмир уже с этим столкнулся. Задачи следующие:

- вести поиск консенсуса в позициях различных близких к власти кланов для предотвращения противодействия политике монарха и его ближайшего окружения;
- активизировать борьбу с коррупцией и хищениями, реформировать аппарат государства и произвести чистку в рядах чиновничества;
- ввести в неконфликтное русло диалог с представителями «образованного класса»;
- урегулировать или хотя бы снизить остроту имеющихся этно-конфессиональных противоречий (в первую очередь между суннитами и шиитским меньшинством);
- ускорить перестройку хозяйственной жизни в направлении диверсификации

- источников дохода и расширения экономической базы народного хозяйства, основой которого все еще остается производство нефти и нефтепродуктов⁴³;
- противостоять терроризму; КСА и Катар уже начали отходить от широкой поддержки исламистов экстремистского толка, справедливо полагая, что террористическая активность рано или поздно перекинется и на территорию монархий;
 - вести непростые переговоры о будущей трансформации Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в «союз – *иттихад*»;
 - в области международных отношений – создавать систему коллективной региональной безопасности, на основе многовекторной политики выстраивать новые альянсы; определенное охлаждение в союзнических отношениях с США заставляет нефтяные монархии укреплять связи с государствами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, с Россией (в 2015 г. руководство КСА начало форсировать политическое, экономическое и гуманитарное сближение с нашей страной).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЙЕМЕНСКОГО КОНФЛИКТА

На юге Аравийского полуострова – в Йемене – большие надежды были связаны с созывом в марте 2013 г. Конференции по национальному диалогу (КНД) с участием ведущих политических партий и движений. КНД формально завершила свою работу в январе 2014 г. Ее результаты носили промежуточный характер, поскольку решение главного вопроса – о государственно-административном устройстве – было отложено и поручено президенту Хади, взаимодействующему с пятью представителями крупнейших политических партий. Для этого срок полномочий «технического президента» был продлен еще на 25 месяцев. При этом такие важные первоначально провозглашенные цели конференции, как обнародование проекта новой конституции, объявление дат конституционного референдума и выборов достигнуты не были. Декларирование положительных результатов при отсутствии окончательных договоренностей по будущей структуре государства не имело бы под собой прочной основы. После завершения конференции подготовка такой основы была возложена на президента и его окружение.

Созыв и проведение КНД отнюдь не означали прекращения военных конфликтов на территории страны. Усилия по национальному примирению предпринимались на фоне широкомасштабного наступления хауситов на севере и продолжения вооруженных выступлений и террористических актов на юге.

На завершающей стадии КНД и сразу после нее наиболее драматично складывалась ситуация на севере страны. Военные действия распространились на пять северных провинций – от саудовской границы вблизи Китафа до окрестностей йеменской столицы. Эта часть страны стала напоминать лоскутное одеяло, пересеченное множеством линий прекращения огня, постоянно меняющих свои очертания. Основные линии фронтов разделяли следующие силы: 1) клан Ахмаров, представляющий племенную конфедерацию Хашид, который мобилизует, оказывает военную и материальную помощь салафитским боевикам; его поддерживает генерал Али Мохсен Аль-Ахмар (родственных связей с кланом Ахмаров не имеющий) с его сторонниками в армейских частях провинции Амран и опосредованно, через племенные связи, партия «Ислах»; 2) боевые отряды хауситов в союзе с теми северными племенами, которые находятся в оппозиции к Ахмарам и «Ислаху» и поддерживают связи с «Всеобщим народным конгрессом» (ВНК) – партией бывшего президента Салеха.

Наступательная тактика хауситов принесла им военный успех. Установление в январе новой линии прекращения огня и победу в боях за Китаф можно считать крупной победой хауситов, заставивших салафитов отступить к Сане. Таким образом, вся провинция Саада опять перешла в руки движения «Хути». Более того, хауситы смогли, объединившись с частью

⁴³ Для КСА особая цель – сокращение потребления нефтепродуктов и газа, поскольку, как считает принц Мукрин, потребление этих источников энергии в королевстве значительно выше, чем в мире, что не может не оказывать отрицательного воздействия на экспорт саудовской продукции. Вести поиск альтернативных и возобновляемых источников энергии, включая «чистую энергию» – солнце, ветер или используемые в мирных целях ядерные реакторы. Расширить возможности труда для молодежи, взаимодействие между правительством и частным сектором с целью содействия росту капиталовложений национального частного капитала, капитала из стран Залива, а также иностранных инвестиций в созданные в различных регионах промышленные города.

нелояльных Ахмарам семей из конфедерации Хашид, вторгнуться в расположенную южнее провинцию Амран и 3 февраля 2014 г. разрушить семейный дом – резиденцию Ахмаров, что символизировало завершение многолетней гегемонии последних в объединении Хашид.

В результате центральное руководство страны утратило контроль над севером. Хауситы создают здесь свои органы власти, обеспечивают жителям безопасность. Несмотря на их обещания сдать центральным властям тяжелое вооружение и участвовать в национальном примирении, они, скорее всего, стремятся воссоздать в той или иной форме теократическое территориальное образование в этой части Йемена.

Перехватив военную инициативу и фактически оккупировав столицу, шииты выдвинули государственному руководству страны свои требования: выполнение основных решений КНД, включая передел собственности в соответствии с решениями конференции (разумеется, в свою пользу), отставка правительства и введение хауситов в органы исполнительной власти, понижение цен на топливо до докризисного уровня. Но главной их целью по-прежнему было устранение с политической и экономической сцены партии «Ислах» и поддерживающих ее внутренних сил.

В результате между шиитами и руководством страны 21 сентября 2014 г. было подписано соглашение о перемирии. В соответствии с ним правительство подало в отставку, Нефтяная государственная компания Йемена объявила о сокращении на 15 % цен на бензин и дизельное топливо. Принять последнее решение было весьма непросто, так как отмена субсидий в энергетическом секторе было основным условием МВФ при предоставлении Йемену финансовой помощи. Хауситы в свою очередь дали обещание отвести свои отряды из столицы и сдать захваченное вооружение.

По уже сложившейся в стране печальной традиции и это соглашение в целом не выполнялось. Отряды хауситов остались в Санае, продолжая контролировать въезды в город и стратегические объекты, захватывать дома жителей столицы для укрепления своих военных позиций. Они пытались установить контроль над нефтедобывающим районом Маариб в 120 км к востоку от столицы и выдвинулись к важному йеменскому морскому порту на Красном море – городу Ходейда⁴⁴.

Несмотря на явное смещение баланса сил в сторону шиитских вооруженных формирований и ослабление центральной власти, тренды дальнейшего развития ситуации на севере страны были неопределенными. Обращает на себя внимание пестрота противоречивых интересов и целей тех сил, как внутренних, так и внешних, которые прямо или косвенно вовлечены в йеменский конфликт. Каковы были позиции этих сил по состоянию на конец 2014 г.?

Шиитская община нанесла максимальный ущерб исламистам и существенно расширила контролируемую ею территорию, включая столицу государства. Политическая эпоха братьев Ахмаров и А. Мохсена фактически завершилась. Партию «Ислах» возглавили сторонники компромисса по решениям КНД – М. Катайси и А. Анси. Из внешних игроков от этого, безусловно, выиграл поддерживающий хауситов Иран. Бывшему йеменскому президенту Салеху руками шиитов удалось свести счеты с теми, кто поддержал «йеменскую революцию» и отстранил его от власти, усилить в стране позиции представителей своего клана и тем самым обрести новые возможности влияния на судьбы страны⁴⁵.

Президент Хади, опять же чужими руками, ослабил своих основных конкурентов в политической и экономической области – исламистов из партии «Ислах». Компромисс с Югом стал более реальным. Вместе с тем Хади и его окружение справедливо опасаются дальнейшего продвижения хауситов, памятуя об их стремлении вернуть себе власть, потерянную вместе с последним имамом в 1967 г.

В том, чтобы остановить хауситов, ограничить их политическую роль ослаблением йеменского аналога «Братьев-мусульман» заинтересован и наиболее включенный в ситуацию внешний игрок – КСА. Позиция этого государства вполне определена: «хауситы сделали свое дело, они могут уйти». Позиции саудовского руководства и йеменского

⁴⁴ Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (29 сентября – 5 октября 2014 г.) // Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=22090>.

⁴⁵ Рябов П. П. Йемен: что стоит за перемирием с хауситами // Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=22018>

президента (относительно необходимости ограничить влияние Ирана в Йемене и ввести активизацию шиитов на севере страны в определенные рамки) во многом совпадают, о чем свидетельствовали саудовско-йеменские переговоры на высшем уровне в сентябре 2014 г. Учитывая сохранение противоречивых интересов различных политических, религиозных и этнических групп в Йемене, саудовцы отстаивают план достижения компромисса между государственным руководством страны, хауситами, племенной верхушкой суннитских племен, бывшим президентом Салехом, южнойеменскими «харакат» путем достижения соглашения об альянсе на новом этапе развития политической ситуации. Это может стать продолжением национального диалога, но уже в условиях нового соотношения сил. Такой сценарий, предусматривающий ограничение контроля хауситов зейдитскими провинциями и недопущение создания иранского оплота в Йемене, устраивает и Соединенные Штаты.

28 ноября, наконец, было достигнуто соглашение о прекращении боевых действий на севере страны. Партия «Ислах» и движение «Ансар Алла» договорились сотрудничать в реализации решений КНД. Соглашение было достигнуто при посредничестве спецпосланника ООН в Йемене Дж. Бенномара и представителей ССАГЗ.

С начала 2015 г. конфликт вышел на новый уровень и перерос в стадию открытой гражданской войны. Президент страны Хади сначала подал прошение об отставке (22 января), а через три дня решил его отозвать. Позже он укрылся в своем дворце в Адене, откуда в марте бежал за границу.

22 марта Совет Безопасности ООН подтвердил легитимность президента Хади и призвал все стороны в конфликте воздерживаться от любых действий, подрывающих «единство, суверенитет, независимость и территориальную целостность Йемена».

На следующий день министр иностранных дел Йемена, действовавший по поручению президента Хади, обратился к арабским монархиям с просьбой о введении в страну контингента совместных вооруженных сил «Щит полуострова», образованных под эгидой Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

26 марта король Саудовской Аравии Салман бен Абдель Азиз отдал приказ начать военную кампанию против хауситов, в которой принимают участие также Катар, Пакистан, Бахрейн, Кувейт, ОАЭ, Марокко, Иордания, Судан и Египет. Войска коалиции бомбят позиции повстанцев с воздуха и пытаются блокировать порты с моря, чтобы предотвратить подвоз оружия хауситам из Ирана. Тем не менее 6 апреля хауситы захватили Аденский порт.

В условиях продолжения позиционной войны какой-либо прогресс на мирных переговорах по йеменскому урегулированию в Женеве, которые были организованы по инициативе и посредничестве ООН, маловероятен.

США и их западные союзники сразу поддержали силовую акцию против хауситов, в очередной раз продемонстрировав, что у них отсутствует единообразный подход к квалификации международных конфликтов. Если на Украине они однозначно поддержали силы, организовавшие и осуществившие вооруженный переворот против законно избранного президента этой страны, то в Йемене в схожей с международно-правовой точки зрения ситуации они выступили против повстанцев, на стороне свергнутого и укrywшегося за границей президента этой страны.

Примечательно в связи с этим, что еще в январе 2015 г. США приняли решение о замораживании контртеррористической операции против «Аль-Каиды» в Йемене в связи с захватом столицы страны Саны шиитскими отрядами, ориентирующимися на Иран.

По мнению экспертов, события в Йемене укладываются в логику того, что называется «большой суннито-шиитской войной», где одну сторону поддерживает Иран, а другую – Саудовская Аравия. США в этой ситуации оказываются в сложном положении, так как где-то они осторожно поддерживают суннитов и своего традиционного союзника – Саудовскую Аравию, а где-то, как в Ираке, вынуждены поддерживать шиитов в их борьбе с ИГИЛ, по сути дела, вступить во временный фактический союз с Ираном.

Дополнительную сложность ситуации в Йемене добавляет то обстоятельство, что страна давно «инфильтрована» «Аль-Каидой». Единственной силой, помимо южан, выигрывающей от нынешней гражданской войны, являются сторонники «Аль-Каиды», которые после ослабления силовых структур А.М. Хади, установили контроль над очень значительной территорией от Хадрамаута и Абьяна до Мариба. Эта организация может получить реальное

преимущество в случае разгрома хауситов, став фактической хозяйкой Йемена, который, в свою очередь, рискует превратиться в «несостоявшееся государство» и очередную «черную дыру» безвластия на Ближнем Востоке.

Естественно, одним из основных факторов, мотивирующих Саудовскую Аравию и ее «заливных» союзников на активные действия в Йемене, является проблема нефтяного транзита через Баб-эль-Мандебский пролив, перспектива перекрытия которого йеменскими шиитами в случае полного захвата хауситами власти в стране может серьезно ударить по многокомпонентной нефтяной стратегии Эр-Рияда, включающей не только противодействие планам Ирана выйти на нефтяной рынок, но и борьбу с производителями сланцевой нефти в США и создание сложностей для традиционных экспортеров нефти на мировой рынок, к числу которых относится и Россия. Через пролив нефть идет в основном из стран Персидского залива на север в Европу и Северную Америку. Здесь проходит 3,8 млн барр/сутки нефти. Ширина Баб-эль-Мандебского пролива в самом узком его отрезке составляет 29 км, что затрудняет движение танкеров, для которых отведено два фарватера по две мили шириной – по одному для каждого направления. Блокирование этого морского прохода вынудит танкеры переориентироваться на маршрут вокруг Африки.

Среди сценариев возможной эскалации конфликта называют возможный марш-бросок хауситов в нефтеносную Восточную провинцию КСА, большинство населения которой составляют как раз шииты, с целью разжигания там «шиитской революции». Эти версии подтверждаются публичными высказываниями лидера «Хизбаллы» Х. Насраллы о том, что «хауситы готовы атаковать Саудовскую Аравию в любой момент». Однако военные эксперты отмечают ограниченность их военно-технических возможностей для наступления через обширные пустынные пространства КСА.

В то же время саудовско-иранская борьба за влияние на Южный Йемен вполне может завершиться его присоединением к КСА. Большинство южнойеменцев исповедуют суннизм. Сближает их с королевством и то, что многие жители Юга переправили туда свои семьи. Силу экономического притяжения Саудовской Аравии в этом отношении трудно переоценить. Для королевства же стратегически важным является возможный выход к Аравийскому морю, минуя иранскую угрозу в Ормузском проливе (основная часть саудовских внешнеторговых потоков проходит по морским путям). Как первый шаг к интеграции в состав КСА стратегически важной йеменской провинции Хадрамаут эксперты расценивают решение саудовских властей предоставить йеменцам, проживающим в Хадрамауте, права безвизового въезда в Саудовскую Аравию.

Что касается Ирана, то он, судя по всему, не собирается активно вмешиваться в йеменский конфликт, так как слишком озабочен ситуацией на сирийско-иракском направлении для того, чтобы отвлекать ресурсы еще и на йеменское направление. Именно в Ираке и Сирии Иран будет пытаться довести до конца противостояние с салафитскими просаудовскими и прокатарскими структурами. Кроме того, Тегеран не хочет осложнять свое международное положение в связи с предстоящим снятием с него санкций.

Одним из возможных последствий гражданской войны в Йемене может стать создание объединенных межарабских вооруженных сил, о чем было объявлено на саммите Лиги арабских государств (ЛАГ), состоявшемся в египетском городе Шарм-эль-Шейх в конце марта 2015 г.

Цель этих ВС – «быстрое военное вмешательство» в зонах региональных военных конфликтов, реагирование на возникающие угрозы безопасности. Иными словами, их главное предназначение – установление мира и восстановление власти государственных руководителей, пришедших к этой власти законным путем. Условие вмешательства – обращение за помощью к ЛАГ официальных властей тех или иных охваченных конфликтами арабских стран. Контингент совместных сил быстрого реагирования составит 40 тыс. военнослужащих, действия которых будут поддерживаться боевой авиацией и флотом. В коммюнике саммита предусмотрено добровольное участие в совместном военном формировании стран – членов ЛАГ. Таким образом, военная операция «Буря решимости», развернутая Саудовской Аравией и ее союзниками в Йемене, где большая часть страны оказалась под контролем хауситов, увенчается созданием еще одной общеарабской структуры, на этот раз военного назначения.

Эта информация стала своего рода сенсацией. Дело в том, что эффективность работы ЛАГ не раз вызывала критические оценки как в самом арабском мире, так и за его пределами. Напомним, что Лига арабских государств – это межправительственная организация, созданная в Каире 22 марта 1945 г. Это единственное общерегиональное интеграционное объединение на Ближнем Востоке. Кроме 18 арабских государств, в нее входят Сомали, Джибути, Коморские острова и Палестинская национальная администрация. Россия имеет статус наблюдателя при ЛАГ.

Оценивая перспективы использования вооруженных сил ЛАГ, хотелось бы надеяться, что эти формирования помогут урегулировать нынешние и потенциальные международные и внутривосточные конфликты в регионе. Их можно было бы рассматривать как будущий противовес НАТО в этой части мира, как инструмент урегулирования кризисных ситуаций не силами внешних игроков, а с помощью самих арабских стран.

Вместе с тем нельзя игнорировать наличие серьезных ограничителей в раскрытии миротворческого потенциала этого воинского контингента. Прежде всего, в деле достижения арабского единства на протяжении всей истории ЛАГ негативно сказывались противоречия между входящими в это объединение государствами.

Среди конфликтных ситуаций в Лиге можно вспомнить приостановку членства Арабской Республики Египет после заключения этим государством в 1979 г. мирного договора с Израилем, раскол в ЛАГ после оккупации Ираком Кувейта в 1990 г., аналогичную ситуацию во время американо-британской операции против Ирака в 2003 г. и проч.

Отметим, что создание наднациональных государственных и силовых структур приветствуют не все арабские страны. Например, в декабре 2011 г. саудовский монарх выступил с инициативой перейти в ССАГЗ от этапа сотрудничества к этапу союза, предполагающего частичный отказ от национального суверенитета. Идею поддержали не все члены ССАГЗ. Движение в этом направлении, скорее всего, будет продолжаться, но весьма медленными темпами, учитывая опасения партнеров КСА относительно дальнейшего усиления саудовского влияния.

Боевой потенциал совместных ВС будет ограничен неготовностью многих арабских стран полноценно участвовать в их создании, финансировании и укомплектовании. Скорее всего, эти части будут состоять из военнослужащих и боевой техники стран ССАГЗ и Египта. Другие страны ЛАГ, вполне возможно, воспользуются ст. 7 Устава Лиги, гласящей, что принимаемые Советом решения обязательны только для тех государств, которые за них голосовали. Страны часто не выполняют принятые резолюции, если те противоречат их интересам.

Весьма серьезное препятствие – разногласия по применению ВС в урегулировании конфликтов (в частности, в Сирии, Ираке, Йемене, Ливии), вызванные разными подходами членов ЛАГ к этим конфликтам. Пример таких разногласий приведен выше – они касаются оккупации Ираком Кувейта в 1990 г.

Позицию России по конфликту в Йемене озвучил министр иностранных дел С.В. Лавров, который подчеркнул в ходе своего выступления на пресс-конференции в Москве 31 марта 2015 г., что российский подход заключается в необходимости остановить любое применение силы. Обе стороны должны незамедлительно прекратить любое вооруженное сопротивление и возобновить переговоры, которые велись между ними до перехода конфликта в «горячую фазу». Есть понимание, что переговоры должны проходить на нейтральной территории. Еще один важный момент российской позиции состоит в том, что если посмотреть на региональный срез проблемы в геополитическом смысле, то совершенно очевидно, что нельзя допустить деградации ситуации, когда она перейдет в прямое противостояние между суннитами и шиитами. Об этом Россия говорит постоянно с начала «арабской весны», но, к сожалению, ее не слышат. Те, кто сейчас ведут дело к «горячему», силовому усугублению противостояния, берут на себя колоссальную ответственность за судьбы региона. Тем более Россия не может допустить, чтобы нынешняя ситуация в Йемене переросла в открытый вооруженный конфликт между арабами и Ираном⁴⁶.

Оценка современной сложной ситуации позволяет предположить, что наименее болезненный выход для Йемена – федерализация. Нынешняя унитарная система не работает. Здесь с определенными оговорками можно провести параллель с положением на Украине.

⁴⁶ http://www.mid.ru/maps/vu/-/asset_publisher/9NtLZ1DQ0DGC/content/id/1127596

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОТСТАВАНИЯ

Среди проблем, требующих скорейшего решения на общерегиональном уровне – реформирование экономики. В научных публикациях и материалах СМИ по текущим событиям на Ближнем Востоке редко рассматривается экономическая составляющая кризисной обстановки в этом регионе, что не вполне обоснованно. Конечно, главная цель сегодня – остановить кровопролитие, достичь мира в Ираке, Сирии, Ливии и ряде других арабских стран. Но нельзя закрывать глаза еще на один вызов – *системное отставание стран региона в экономическом развитии*. Материальная основа цивилизации во многом определяет характер политической системы, конфликтный потенциал общества, степень удовлетворенности или неудовлетворенности населения условиями жизни и, наконец, характер международных отношений.

В последние десятилетия экономический рост и несбалансированность хозяйственной структуры оставались острее проблемами в стратегии рыночных реформ в большинстве стран региона. Длительность и незавершенность до настоящего времени процесса структурной адаптации региональной экономики к изменившейся мирохозяйственной ситуации проистекают из высокого уровня этатизации хозяйственного механизма ближневосточных стран, что типологически сближает их подобно тому, как географическое положение определяет сходство природно-климатических условий этих государств.

Проблемы, с которыми сегодня сталкивается Ближний Восток – недостаточно высокий профиль участия в международном разделении труда; ослабление сравнительных преимуществ промышленности на мировых рынках вследствие неравномерности распространения в мире научно-технических достижений (по высокотехнологичной продукции у подавляющего большинства ближневосточных стран практически отсутствуют какие-либо сравнительные преимущества); негибкость хозяйственного механизма, чрезмерное огосударствление которого не позволяет оперативно реагировать на частые изменения внешнего спроса; нарастание внешней задолженности. Вследствие демографического бума экономика не в состоянии абсорбировать миллионы выходящих на рынок труда новых работников, что создает питательную среду для международного терроризма.

Лишь странам, специализирующимся на добыче углеводородов, удавалось избежать резкого обострения внутриэкономической ситуации и минимизировать экономическую составляющую оппозиционных настроений.

Экономические и политические тренды в регионе во многом обусловлены тем, что БВСА остаются мировым резервуаром энергетического сырья, за доступ к которому идет жесткая конкурентная борьба между основными центрами экономической силы, представляющими как Запад, так и Восток. При этом капиталоизбыточные страны остаются «на плаву», в то время как основная часть арабского мира зашла в своем социально-экономическом развитии в тупик. Отрыв от развитых стран усугубляется последствиями «арабской весны». Так, роль Египта как лидера арабского мира в политическом и особенно в экономическом плане ослабела: сократились темпы прироста ВВП (до 2–4 %), обнажились застарелые проблемы, связанные с безработицей, социальным обеспечением и государственным долгом.

В то же время в будущем происходящие геополитические сдвиги могут стимулировать создание региональных полюсов относительно сбалансированного роста: саудовско-египетский альянс, Курдистан, Иран, представители развитого мира – Израиль и Турция.

Экспертное сообщество в отдельных странах и в международных экономических организациях занимается проработкой возможных сценариев преодоления отсталости многих ближневосточных стран, создания в них эффективных моделей рыночных реформ с учетом национальной специфики. Если кратко, суть этих планов состоит в восстановлении жизнеспособной экономики в два этапа. Первый – решение проблемы трудоустройства и повышения жизненного уровня широких масс населения путем организации общественных работ, осуществлении инфраструктурных проектов, ликвидации городских трущоб и широкого жилищного строительства. Второй – структурная перестройка экономики и сокращение уровня этатизации хозяйства. Переходить к решению второй группы задач можно еще до завершения первого этапа.

* * *

Завершая анализ, приходится констатировать попытки если не полностью вытеснить Россию с ближневосточного политического и экономического поля, то, во всяком случае, существенно ослабить позиции нашей страны в регионе. Количество стран, которые традиционно относились к числу российских партнеров и союзников, существенно сократилось. Для восстановления и укрепления влияния России необходимо сохранять многовекторный, сбалансированный подход и энергично действовать сразу по нескольким направлениям:

- вносить свой вклад в укрепление системы региональной безопасности, выступать посредником в разрешении региональных конфликтов;
- осуществить прорыв в хозяйственных связях с регионом, в первую очередь на основе инвестиционного и технологического сотрудничества;
- развивать гуманитарные контакты со странами региона, в том числе по линии конфессиональных связей; способствовать формированию здесь лоббистских групп, поддерживающих сближение с Россией;
- вести поиск стратегических партнеров в третьих странах, заинтересованных в совместных действиях на Ближнем и Среднем Востоке; среди таковых перспективными представляются государства БРИКС, союзники России на постсоветском пространстве, некоторые латиноамериканские страны, отдельные страны ЕС.

Там, где острая конфликтная ситуация сохраняется, в интересах России способствовать урегулированию конфликтов на основе сложившейся системы международных правовых норм и Устава ООН. Официальная позиция России строится на недопущении военного, политического и информационного вмешательства во внутренние дела ближневосточных и иных стран. В этом плане нынешний твердый курс относительно ситуации в Сирии и вокруг нее может рассматриваться в качестве перспективной модели российской внешней политики в регионе в целом.

Для России важно сохранить существующую международную правовую систему. На Ближнем Востоке Россия защищает не отдельные режимы, а существующее международное право – если оно будет уничтожено, мир погрузится в хаос и будет руководствоваться только правом силы. Поэтому для России целесообразно продолжить блокирование попыток США, ряда западноевропейских и арабских стран свергнуть легитимные режимы посредством поощрения оппозиционных сил, зачастую связанных с радикальными исламскими и террористическими группировками.

Представляется необходимым под эгидой ООН принять комплексную программу борьбы с международным терроризмом в различных частях мира. Для Ближнего Востока жизненно важным является создание системы коллективной безопасности, мер доверия. На сегодняшний день наилучший гарант отказа от применения силы – Совет Безопасности ООН.

THE REGIONAL SITUATION IN THE MIDDLE EAST: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Alexander Krylov, PhD (History), Leading Researcher, Center for Middle East Studies, IIS, Professor at the Department of World Politics, MGIMO University. 119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow.

E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Andrey Fedorchenko, PhD (Economics), Director Center for Middle Eastern Studies, IIS, MGIMO-University, 76 Vernadsky Ave., 119454. Moscow.

E-mail a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Summary

The article analyzes the main trends that determine the dynamics of transformation processes and the

future of the entire Middle East region. Projected scenarios are examined through the prism of Russian foreign policy and strategic interests.

It has become even more evident that the American scheme of the new world order, including the Middle East, is unviable. Strengthening of Islamic radical organizations and expanded range of their activities were connected with the coming to power of the Obama administration. In Iraq, Syria, the former confrontation has entered a new phase and become even more acute. In 2014, «Islamic State» (ISIS) has begun a large-scale expansion, as a result of the bloody battles part of the territory of these countries came under the control of the Islamists. The effectiveness of the fight against the ISIS is due to a combination of political, military, economic and social measures. Furthermore, it should be coordinated internationally. The coordination of anti-terrorist activities of Russia with the countries of East and West can bring positive results.

Resolving of the Israeli-Palestinian conflict has reached a deadlock. The fundamental unwillingness of governments, led by Benjamin Netanyahu, to go to any concessions to the Palestinians eventually led to the predictable surge in violence between the conflicting parties in the autumn of 2015, which many political observers and analysts attributed to the beginning of the third intifada.

In the depths of the Arabian monarchies there are complex social and economic processes. In the period of generational change in some GCC countries the problem of succession is quite acute. In the south of the Arabian Peninsula an assessment of the current difficult situation in Yemen suggests that the least painful exit for this country is federalization. In the final part of the article the system lag of the region in economic development is considered as a further challenge to the states of the Middle East.

Key words: Middle East, Middle East settlement, radical Islam, “the Arab Spring”, Syria, Iraq, Libya, Egypt, Arabian monarchies, Yemen, Israel, the territories controlled by the Palestinian National Authority, the economy of the Middle East.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Железнов А.А. Король Сальман бин Абдель Азиз и новый баланс сил в саудовском руководстве. [Электронная версия]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=23358>
2. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: перемены на вершине политического руководства. [Электронная версия]. URL to article: <http://www.iimes.ru/?p=24362>
3. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг. – М., 2013.
4. Крылов А.В. Израильские поселения в обмен на резолюцию по Ирану // Веб ресурс Интернет-портала МГИМО МИД России. – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document119593.phtml>
5. Крылов А.В. Предстоящие выборы в Израиле и перспективы ближневосточного урегулирования // Веб ресурс Интернет-портала МГИМО МИД России – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document229148.phtml/>
6. Крылов А.В. Противодействие стран ЕС поселенческой политике Израиля: мифы и реальность // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2014. № 6. С. 161–173.
7. Крылов А.В., Сорокина Н.М. Анализ основных документов палестино-израильского переговорного процесса после подписания Норвежских соглашений (1996–2001 гг.) // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 1 (25). – М.: МГИМО-Университет, 2011.
8. Крылов А.В., Федорченко А.В. Многовариантный прогноз развития ситуации в регионе БВСА // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 1 (40). – М.: МГИМО-Университет, 2014.
9. Федорченко А.В., Крылов А.В. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 3 (33). – М.: МГИМО-Университет, 2012.
10. Dauthat R. Grading Obama’s Foreign Policy // The New York Times, May 17, 2014.
11. Fisher M. Political science says Syria’s civil war will probably last at least another decade // The Washington Post. 23.10.2013. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2013/10/23/political-science-says-syrias-civil-war-will-probably-last-at-least-another-decade/>
12. Fuglestad D., Heyn H.M. The History in the Context of the 2013 John Kerry Peace Efforts. Konrad-Adenauer-stiftung. August 16, 2013.
13. Guidelines on the eligibility of Israeli entities and their activities in the territories occupied by Israel since June 1967 for grants, prizes and financial instruments funded by the EU from 2014 onward // Official Journal of the European Communities. July 19, 2013. No C 205/05.

14. *Kettani H.* Muslim Population in Europe: 1950–2020 // International Journal of Environmental Science and Development (IJESD). 2010. Vol. 1. № 2.
15. Land Swaps — a Guide. Report on Israeli Settlement // Foundation for Middle East Peace: Washigton. Vol. 23. No. 4, July–August 2013.
16. *Lind S.W.* Turning Libya into Somalia // The American Conservative, May 18, 2011.
17. *McCarthy A.* Spring Fever: The Illusion of Islamic Democracy. — N.Y., 2012.
18. *Rubin B.* The Secret Document That Set Obama’s Middle East Policy // Электронный ресурс Центра изучения международных проблем Глория — URL: <http://www.gloria-center.org/2013/03/the-secret-document-that-set-obamas-middle-east-policy/>
19. The Humanitarian Impact of the Barrier: Four Years After. The Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Barrier. East Jerusalem: The UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). July 2008. URL: http://www.ochaopt.org/documents/barrier_report_july_2008.pdf

Ю.С. КУДРЯШОВА

О ПРОЯВЛЕНИИ НЕООСМАНСКИХ АМБИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

*Кудряшова Юлия Сергеевна, к.и.н., старший научный сотрудник
Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: kudryashova_jul@mail.ru*

Аннотация

Турция, увлекшись ролью образцовой модели для суннитских государств, задалась целью стать лидером всего исламского мира, восстановить сферу влияния Османской империи. Анкара заметно изменила приоритеты своей внешней политики, сместив акценты в сторону Ближнего Востока, и взяла курс на постепенное дистанцирование от Запада с учетом собственных взглядов на мировую и региональную ситуацию. Задача Турции заключалась в том, чтобы не выходить за рамки западного альянса, но при этом максимально продвигать свои национальные интересы. Политическое руководство Турции стало планомерно использовать любую возможность для продвижения неоосманских устремлений, а также модели турецкой демократии на Ближний Восток и в Северную Африку. Данный процесс подкреплялся динамичным развитием экономики Турции. Однако очевидно, что на данный момент цели неоосманистской политики Турции недостижимы из-за их чрезмерной амбициозности и отсутствия ресурсов для их осуществления.

Ключевые слова: *Турция, Ближний Восток, курды, Сирия, арабская весна, Исламское государство.*

Исламистская «Партия справедливости и развития» (ПСР), пришедшая к власти в 2002 г. и по сей день определяющая политическую повестку Турции, изначально стремилась использовать религиозную идеологию в качестве инструмента продвижения турецких национальных интересов не только на Ближнем Востоке, но и в остальных регионах, населенных преимущественно мусульманами. В разделе программы ПСР, посвященном внешней политике, подчеркивается, что она должна соответствовать историческому наследию и географическому положению Турции¹. После внимательного прочтения документа становится очевидным, что он представляет собой проект реставрации цивилизационной идентичности. Программа определяет турецкую нацию в качестве «наследницы и

¹ Ak Parti Programı: Dış Politika. URL: http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi#bolum_

носителницы великой цивилизации, в средоточии которой находится единство и братство в условиях разнообразия», и обещает, что все правительственные институты и структуры будут защищать это цивилизационное наследие. Документ также очерчивает основные рамки возрождения страны: «Мы будем делать все возможное, чтобы укреплять приверженность наших граждан нашим исконным цивилизационным ценностям».

Согласно этому документу, Турция находится «на пороге нового культурного пробуждения», которое «станет универсальным цивилизационным призывом ко всему человечеству и установит господство ассимилирующей культуры». Но обозначенная внешнеполитическая линия вовсе не пропагандирует экспансионизм: речь идет об общественно-политическом проекте, который должен быть реализован в форме интеграции.

Так во внешнеполитической стратегии Турции на Ближнем Востоке, Балканах и постсоветском пространстве стала претворяться в жизнь концепция турецкого глобализма. Основная ее идея заключается в усилении глобального характера турецкой внешней политики, равноценными направлениями которой будут и западное, и восточное с опорой на бывший османский мир, то есть на страны и народы, ранее входившие в состав или сферу влияния Османской империи, правопреемницей которой выступает современная Турция [2, с. 110]. В этих стратегически важных государствах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Черноморского бассейна, Кавказа, Балкан Турция должна играть более активную геополитическую роль и оказывать влияние на региональные процессы. Ряд громких заявлений на самом высоком уровне свидетельствуют о возрождении идей воссоздания Османской империи. В частности, вице-премьер Нуман Куртулмуш подчеркнул, что ее развал связан не с потерей территорий, а с утратой амбиций и культуры².

Автором внешнеполитической концепции неоосманизма считается бывший глава МИД, а в настоящее время – турецкий премьер профессор Ахмет Давутоглу. Партия справедливости и развития, пришедшая к власти в период начала реализации Вашингтоном проекта «Большой Ближний Восток», первоначально стремилась совместить свою внешнеполитическую линию с американской, следуя тезису «представлять силу в регионе, опираясь на глобального гегемона», выраженному в книге Давутоглу «Стратегическая глубина» [3]. Поэтому премьер-министр Эрдоган первоначально объявил себя «сопредседателем» проекта «Большой Ближний Восток».

Впоследствии Партия справедливости и развития, увлекшись ролью образцовой модели для суннитских государств, задалась целью стать лидером всего исламского мира, восстановить сферу влияния Османской империи. Воплотить эту идею означало бы перехватить внешнеполитическую повестку у региональных тяжеловесов – шиитского Ирана и ваххабитской Саудовской Аравии.

Турецкий министр иностранных дел Давутоглу подчеркивал, что традиционная внешняя политика, делавшая ключевую ставку на США, ЕС и НАТО при второстепенном значении региональных альтернатив, неоднократно приводила к тому, что страна оказывалась в изоляции на мировой арене. Он последовательно доказывал, что конец «холодной войны» дал Турции историческую возможность стать мировой державой, если она будет руководствоваться экспансионистской внешней политикой, основанной на исламистской идеологии. Согласно Давутоглу, Турция должна добиться доминирования на Ближнем Востоке, Балканах и Кавказе и таким образом расширить сферу своего влияния.

В результате Анкара, начиная с 2009 г., заметно изменила приоритеты своей внешней политики, сместив акценты в сторону Ближнего Востока, и взяла курс на постепенное дистанцирование от Запада с учетом собственных взглядов на мировую и региональную ситуацию. Задача Турции заключалась в том, чтобы не выходить за рамки западного альянса, но при этом максимально продвигать свои национальные интересы. Все смелее начало озвучиваться мнение, что глобализация и переговорный процесс с ЕС вымывают идею мусульманской цивилизации. Геополитической стратегией Партии справедливости и развития стала защита правоверных на стыке исламского и западного миров. При этом Турция использовала традиционную риторику о своей роли связующего звена между Западом и Востоком, позиционируя себя перед арабскими странами как государство, способное на равных договариваться с немусульманскими державами [1, с. 98]. Анкара, чьи

² Trend News Agency, 22.12.2014

демократические стандарты постоянно становятся объектом критики в Европе, сама решила экспортировать демократию.

Еще в недавнем прошлом Турция изображалась в регионе в качестве образца светской, плюралистической, демократической структуры. Политическое руководство Турции стало планомерно использовать любую возможность для продвижения своих неоосманских устремлений, а также модели турецкой демократии на Ближний Восток и в Северную Африку. Данный процесс подкреплялся динамичным развитием национальной экономики.

В своей региональной политике турецкий МИД руководствовался «треугольниками профессора Давутоглу»: внешний – в лице Турции, Ирана и Египта; внутренний – Турция, Ирак, Сирия, Саудовская Аравия, «пассивный» – Турция, Ливан, Иордания и Палестина. НАТО начала терять стратегическую значимость для турецкой внешней политики, фактически приостановились мероприятия, направленные на развитие приоритетного направления – интеграции в ЕС. Между тем очевидно, что турецкие власти, даже максимально приблизившись к реализации идеи превращения в лидера мусульманского мира, не пойдут по ложному пути дальнейшего отдаления от Запада. На долю ЕС приходится 40 % турецкой внешней торговли, 70 % прямых иностранных инвестиций в Турцию, более 50 % доходов ее туристической отрасли³. Североатлантический альянс сегодня владеет 70 % мировых вооружений. Исламские государства не в состоянии создать подобный военный блок. Несмотря на то что почти 90 % мировых энергоресурсов экспортируется из мусульманских стран, на долю 57 исламских государств приходится всего 7 % мирового производства. Население 22 из 48 беднейших стран земного шара исповедует ислам⁴.

Ситуация в мусульманских государствах осложняется еще и тем, что сегодня многие из них оказались в ловушке невежества и фанатизма. Большинство стран исламского мира занимают самые низкие позиции в рейтингах развития науки, технологий, инноваций, литературы, искусства, архитектуры. Политической моделью для мусульманских государств Турция может стать только имея достижения в области науки и технологий, безопасности и стабильности, демократии и прав человека. Но в этом случае Турция также приобретет одно из приоритетных значений для НАТО и ЕС.

Тем не менее неоосманистский уклон турецкой внешней политики обусловлен рядом вполне реальных факторов. Турция является частью Ближнего Востока и единственным членом НАТО в этом регионе. Исторически значительная часть Ближнего и Среднего Востока входила в состав Османской империи. Серия международных договоров в рамках Версальско-Вашингтонской системы определила во многом искусственные границы новых государств в интересах держав-победительниц, игнорируя исторические, этнические и культурно-языковые факторы. Послевоенный раздел коснулся и земель Османской империи. Среди многочисленных пунктов этих договоров можно выделить самые важные: современные Ливан и Сирия становились подмандатными территориями Франции; Палестина, Иордания и Месопотамия (Ирак) переходили под мандат Великобритании; остаток османских владений в Европе, кроме примыкающих к Стамбулу вилайетов, передавались Греции; Турция потеряла Аравийский полуостров, Ливию, острова в Средиземном море.

Региональная трансформация Ближнего Востока в рамках Версальско-Вашингтонской системы стала причиной многих современных конфликтов. К ним относятся, в частности: палестинская проблема, кипрский конфликт, гражданская война в Ливане и Сирии, распад государства Ирак, курдское движение, появление Исламского государства как попытка восстановить единство Леванта на религиозной основе, Боснийская война и другие горячие точки на Балканах. И даже агрессию Саудовской Аравии против Йемена можно связать с разделом османского наследства: оба государства возникли на основе бывших вилайетов Йемен и Хиджаз. Сюда также относятся бесчисленные конфликты, затрагивающие алавитов, ассирийцев, друзов, ближневосточных христиан и другие этно-религиозные группы, входившие в многонациональную Османскую империю. Кроме того, Турция вынуждена учитывать региональную геополитическую и военно-стратегическую активность США и ведущих стран ЕС, особенно в Ираке и Сирии, что основательно подрывает былое значение Анкары для Запада на Ближнем Востоке.

³ Project Syndicate, 14.03.2015

⁴ Zaman, 09.05.2014

В первые годы реализация концепции неоосманства дала видимые положительные результаты. Турция предприняла значительные шаги по развитию контактов с арабскими странами, были отменены визовые режимы с Сирией, Иорданией, Ливаном, Ливией, Тунисом, Марокко. С целью усиления регионального влияния Турция стала активнее вмешиваться в решение палестинской проблемы и в ближневосточное урегулирование. Анкара даже пошла на обострение отношений с Тель-Авивом, чтобы сломать существующий в арабских странах стереотип Турции как союзницы Израиля. Но в полной мере неоосманство в турецкой внешней политике проявился на фоне арабской весны.

Турция стала одним из первых государств, признавших постреволюционные режимы в Тунисе, Ливии и Египте. Анкара попыталась выступить политической моделью сочетания светского общества и мягкого ислама для арабских стран, где произошли революционные потрясения. Участвуя в политических митингах, Эрдоган призывал население этих государств к возрождению религиозно-общинного сознания, которое стремился вытравить Запад в постколониальный период. Идея исламского союза, который не зависит ни от шиизма или суннизма, ни от этнической принадлежности, находила повсеместный отклик. С похожими лозунгами пришли к власти: Мурси в Египте, самой влиятельной стране арабского пробуждения, Ганнуши в Тунисе, *Партия справедливости и развития* в Марокко, Хания в Газе. Характерным явлением стали турецкие флаги на улицах этих государств, настенные постеры с портретами Эрдогана, турецкие морские суда в портах, турецкие подрядчики в строительном бизнесе.

С особым энтузиазмом Турция восприняла устранение от власти в Египте Мубарака, которого турецкое руководство считало основным соперником за лидерство в регионе. В ходе событий в Ливии Анкара присоединилась к коалиции НАТО, но здесь Турции была отведена второстепенная роль.

Анкара взяла на себя миссию главной опоры вооруженной оппозиции Сирии, ведущей борьбу против режима Башара Асада. Однако в настоящее время процесс урегулирования сирийских проблем проходит при минимальном участии турецких властей, которые традиционно выступали в качестве посредников на региональных переговорах. Вытеснение Турции за рамки переговорных процессов ощутимо ударило по ее репутации ключевого представителя Запада в мусульманском мире. Наряду с этим, курдская проблема стала одним из факторов ограничения региональной активности Турции.

Между тем арабскую весну удастся остановить, и одна за другой происходят контрреволюции: в Египте переворот, в Тунисе попытка переворота, в Ливии хаос и террор, в Ираке война мазхабов, Йемен становится заложником терроризма, Алжир вступает в междуцарствие, сектор Газа оказывается в блокаде. На фоне политических и социальных беспорядков к власти в лучшем случае снова приходят диктаторы. Президента-исламиста Мухаммеда Мурси свергли военные в Египте, президент Башар Асад удержался у власти в Сирии, а против Исламского государства образовалась международная коалиция, к которой Турция как член НАТО была вынуждена присоединиться и даже согласиться на участие в антитеррористической операции курдских ополченцев. Более того, Каир стал позиционировать себя в регионе в качестве геополитического противовеса Анкары и начал выдавливать Турцию из процесса ближневосточного урегулирования. Египет даже пошел на создание антитурецкой коалиции с Грецией и Кипром из-за спора по поводу нефтяных и газовых запасов в Восточном Средиземноморье. В свою очередь Ирак не приемлет вмешательство Турции во внутрисирийский конфликт. Расхождение позиций Анкары и Багдада по ситуации в Сирии значительно осложнили турецко-иракские отношения.

В совокупности данные события демонстрируют провал внешнеполитического курса Эрдогана, который делал ставку на исламистские движения на Ближнем Востоке. Трагические последствия арабской весны, политический провал «Братьев-мусульман», стойкость режима Башара Асада, несмотря на поддержку суннитскими государствами противостоящих ему джихадистских террористов, — все эти факторы лишили проект реставрации Османской империи будущего.

Турция не сумела вовремя понять, что арабо-иранский конфликт — это борьба за региональное лидерство, а суннизм и шиизм — лишь инструмент и предлог во внешней политике Саудовской Аравии и Ирана. Провал идеи неоосманства кроется в том,

что региональная активность Турции подпитывалась за счет этнической, мазхабной и религиозной напряженности. За рубежом под влиянием иррациональности и непредсказуемости действий Турции начал формироваться негативный имидж страны. Более того, как следствие неоосманистских амбиций и экспансионистской политики турецкого правительства в регионе возникло представление о Турции как об авторитарном и жестком режиме, модели «одного человека», где ущемляются демократические свободы.

Отказавшись от нейтральной позиции, которой турецкие власти придерживались последние десятилетия, и поддержав радикальные исламистские движения, Турция восстановила против себя большинство стран региона. На Ближнем Востоке не осталось практически ни одного дружественного Турции государства. Ключевые региональные игроки Дамаск, Тель-Авив, Каир, Багдад становятся политическими противниками Анкары. От Эрдогана и его деятельности на Ближнем Востоке начала отворачиваться даже *Сирийская свободная армия*.

При этом саудовская и катарская монархии заинтересованы в участии Турции в сирийском конфликте только в качестве посредника передачи политической власти от шиитского меньшинства к суннитскому большинству. Продолжая принятый ею тупиковый курс на сирийском направлении, Турция рискует оказаться лишь исполнителем внешнеполитической линии соперничающих с Ираном суннитских монархий, окончательно расставшись со статусом исключительного представителя НАТО на Ближнем Востоке. Становится очевидной региональная изоляция Турции. Провалы внешней политики не замедлили сказаться на экономике: зарубежные инвесторы начали выводить инвестиции, замедлился экономический рост. Таким образом, Турция, соблазнившись геополитическими перспективами, не учла такие последствия арабской весны, как пробуждение курдского движения за независимость и возникновение Исламского государства, оставшись один на один с образовавшимися горячими точками у своих границ: в Ираке и Сирии. Террористические организации стремятся использовать турецкую территорию как материально-техническую базу оказания логистической поддержки. Региональная политика Партии справедливости и развития угрожает обернуться импортом войны уже в саму Турцию, и в сложившихся обстоятельствах у Анкары не остается ресурсов для активного проведения неоосманистского курса; страна, скорее, будет вынуждена занять оборонительную позицию.

До начала восстания в Сирии Реджеп Эрдоган проводил доброжелательную политику по отношению к Башару Асаду, стремясь представить Дамаску свое правительство как образец умеренной и демократической исламистской модели. Пытаясь применять «мягкую силу», турецкий президент Абдулла Гюль пробовал повлиять на Асада в начале протестов, чтобы тот запустил демократический переходный процесс. Не увидев никаких проявлений доброй воли со стороны сирийского президента, Эрдоган и Давутоглу поменяли политику по отношению к режиму, и выбор был сделан в пользу поддержки оппозиции. В октябре 2011 г. в Стамбуле прошло учредительное собрание *Сирийского национального совета*. Созданная при поддержке Анкары *Свободная сирийская армия* начала устанавливать контроль над приграничными с Турцией территориями, и силы, поддерживающие режим Асада, были вынуждены покинуть эти места. Турецкая армия подвела танки к границе, а артиллерийская поддержка боевиков со стороны турецкой армии вызвала острое недовольство турецкого общества, причем наиболее сильно оно проявилось среди жителей приграничных с Сирией провинций. По опросам, 72 % турецкого населения выступали тогда против вмешательства в сирийские внутренние дела⁵.

Турция поставила целью во что бы то ни стало свергнуть режим Асада и поставить вместо него союзное исламистское правительство. Политика Анкары была нацелена не на сохранение национального единства Сирии, а на усиление оппозиции, которая уже тогда начала дробиться на части. Турция сделала ставку на «оппозицию», игнорируя подъем радикальных настроений, разногласия между политическим и военным крылом боевиков, трения между Свободной сирийской армией и еще более радикальными группами, включая «Фронт ан-Нусра». Встав на сторону поддержанного Саудовской Аравией и Катаром суннитского большинства и развязав конфликт между умеренными, исламистскими и различными джихадистскими группировками внутри Сирии, Турция вступила в конфронтацию с

⁵ Milliyet. 24.03.2014.

сирийским правительством, шиитским Ираном, его союзником Ираком и ливанской Хезболлой. Более того, в Сирии возникла группировка «Исламское государство Ирака и Леванта», которая атаковала поддерживаемые Турцией силы сирийской «оппозиции». Анкара, наконец, начала осознавать отсутствие связи между «умеренными» исламистами из *Сирийского национального совета* и теми, кто сражается за создание исламского халифата.

С того момента как группировки «Исламское государство» (ИГ) и «Фронт ан-Нусра» закрепились в Сирии, продолжающаяся война между иракскими суннитами и шиитами вышла за пределы Ирака, постепенно охватывая территории Ливана, Иордании и Турции. Усилившиеся в ходе суннитско-шиитской войны благодаря поддержке Запада, нефтяных монархий и Турции джихадистские организации создали единое поле боя в Ираке и Сирии и угрожают дальнейшим расширением своих «владений».

Таким образом, Турция, с одной стороны, способствовала разжиганию региональной войны на Ближнем Востоке, в первую очередь непосредственно вмешавшись в сирийские события; с другой стороны, активизировав своей политикой деятельность «Курдской рабочей партии» и «Исламского государства», турецкое правительство импортирует вспыхнувшую войну на свою территорию. Турцию наводнили почти два миллиона сирийских беженцев, в стране с пугающей регулярностью происходят теракты, уносящие все больше жертв. Сохранение притока беженцев на сложившемся уровне несет риск дестабилизации приграничных с Сирией регионов. Беженцы приносят с собой межобщинную и политическую напряженность.

Логика сложившихся обстоятельств подсказывает, что «Исламское государство» является объективным союзником Турции в регионе, так как Анкара стремится использовать джихадистов в борьбе и против Дамаска, и против курдов. Хотя на официальном уровне турецкие представители всячески опровергают этот факт, но существует множество свидетельств, прежде всего результатов журналистских расследований, что Турция оказывает ИГ военную, финансовую и логистическую поддержку, являясь основным каналом переброски туда зарубежных джихадистов и оружия. Через Турцию ИГ поставляет нефть на черный рынок. Президент Сирии Асад открыто обвиняет турецкие власти в безостановочном снабжении террористов – боевиков ИГ⁶. Действительно, поражение Исламского государства консолидирует курдское движение в треугольнике Ирак – Сирия – Турция. С другой стороны, если ИГ разгромит курдов, террористы усилят свои позиции не только в рамках сегодняшних границ, но и на юго-востоке Турецкой Республики.

До сирийских событий иракские курды под руководством Масуда Барзани проводили очень лояльную политику по отношению к Анкаре. В то время как США были вынуждены остановить разведку богатых газовых месторождений в Ираке из-за нестабильности, их союзник Турция стала закупать газ в иракском Курдистане, не согласовав свои действия ни с Багдадом, ни с Вашингтоном. При этом Анкара пыталась взаимодействовать с центральным иракским правительством в области защиты конституционных прав курдов. На фоне постепенного распада Ирака Курдская автономия все сильнее привязывалась к Турции, особенно в сфере энергетики. Добываемый в этом регионе газ может экспортироваться только через турецкую территорию. Так, еще в 2012 г. начались переговоры о транзите курдской нефти через Турцию, и уже в мае 2014 г. из турецкого порта Джейхан вышел первый танкер с нефтью из северного Ирака. При этом путь транспортировки в Европу газа, подконтрольного центральному иракскому правительству, также лежит через Турцию. Ранее Ирак был вторым по величине экспортным рынком Анкары. Однако в 2014 г. объем турецкого экспорта в эту страну существенно снизился. Таким образом, Анкара способствовала обособлению курдской автономии, усиливая тем самым нестабильность в Ираке и напряженность в отношениях с Ираном.

Между тем, несмотря на серьезные противоречия между иракской Демократической партией Курдистана и турецкой «Курдской рабочей партией» (КРП), а также *Демократическим союзом сирийских курдов*, угроза со стороны «Исламского государства» сплотила все курдские движения. Образование второй после Ирака автономии курдов в Сирии создает для Турции чрезвычайно опасный прецедент. Если Анкара будет активнее поддерживать выступающие против курдской автономии силы сирийской оппозиции, КРП может снова

⁶ Syria's President Speaks. Foreign Affairs, March/April 2015.

развернуть боевые действия на турецкой территории. Тем не менее, по словам турецкого министра иностранных дел М. Чавушоглу, Турция поддерживает, вооружает и обучает отряды Пешмерга (курдских ополченцев), которые ведут борьбу с ИГ. Турецкий МИД также подчеркивает, что в сотрудничестве с Вашингтоном Анкара работает над обучением солдат *Свободной сирийской армии* для ведения военных действий с ИГ⁷.

С другой стороны, участие Турции в коалиции против Исламского государства ставит ее под угрозу ответной атаки террористов и перехода на ее территорию движения глобального джихада, что будет дестабилизировать обстановку во всем регионе. В случае успешных действий коалиции против ИГ у джихадистов, которых будут выдавливать с востока через Ирак и с юга через Сирию, останется единственный выход: устремиться на север в Турцию, где боевики возобновят террористическую деятельность, а юго-восточные вилайеты страны могут превратиться в территорию сражений ИГ с курдами. При этом необходимо учитывать, что «Исламское государство» — это не стандартная террористическая организация, ее целью является повсеместное уничтожение исторических и культурных традиций. Ход событий демонстрирует, что в складывающейся ситуации Анкаре необходимо налаживать отношения с Дамаском. Совершенно очевидно, что на данный момент цели неоосманистской политики Турции недостижимы из-за их чрезмерной амбициозности и отсутствия ресурсов для их осуществления.

Что касается российско-турецких отношений, то наравне с совпадающими и относительно близкими позициями в политике Москвы и Анкары в регионе наблюдаются и расхождения. Существует реальная опасность того, что «Исламское государство» станет новым предметом разногласий между Россией и Турцией. Доминирующей темой в современных отношениях России и Турции по проблемам Ближнего Востока является Сирия. Между Москвой и Анкарой наблюдается политическое охлаждение по вопросу дальнейшей судьбы режима Асада.

Большое значение для России имеет наличие военных кораблей в прибрежном сирийском городе Тартусе — на единственной в Средиземноморье российской военно-морской базе. После падения режима Каддафи в Ливии этот порт в Сирии играет важнейшую роль в военно-транспортном арсенале России. Без базы в Тартусе российским кораблям и подводным лодкам будет негде заправляться при нахождении в Восточном Средиземноморье. В мае 2013 г. ВМФ России создал здесь постоянное оперативное соединение. Это — составная часть стратегии по укреплению вооруженных сил и проецированию российской военной мощи в мире. В долгосрочном плане порт способствует обеспечению безопасности России и защите ее национальных интересов. Военно-морские базы в Севастополе и Тартусе обеспечивают присутствие российского флота в Черном и Средиземном морях к северу и к югу от Турции.

У России в Сирии есть и серьезные экономические интересы. Общая сумма сирийских контрактов с российской оборонной отраслью превышает 4 млрд долл.⁸ Российская государственная компания «Союзнефтегаз» еще в декабре 2013 г. подписала с Асадом контракт на разведочные работы в сирийских водах восточного Средиземноморья, где были обнаружены месторождения природного газа.

Действия России по оказанию помощи правительству Асада вызывают сопротивление со стороны суннитских фундаменталистов. Очевидно, что при гипотетическом падении действующего режима к власти в Сирии придут исламисты крайнего толка, которые несут угрозу стабильности южных регионов России. Более того, против правительства Асада в рядах связанных с «Аль-Каидой» джихадистских группировок воюют чеченские боевики, перспектива возвращения которых в Россию несет дополнительную угрозу. Продолжительная дестабилизация ближневосточного региона угрожает Москве тем, что присоединяющиеся к ИГ «джихадисты» с российским гражданством могут, вернувшись назад, начать распространять по стране свою идеологию и совершать теракты.

Очевидно, что в проведении ближневосточной политики Россия и Турция находятся на различных позициях. Если Анкара благосклонна к «арабской весне» и интервенционистскому подходу, то Россия относится к ближневосточным переменам весьма скептически и

⁷ No: 212, 24 Temmuz 2015, ABD ile DEAŞ'la Mücadele Konusunda Varılan Mutabakat Hk. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_212_24-temmuz-2015_abd-ile-deas_la-mucadele-konusunda-varilan-mutabakat-hk_tr.mfa

⁸ Tablet, 17.03.2014.

предпочитает от них дистанцироваться. В то время как Турция остается одним из основных сторонников сирийской «опозиции», Россия – важнейшая сила, обеспечивающая поддержку правительству Асада. Иран, наиболее серьезный конкурент Турции на Ближнем Востоке, – ключевой союзник России в регионе. При этом по сравнению с Россией возможности внешнеполитических маневров Турции на Ближнем Востоке существенно более ограничены.

Тем не менее, если Турция потерпит фиаско в проведении своей неоосманистской политики на Ближнем Востоке, она может переключиться на концепцию пантюркизма, тогда ее внимание будет в большей степени обращено на регионы Черного моря, Кавказа, Центральной Азии и даже российские территории, населенные этническими тюрками. Подобный разворот в турецкой внешней политике может привести к настоящей конфронтации между Москвой и Анкарой.

Вместе с тем Россия и Турция продолжают диалог на высшем уровне и прилагают усилия к тому, чтобы несоответствия политических взглядов не помешали развитию двусторонних отношений. Несмотря на возникновение ряда проблем, Турция продолжает поддерживать конструктивный и осторожный диалог с Россией. В свою очередь Москва заинтересована в выстраивании стратегического партнерства с Анкарой и должна способствовать недопущению дестабилизации Турции в связи с событиями на ее южных границах даже при наличии разногласий по сирийскому урегулированию.

MANIFESTATIONS OF NEOOSMANIST AMBITIONS IN CONTEMPORARY REGIONAL POLICY OF TURKEY

*Yulia Kudryashova, PhD (History), Senior Researcher at the Center
of Euro-Atlantic Security, IIS, MGIMO-University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow, Russia. E-mail: kudryashova_jul@mail.ru*

Summary

Turkey carried away by the role of the model for Sunni states aimed at becoming the leader of Islamic world and reestablishing the Ottoman Empire's sphere of influence. Ankara distinctly changed priorities of its foreign policy in favor of the Middle East and pursued a course of gradual dissociation from the West subject to its own views at world and regional situation. Ankara's task was not to exceed the limits of Western alliance, but for all that to advance at most its national interests. Turkey's political leaders systematically used any opportunity to promote neoosmanist aspirations and the model of Turkish democracy in the Middle East and Northern Africa. The dynamic development of Turkish economy supported this process. However at this time the goals of Turkish neoosmanist policy are unachievable because of their excessive ambition and lack of resources for their realization.

Keywords: *Turkey, Middle East, Kurds, Syria, Arab spring, Islamic State.*

ЛИТЕРАТУРА /REFERENCES

1. *Михеева Н.М.* Перспективы Турции как регионального лидера в условиях трансформации Большого Ближнего Востока // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. «Книги и брошюры ИМИ». Том 27. – М.: МГИМО-Университет, 2014.
2. *Мкртычян А.А.* Особенности внешнеполитической стратегии и ближневосточная политика Турции в условиях геополитических трансформаций // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. «Книги и брошюры ИМИ». Том 27. – М.: МГИМО-Университет, 2014.
3. *Davutoğlu A.* Strategik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. – Küre Yayınları, 2009.



В.В. ПОПОВ

ВЫЖИВЕТ ЛИ ХРИСТИАНСТВО
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

*Попов Вениамин Викторович, директор Центра партнерства цивилизаций
Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: ven_popov@mail.ru*

Аннотация

В работе кратко характеризуется история взаимоотношений христианства и ислама на Ближнем Востоке – родине обеих этих великих религий. На протяжении многих столетий эти отношения характеризовались атмосферой терпимости, умеренности и диалога. Христиане в мусульманском мире, несмотря на периодически возникавшие сложности, исторически всегда были значимой социальной и культурной группой.

Положение христиан и особенно православных серьезно осложнилось во второй половине XIX века. Жертвами младотурецкого геноцида во время Первой мировой войны были в основном христиане – армяне, греки и ассирийцы. На протяжении всего XX века происходил исход христиан с Ближнего Востока, в последнее время приобретающий все более впечатляющую динамику.

В работе приводятся многочисленные примеры ослабления позиции христианских общин на Ближнем Востоке, предлагается анализ причин этого процесса и ставится вопрос о возможности замедления этого процесса.

Ключевые слова: *христианство на Ближнем Востоке, взаимодействие христианства и ислама, дехристианизация ближневосточного региона и способствующие ей факторы.*

Христианство – наиболее распространенная и одна из самых развитых религиозных систем мира – является, прежде всего, религией Запада. Однако своими корнями христианство уходит в культуру древнего Востока, именно оттуда оно черпало свой богатый мифопоэтический, концептуальный, догматический, ритуальный потенциал.

Христианство (как вселенская религиозная система) возникло, когда Средиземноморье и Ближний Восток были объединены в рамках Римской империи. При этом первые христианские общины, появившиеся уже во II веке, возникли именно на юго-восточной

периферии империи, где пласты культурных традиций были особенно мощными. Соответственно, корни арабской христианской традиции уходят в ранний период христианства.

Накануне возникновения ислама территорию Леванта и Иордании населяли исповедовавшие христианство племена и кланы (помимо тех, кто остался от некогда могущественного народа набатеев и населения бывших эллинистических городов Декаполиса), которые состояли в кровном родстве с жителями Аравии. Ко многим лидерам племен в Иордании и Сирии пророк Мухаммед направлял своих посланцев, которые, упирая, помимо прочего, на родственный фактор, уговаривали местных христиан принять «истинную веру» или, по крайней мере, не воевать с «подчинившимися Аллаху». Тактика себя оправдала: в Иордании и Палестине (обе территории формировали единую Иерусалимскую епархию) христиане не оказали жесткого сопротивления натиску мусульман, а предпочли сдаться на выгодных для себя условиях.

Так, в 630 г. епископ византийской Айлы (ныне – Акаба) Юханна Ибн Руба заключил договор с Мухаммедом о добровольном подчинении исламской армии и спас этим город от возможного кровопролития и разрушения. Задача Юханна (арабизированное имя Иоанн), разумеется, была в том, чтобы сохранить город и его христианский характер. Поэтому он также взял на себя обязательство выплачивать специальную подать в 300 динаров ежегодно и бесплатно кормить проезжающих через город мусульман.

При халифах из династии Омейядов христиане не испытывали никаких преследований, не было даже бытовой враждебности или притеснений. Благодаря этому христианская община, хотя и численно уменьшилась на порядок, сохранила свою собственность и влияние. Многие исследователи того периода отмечают, что большинство христианских центров к востоку от Иордана продолжало процветать еще в течение минимум ста лет после завоевания Ближнего Востока арабами. Очевидный тому показатель – не прекращавшееся строительство храмов и монастырей, нередко весьма внушительных размеров.

Такие отношения мусульман и христиан не только сохранили мир и спокойствие в этой части Ближнего Востока, заложив основы нормальных конструктивных связей между последователями двух конфессий, но и создали на многие столетия вперед редкую для межрелигиозного взаимодействия атмосферу терпимости, умеренности и диалога.

Вот как об этом пишут в своих исследованиях современные иорданские ученые (из среды мусульман): «Мусульмане могут с гордостью говорить, что благодаря нашей истории мы не глядим на православных этого региона как на некое меньшинство, своего рода секту или потомков прежних завоевателей, они для нас – такие же настоящие хозяева этой земли»¹.

Создавшееся на территориях Иордании, Палестины и Сирии общее жизненное пространство ислама и христианства привело к формированию у местных христиан прочного осознания своей национальной и цивилизационной принадлежности. Немаловажным фактором выступает и чувство общности судьбы, гордость за принадлежность к Святой Земле, Святой не только для христиан, но и для мусульман, которые чутко относятся к предписанию Корана уважать и почитать Иисуса как одного из Божьих пророков.

Христиане в мусульманском мире исторически всегда были значимой социальной и культурной группой. По оценкам многих мусульманских ученых, «вклад православных в историю, культуру и процесс развития арабской нации равнозначен вкладу мусульман..., если бы не они, то может и не сохранился бы арабский язык через все прошедшие столетия в его первоизданной чистоте и оригинальности»².

Роль христиан в арабском мире на протяжении 14-вековой истории не сопоставима с их численностью. Они пользовались уважением мусульманских правителей, были движущей силой в образовании, медицине, экономике, торговле, политических переговорах и, как правило, не испытывали притеснений. Причем участвовали они во всех сферах общественной и экономической жизни по собственной воле и убеждению. Их конфессиональная принадлежность совершенно не противопоставляла их соотечественникам-мусульманам.

¹ *Муашшер М.* Выступление заместителя премьер-министра Иордании д-ра М. Муашшера на открытии Международной православной конференции «Перспективы христианско-исламского диалога в современном мире». – Амман, 1 марта 2005 г.

² Там же.

Христиане открыли мусульманам путь к освоению эллинистического и греческого наследия, внесли существенный вклад в развитие арабской и мусульманской культуры, науки, искусства, медицины. В XIX веке христиане сыграли решающую роль в арабском возрождении, помогая осуществлять постепенный переход от традиционного уклада жизни к современности. В этот период из числа арабских христиан появляется целая плеяда выдающихся ученых-мыслителей, оказавших большое влияние на возрождение арабского гуманизма и заложивших интеллектуальные основы национальной арабской идеи, и арабы-христиане остаются наиболее последовательными ее проводниками.

Сколь бы парадоксальным это не выглядело, положение христиан Восточного Средиземноморья ухудшилось в ходе и после Крестовых походов (1095–1291 гг.); тогда христиан было уничтожено столько же, сколько и мусульман.

После падения Константинополя и по мере того как на развалинах Византии с XV века поднималась Османская империя, христианские церкви на Востоке стали утрачивать свое влияние. Удержаться и оградить свою обособленность сумели коптская (монофизитская) церковь в Египте и в Эфиопии, где на протяжении полутора тысячелетий христианство считалось официальной государственной религией, а также общины в Ливане, где четверть населения и по сей день христиане. Тем не менее ныне на Ближнем Востоке нет страны (за исключением Израиля), где ислам не являлся бы доминирующей конфессией.

Положение христиан и особенно православных серьезно осложнилось во второй половине XIX века. Критическим моментом называют волнения 1872 г. в Иерусалиме и принятие вслед за этим Стамбулом в 1875 г. закона, регламентирующего деятельность Иерусалимской православной церкви. С адептами других церквей вопрос стоял не так остро, ибо они были малочисленными, и за многими из них стояли европейские державы.

Во время Первой мировой войны, завершившейся падением Оттоманской империи, произошли события, связанные с наибольшим насилием против христиан в регионе. Геноцид, осуществленный младотурками, которые действовали под знаменами национализма, а не религии, привел к гибели, по крайней мере, двух миллионов армян, ассирийцев и греков. Практически все они были христианами.

В течение XX столетия численность христиан на Ближнем Востоке значительно сократилась. Если в начале века их доля в населении оценивалась в 15–20 %, то в настоящее время они составляют менее 4 %. В Ливане, где христиане (различных деноминаций) составляли в начале XX столетия 78 % населения, их доля ныне сократилась до 34 %.

Исход христиан с Ближнего Востока усилился уже с начала XX века – прежде всего по экономическим причинам, но также и в силу религиозных притеснений. А в последние десятилетия минувшего века и в веке XXI тенденция ослабления позиций христианства в этом регионе продолжает углубляться. Как считают многие исследователи, это связано с общим кризисом западной цивилизации. Происходящий на Западе процесс дехристианизации – реальность наших дней. Она развивается повсеместно: в Старом и Новом Свете, там, куда христианство было завезено миссионерами и посажено на незнакомую почву, и там, где находятся его корни. Этот процесс наглядно проявляется в закрытии церквей, воскресных школ, других церковных учреждений по причине резкого сокращения числа прихожан. Наиболее практичные европейцы продают или сдают церкви предприимчивым бизнесменам, которые – без душевных мук – превращают их в коммерческие, развлекательные учреждения. Откат христианства проявляется и в открытом вызове западного общества христианским нравственным постулатам – речь идет не только о лицемерии в отношении морали, но и об открытом, вызывающем поспори христианских и общечеловеческих нравственных норм (ср. [1]).

Церковь отступила не в последнюю очередь и по вполне земным, меркантильным соображениям – под напором блокбастеров, порнофильмов и даже, в какой-то мере, под влиянием НТР; прежние человеческие ценности с развитием наук и технологий вытеснялись новыми нормами потребительства, эгоизма, алчности, усиливая у людей, с одной стороны, скептицизм, а с другой – стремление уйти от действительности.

Дехристианизация Европы проявляется, по словам М. Венециани, автора итальянской газеты *Il Giornale*, «не только в исчезновении религиозного чувства, несоблюдении обрядов, непосещении месс, резком снижении числа желающих стать церковными служителями,

но главным образом потому, что люди не ощущают свою принадлежность к христианской цивилизации, что проявляется в культуре, быту, в душевной ориентации и в повседневной жизни. То, что казалось естественным и цивилизованным, устоявшимся на протяжении тысячелетия в обычаях и сердцах, рушится с потрясающей скоростью (вековые убеждения, незыблемые еще двадцать лет назад – мораль, обычаи, язык, – все рушится). Европейский Союз не имеет общего исторического, стратегического, культурного и духовного мировоззрения, преобладает ярко выраженное желание освободиться от всяких связей с христианской цивилизацией»³.

Хотя дехристианизация на Западе протекает без взрывов и катаклизмов как вялотекущий и потому сравнительно безболезненный процесс, ее результат очевиден – молодое поколение практически отпало от церкви, не ощущает в ней потребности.

Но в мире есть регионы, где этот процесс не проходит без горечи, сожаления, упреков и колоссальных жертв. Это, прежде всего, Восточное Средиземноморье, родина Христа, место деяний апостолов, то есть тот регион, где глубоки корни веры, словно их питают невидимые, но не иссякшие источники. Впрочем, и здесь христианские общины тают на глазах, переживая один из самых трагичных и разрушительных периодов в современной истории региона.

Главная причина очевидна – стремление Запада, прежде всего США, полностью подчинить себе этот стратегически важный и уникально богатый регион планеты, превратить его в зону своего безраздельного господства. Для этого используется весь арсенал средств – от традиционных шантажа и военной экспансии, до современной психологической обработки населения (см. также [2]). Результаты реализации этих планов – ужасающи и многоплановы. Одним из прямых последствий этого являются разрушение христианских общин и геноцид христианского населения⁴.

Судьба христиан на Ближнем Востоке – это не только религиозная проблема, это – составная часть вопроса: какие общества будут на карте этого региона в будущем? В Ливане, например, где христиане всегда играли влиятельную роль в государстве, они становятся ныне своеобразным буфером между суннитами и шиитами⁵.

Бедность, военные конфликты, но, главным образом, распространение радикального ислама в сочетании с прямым вытеснением христиан из некоторых районов, теракты против церквей, убийства священников – всё это привело к сокращению численности христиан и усилению их эмиграции на Запад.

Этот процесс ускорился после унижительного поражения арабов в «шестидневной войне» 1967 г. В арабском мире не смогли представить общественному мнению логичного объяснения этого феномена, кроме вывода о том, что «Бог отвернулся от нас из-за того, что мы отошли от ислама, завещанного Пророком, и пытались воплотить в жизнь различного рода импортированные идеологии – национализм, социализм, коммунизм; поэтому только возвращение к истокам и фундаментальным основам религии может вернуть арабам утраченное достоинство и былое величие». Это ускорило распространение исламистских тенденций и расширение деятельности исламских, прежде всего радикальных, фундаменталистских, организаций. Спустя четыре с лишним десятилетия волна революций «арабской весны» погрузила страны региона в хаос, обернулась для них циклом братоубийственных вооруженных столкновений, привела к развалу государственных структур, что создало идеальные условия для развертывания исламскими радикальными террористическими группами своей деятельности на всех направлениях.

При прямой военной и финансовой поддержке Запада и монархий Залива из оппозиционных сирийскому режиму и других действовавших в регионе экстремистских групп образовался ИГИЛ (по-арабски – Даиш; организация запрещена в Российской

³ Цитируется по русскому переводу: URL: <http://www.rodon.org/relig-140508134908> (оригинал). [4]

⁴ В Ираке в 2002–2003 гг. жило 1,5 млн христиан, сейчас менее 500 тыс. По словам Башара Варды, халдейского архиепископа иракского города Эрбиля, «церковь потеряла многих священнослужителей, более 60 церквей было разрушено» (URL: <http://drevo-info.ru/news/10883.html>).

⁵ Практически все последние 70 лет Ливан был ареной столкновений между Израилем и арабами-палестинцами. Но сегодня этот конфликт отходит на второй план вследствие тектонических сдвигов в суннито-шиитских отношениях.

Федерации), провозгласивший халифат и объявивший войну всем неверным. Ближний Восток оказался погруженным в месиво кровавой бойни. Бесчинства «Даиш», расправы его боевиков, в том числе над мирными гражданами, вызывают всеобщий ужас. Их первой жертвой стали христиане и адепты других не исламских верований⁶.

В феврале 2015 г. ливийские радикалы из «Даиш» опубликовали видеозапись с казнью 21 христианина-копта – им отрубили головы. 19 апреля другая террористическая организация обнародовала видеоролик о казни в той же Ливии христиан за невыплату джизьи – налога, который налагается по Корану на представителей других религий. Накануне священного месяца Рамадан по Иерусалиму были разбросаны листовки с подписью «Исламское государство, эмират Иерусалим», с символикой «Даиш» и словами: «Христиане – немедленно убирайтесь, или мы вас вырежем в Аид-аль Фитр! У вас еще есть время, чтобы убраться!».

Уже очевидно, что набиравшая в последние два десятилетия во всех странах Ближнего Востока тенденция к сокращению количества христиан ныне приобретает форму геноцида. Однако Запад, по традиции, «умывает руки», признается в бессилии противостоять ИГИЛ, хотя и соглашается с тем, что главной опасностью, угрожающей миру, являются терроризм и экстремизм. (Можно говорить, что все это *дежа вю*: в 2007 г., когда «Аль-Каида» похищала и убивала священников в Мосуле, Нина Шиа – тогдашний американский комиссар по религиозным свободам – обратилась к госсекретарю Кондализе Райс с призывом принять меры, на что получила ответ: «США не вмешиваются в конфессиональный вопрос».)

Весьма примечательной является большая статья, опубликованная 22 июля 2015 г. газетой «Нью-Йорк Таймс» под названием «Приходит ли конец христианству на Ближнем Востоке?». (Подзаголовок: «ИГИЛ и другие экстремистские движения в регионе поработают, убивают, изгоняют христиан, и им не приходится надеяться на помощь») [3]. Примечательно, что газета при этом делает вывод о всего лишь неопределенности положения христиан («Будущее христианства в регионе, где оно зародилось, ныне весьма туманно»).

Точные данные о нынешней численности христианских общин в странах Ближнего Востока и Северной Африки практически отсутствуют. Поэтому приходится оперировать только приблизительными сведениями, которые указывают на следующее.

Наибольшее число христиан (коптов) проживает в Египте: 8–9 млн человек, что составляет порядка 10 % населения этой страны. В качестве культового ими используется коптский язык, представляющий собой результат эволюции древнеегипетского языка; для его письменной фиксации используется коптское письмо на основе греческого алфавита. В Египте христиане-копты чувствовали себя равными. При Г.А. Насере, равно как и в Ираке при С. Хусейне, христиане находились под защитой государства. Арабско-израильские войны стимулировали их исход. Христиане традиционно были более состоятельными и могли позволить себе выезд, бегство от военных столкновений. Но подлинное крушение началось с ростом политического ислама. По разным данным, Египет за последние пять лет покинули порядка 200 тыс. христиан-коптов.

В Сирии из 20 млн человек населения 1,7 млн – христиане (после начала военных действий президент Х. Асад разрешил христианам уезжать из страны. Почти треть сирийских христиан – около 600 тыс. человек – вынуждены были уехать под угрозой истребления со стороны экстремистских группировок «ан-Нусра» и ИГИЛ).

В Иордании из 5 млн человек населения христиан еще совсем недавно было около 100 тыс., а ныне – около 30 тыс., они имеют 9 депутатов в 110-местном парламенте.

В Ливане христиане – 1,6 млн из 4,5-миллионного населения – чувствуют себя относительно спокойно, сохраняют свои позиции в обществе. По Конституции Ливана президент – христианин, премьер – суннит, председатель парламента – шиит. Христиане, главным образом марониты, хотя они и объединились формально с Католической церковью, сохраняют независимый статус.

В Израиле, включая Восточный Иерусалим, проживает 23 тыс. христиан. В Иерусалиме – святыне для христиан – из-за действий властей Израиля их осталось порядка 5 тыс. Еще десятилетие назад их было в два раза больше, а в середине XX века – несколько десятков тысяч.

Что же касается территории ПНА, то в наиболее тяжелом положении находятся христиане

⁶ ИГИЛ, по утверждениям западной прессы, активно торгует заложниками, прежде всего христианами.

Газы, где из 1,4 млн населения число христиан сократилось до 3 800 (по другим данным – до 1 400). В Наблусе их количество уменьшилось с 4 000 в 1967 г. до 650. На Западном берегу от прежней пятой части населения, приходившейся на христиан, ныне осталось всего 2 %. В Вифлееме – родине Иисуса Христа – в 1947 г. христиане составляли 85 % населения, ныне – только 20 %.

В Ираке (27 млн человек населения) из 1,4 млн христиан различных деноминаций после американской агрессии 2003 г. осталось менее 500 тыс. человек. Они фактически стали мишенью в схватке между мусульманами различных направлений.

В Иране (67 млн человек населения) число христиан сократилось с 1,6 млн до 400 тыс. человек.

За последние сто лет доля христиан в Турции уменьшилась с 20 % до 0,2 %. Ни одно государство региона не является ныне столь однородным в религиозном отношении, как Турция.

В странах Залива христиане – в основном иностранцы. На Бахрейне из 710 тыс. человек – 70 тыс. христиане. В Кувейте из 2,8 млн населения количество христиан не превышает 260 тыс. В Омане из 2,8 млн населения – 88 тыс. христиане. В Катаре – 11 тыс. христиан. В Саудовской Аравии из 25 млн населения христиан не более 38 тыс.

Положение христиан на Ближнем Востоке остается сложным и тревожным. Сегодня становится очевидным, что Запад не может и не хочет защитить христиан региона. С расширением деятельности ИГИЛ и других исламских террористических организаций создается реальная опасность того, что тенденция выдавливания христиан как коренных жителей данного региона станет необратимой.

* * *

Как представляется, Россия могла бы возвысить свой голос в защиту христиан Ближнего Востока. Российская общественность могла бы учредить комитет в их защиту; с учетом специфики региона его можно было бы назвать Комитетом за исламо-христианский диалог. Архиважно при этом обеспечить широкую поддержку действий этого комитета со стороны российских СМИ, разъяснять и подчеркивать традиционную значимую роль России в установлении межнационального и межконфессионального мира на Ближнем Востоке. Более того, российская общественность могла бы подвигнуть и Русскую Православную церковь на проведение консультаций с представителями Римско-католической церкви и других христианских деноминаций по вопросу о положении христиан на Ближнем Востоке.

WILL CHRISTIANITY SURVIVE IN THE MIDDLE EAST?

*Veniamin Popov, Director of Civilizations' Partnership Center
of the Institute of International Studies, MGIMO-University
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow, Russia. E-mail: ven_popov@mail.ru*

Summary

The paper briefly outlines the history of relationships between Christianity and Islam in the Middle East, the birthplace of both great religions. For many centuries these relationships were characterized by the atmosphere of tolerance, moderation, and dialogue. Christians in Islamic world, in spite of sporadically emerging tensions and conflicts, historically were always a significant and respectable social and cultural group.

The conditions of Christians, and especially Orthodox Christians, seriously aggravated in the second half of the 19th century. Armenians, Greeks, Assyrians who were the victims of Young Turkish genocide of the First World War were mostly Christians. The 20th century saw the exodus of Christians from the Middle East the dynamics of which in the last decades is becoming more and more impressive.

The paper adduces numerous examples of worsening positions of Christian Communities in the Middle East, together with an analysis of reasons behind this state of affairs. The question of chances to slow down the negative developments is also considered at some length.

Key words: *Christianity in the Middle East, historical relations between Christianity and Islam,*

de-Christianization of Middle East Region and its causes.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Орлов А.А. Мысли о кризисе // Вестник. – М.: МГИМО-Университет, 2012. № 4 (25). – С. 131–136.
2. Орлов А.А. Мораль в международной политике // Международная жизнь. – М., 2015. № 4. – С. 52–61.
3. Griswold E. Is This the End of Christianity in the Middle East? ISIS and other extremist movements across the region are enslaving, killing and uprooting Christians, with no aid in sight // New York Times, July 22, 2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/07/26/magazine/is-this-the-end-of-christianity-in-the-middle-east.html?_r=0
4. Veneziani M. E il cristianesimo lasciò l'Europa // Il Giornale, 05/05/2014. URL: <http://www.ilgiornale.it/news/cultura/e-cristianesimo-lasci-leuropa-se-roma-non-pi-centro-1016233.html>

К НОВОМУ КАЧЕСТВУ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

**Материалы конференции
МГИМО МИД РОССИИ,
26 мая 2015 года**

ПРЕДИСЛОВИЕ

**СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ПО ВОПРОСАМ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ, ПОСЛА ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ,
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК А.В. КРУТСКИХ**

FOREWORD

**BY SPECIAL REPRESENTATIVE OF THE PRESIDENT OF RUSSIA
FOR INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY,
AMBASSADOR-AT-LARGE, PHD IN HISTORY ANDREY KRUTSKIIN**

Современные международные отношения вступают в период перехода от промышленной революции к эпохальной инновации XXI века — глобальной информационной революции. Именно сейчас инновационный процесс принял глобальный масштаб, сформировалась транснациональная инновационная структура, развивается глобальное информационное общество, академическая революция охватывает все новые страны и регионы, экономика в экологическом отношении «зеленеет», полным ходом идут трансформации в энергетике, транспорте и связи.

Одновременно широкое распространение получила идеология постиндустриализма, в соответствии с которой постиндустриальное развитие некоторое время трактовалось в изоляции от индустриального этапа. Его недооценка привела в ряде развитых стран к деградации промышленности и сельского хозяйства. Ошибочность подобного подхода была осознана, что привело к очередной волне индустриализации экономики на качественно новой технологической основе цифровой эпохи. Речь идет, как минимум, о четырех технологических кластерах, связанных с информатизацией, автоматизацией производства, оптимизацией использования ресурсов и гуманитарными аспектами жизни людей.

В связи с появлением в мире все большего числа стран, практикующих успешные модели социально-экономического развития и отстаивающих политический суверенитет, в мировом порядке наблюдается постепенное становление многополярного мира, который неизбежно заменит гегемонию США. Переход к многополярному миру сопровождается стремлением изо всех сил продлить собственное господство, с одной стороны, и неизбежным наступлением развивающегося мира, выдвигающего новые центры экономической мощи и политического влияния — с другой. В результате возрастает глобальная турбулентность, а международные отношения испытывают серьезные напряжения.

Один из полюсов формируется межгосударственным объединением БРИКС, в которое входят пять восходящих гигантов с четырех континентов. Их совокупный ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности, по данным Международного валютного фонда, только на два процента уступает соответствующему показателю Группы семи.

Другая международная организация – Шанхайская организация сотрудничества, объединяющая Россию, Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и Узбекистан, расширяется за счет Индии и Пакистана. Наблюдателями ШОС являются Монголия, Иран, Афганистан и Белоруссия. Это означает, что на этой площадке консенсусом развиваются взаимовыгодные отношения стран Евразии, за исключением членов ЕС. Такая перспектива вызывает противодействие со стороны англосаксонского альянса.

Глобальная информационная революция поставила в повестку дня мирового сообщества проблему формирования глобального информационного общества (ГИО), которое в идеале могло бы содействовать становлению справедливого миропорядка. В начале XXI века заработал механизм Всемирных саммитов по информационному обществу. Однако и после декларации о совместной работе в направлении формирования ГИО проблемы «цифрового разрыва» усугубились, и, более того, высказывавшиеся надежды на «выравнивание игрового поля» в опоре на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) оказались несостоятельными. Несправедливость имеет социально-экономическую, а не технологическую природу. В результате цифровое неравенство усугубило разрыв между развитыми и развивающимися странами. Обострились противоречия и вокруг Интернета и его по существу единоличного контроля со стороны США. Проблема интернационализации «всемирной паутины» стала предметом серьезной дискуссии в мировом сообществе, носящей как технологический, так и политический характер.

В связи с наступлением цифровой эпохи хотелось бы обратить внимание на проблемы международной информационной безопасности (МИБ). В виртуальном пространстве идут необъявленные военные кибернетические действия, которые представляют собой реальную угрозу международной безопасности. Масштаб такого рода боевых действий поражает воображение – 74 млн кибернетических атак только на официальные сайты и информационные системы органов власти России в течение одного 2014 г.¹. Еще интенсивнее подвергаются нападению КНР и США. Нажатием кнопки кибернетическое пространство превращается в поле боя. А между виртуальным и реальным пространствами не существует непреодолимых барьеров. В этой связи международная информационная безопасность становится передовым рубежом международной безопасности.

Приходится вновь констатировать, что именно США и их союзники по НАТО нарастили кибернетический наступательный потенциал, который используется ими для навязывания собственной воли государствам, не согласным с однополярным миропорядком. Еще до разоблачений Эдварда Сноудена было ясно, что американцы создали сверхмощную глобальную систему кибернетического шпионажа, позволяющую им активно вмешиваться во внутренние дела суверенных государств и частную жизнь граждан.

В противовестактому подходу Россия выступает за неукоснительное соблюдение принципов неприменения силы в международных отношениях, невмешательства во внутренние дела государств и уважения государственного суверенитета. Противодействие угрозам МИБ, которые носят транснациональный характер, возможно только посредством участия всего международного сообщества. В этой связи ООН, как наиболее представительная международная организация, играет и должна играть главную роль в области обеспечения международной информационной безопасности.

Резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», выдвигаемая Россией в ООН в течение многих лет, получает неизменную поддержку со стороны международного сообщества. В этом году ее соавторами выступило рекордное число государств – 82, что свидетельствует о чрезвычайно широком признании международным сообществом значимости российской инициативы.

В ООН по инициативе России с 2004 г. создывается специальная группа правительственных экспертов (ГПЭ) по МИБ, которая обсуждает наиболее актуальные проблемы МИБ, в

¹ Выступление В.В. Путина на заседании Коллегии ФСБ России 26.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49006>

том числе вопросы защиты критической инфраструктуры государств. Итоговый доклад последней Группы 2015 г. стал важным политическим документом, закрепляющим вывод экспертов из 20 стран о том, что ИКТ должны использоваться исключительно в мирных целях, а международное сотрудничество необходимо нацелить на предотвращение военно-политических конфликтов в информационном пространстве.

Впервые были согласованы рекомендации относительно ответственного поведения государств в глобальном информационном пространстве. Однако и в данном случае речь идет скорее о политико-моральных, а не о юридических обязательствах. Вашингтон и его ближайшие партнеры по-прежнему отрицают необходимость принятия развернутого и обязывающего международно-правового документа, который мог бы ограничить агрессивные военные приготовления в глобальном информационном пространстве.

Россия со своей стороны признает необходимость разработки в обозримой перспективе под эгидой ООН и при широком участии международного сообщества универсального юридически обязывающего договорного инструмента по обеспечению международной информационной безопасности, своего рода кодекса поведения в глобальном информационном пространстве.

Помимо непосредственного участия в международном договорном процессе Россия выступает с конкретными инициативами в области обеспечения международной информационной безопасности. В 2011 г. партнеры по ШОС разработали проект правил ответственного поведения в информационном пространстве. В этом году обновленный вариант «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» был распространен в ООН в качестве официального документа. В документе делается акцент на правах человека, свободе доступа, принципе наращивания потенциала развивающихся стран. Авторы документа предлагают рассматривать его в качестве основы для дальнейших переговоров.

В условиях отсутствия универсального договора основным инструментом предотвращения конфликтов в информационном пространстве являются меры укрепления доверия. Многого на этом направлении удалось добиться в ОБСЕ, где запущен механизм выработки таких мер сотрудничества в геополитическом пространстве от Ванкувера до Владивостока. Аналогичный процесс развивается в АТР в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности.

На региональном уровне наиболее важными договоренностями в сфере обеспечения МИБ стали соглашения и декларации ШОС, СНГ и БРИКС. В двустороннем формате подписаны соглашения с Китаем, Кубой, Белоруссией и Бразилией.

В контексте глобальной информационной революции цифровая эпоха серьезно повлияла на развитие глобального технологического трансфера, который охватывает все большее число стран и негосударственных субъектов международных отношений. Значительно ускоряется темп технологических трансформаций и сокращается длительность технологических циклов. Стремительно расширяется опора на глобальный облачный технологический ресурс. С помощью этого механизма все более широкое распространение в мире получают современные знания и технологии.

Настоящим вызовом цифровой эпохи становится поведенческо-когнитивное противоборство с использованием Больших Данных. Речь идет о технологиях трансграничного воздействия на население других государств, в целях разработки методов которого наука о человеке обращается к закономерностям поведения личности и социальных групп. В этой связи вовсе не случайно, что в центре шестого технологического уклада, в который вступает человечество, оказываются высокие гуманитарные технологии, владение которыми становится серьезным конкурентным преимуществом.

Россия учитывает в своей политике фактор воздействия на нашу страну научно-технического прогресса в области ИКТ. В 2013 г. Президент России В.В. Путин утвердил Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.. В 2014 г. была принята концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы, в соответствии с которой ФСБ России создается Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам.

Эти и другие вопросы, связанные с международными научно-технологическими отношениями в цифровую эпоху, стали предметом рассмотрения в ходе состоявшейся 26 мая 2015 г. в МГИМО-Университете по инициативе Института международных исследований конференции «К новому качеству международной безопасности в цифровую эпоху». На ней обсуждались проблемы безопасности современного мира, обусловленные все возрастающим воздействием научно-технического прогресса на международные отношения. Конференция привлекла внимание дипломатов, политологов и журналистов. По итогам состоявшейся дискуссии участники конференции подготовили ряд статей по проблематике влияния научно-технологической революции, прежде всего в области информационно-коммуникационных технологий, на международные отношения, глобальную, региональную, национальную и информационную безопасность. Эти статьи, публикуемые в настоящем выпуске «Ежегодника ИМИ», дополнены подборкой международных и российских документов, выработанных в последние годы. Некоторые из этих документов публикуются в российской печати впервые.

Думается, что все эти материалы могут быть интересными и полезными для читателей



А.В. БИРЮКОВ

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

*Бирюков Алексей Викторович, к.и.н., доцент,
факультет гуманитарных технологий
Российского нового университета.
105005, Москва, ул. Радио 22. E-mail: a-birioukov@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена проблеме влияния научно-технического прогресса на международные отношения. Акцент сделан на международных научно-технологических отношениях цифровой эпохи, развивающихся в условиях глобальной информационной революции и перехода к многополярному мироустройству. В прогнозной части статьи рассматриваются перспективы трансформации международных научно-технологических отношений, а также формирования глобального технологического альянса, который мог бы включать создание глобального технологического фонда, обновления глобального технологического трансфера и активизации глобального облачного технологического ресурса.

Ключевые слова: *международные научно-технологические отношения (МНТО), глобальная технологическая революция, технологический уклад, трансфер технологий, NBIC, технологическая сингулярность, глобальный облачный технологический ресурс.*

Природно-техногенные катастрофы, происходящие с пугающей регулярностью, наводят на размышления об управлении глобальной технологической революцией, о повестке дня в связи со стремительным техногенным наступлением на биосферу и о необходимости усиления международного научно-технологического сотрудничества.

Синергетическое воздействие научно-технического прогресса на жизнь человечества увеличивается. Знания, овеществленные в технологиях, становятся важнейшим фактором общественного развития. Происходят изменения на пространстве глобальной безопасности и международных отношений. Возникают предпосылки обновления глобальных и международных механизмов регулирования мировых процессов (ср. [11]).

Международная безопасность становится глобальной только при адекватном понимании

глобальных приоритетов, когда на первом месте стоят интересы планеты Земля и населяющего ее человечества. Эти приоритеты зачастую трактуются искаженно – на Западе прослеживается стремление к сведению их к интересам наиболее развитых стран во главе США. Между тем, реализация адекватно понимаемых глобальных приоритетов возможна только в многополярном мире, когда абсолютное большинство стран равноправно и взаимовыгодно участвует в глобальных процессах. Многополярный мир пока не стал реальностью международной жизни и, соответственно, глобальная безопасность пока не является работающим механизмом, а представляет собой развивающуюся гипотезу относительно будущего международной безопасности.

В условиях биполярного мира безопасность базировалась на равновесии военной силы, военно-политическом сдерживании и понимании неизбежности вооруженного возмездия в случае агрессии одной из сторон. То есть в основе международной безопасности лежало в первую очередь военное противостояние, обусловившее соответствующую структуру безопасности. Силы НАТО и ОВД стояли напротив друг друга в Европе, а силы США и СССР – по всему миру. Повсеместно в мире имело место противостояние, включавшее в себя и вооруженные конфликты. Одновременно усиливалось понимание пагубности решения спорных вопросов с помощью силы. Установилась практика мирного сосуществования. Военная мощь дополнялась политическим диалогом в системе Организации Объединенных Наций и на других международных площадках.

После распада СССР международная безопасность развивалась в условиях однополярного мира, в котором США, являясь единственной сверхдержавой, в течение достаточно длительного времени доминируют в мире, демонстрируя гегемонию мощи и воли. Они сохранили структуру военного противостояния – доставшийся в наследство от предыдущей эпохи военно-политический блок НАТО, максимально приблизив его к границам России. При этом усилились нападки на ООН, полномочия которой не были рассчитаны на реалии однополярного мира.

США способны вести современную войну в любом уголке планеты, и в том числе нанести глобальный молниеносный удар. Самый мощный в мире военный потенциал строится при этом на сетевом принципе, основу которого составляет так называемая «Глобальная информационная решетка» (Global Information Grid) [14, с. 331].

Однако было бы неправильно сводить все к военно-разведывательной мощи США, позволяющей им говорить с другими государствами с позиции силы. Набирает популярность тезис Збигнева Бжезинского о том, что в американской международной политике «жесткое доминирование» уступает место «мягкому лидерству». Возможно, это верно применительно к космическому и виртуальному пространствам. Именно здесь Вашингтон декларирует большую опору на международное взаимодействие, что соответствует его глобальным амбициям. При этом приоритет своего национального интереса перед международной солидарностью сохраняется в США в полной мере. Да и евро-атлантическая дисциплина поддерживается ими неукоснительно, в результате национальные интересы европейских стран реализуются с поправкой на «блоковую солидарность».

Единственная сверхдержава остается первейшим в мире центром в области технологий, образования и науки, а также воздействия на общественное мнение за пределами страны. Материальное лидерство США идет рука об руку с духовной, интеллектуальной, когнитивной, культурной и информационной гегемонией (см. подробнее: [4, с. 226]), отчасти воплощаемой в так называемой «мягкой силе», но отнюдь не исчерпывающих содержание этой категории.

В настоящее время активизировалось использование Соединенными Штатами своего комплексного превосходства в качестве инструмента навязывания воли другим государствам. США широко опираются на мировые ресурсы, обеспечивают для себя максимально благоприятные финансово-экономические условия, пытаются консолидировать экономическое взаимодействие в евро-атлантическом и тихоокеанском регионах. Сверхдержава реализует тактику «управляемого хаоса» в различных регионах мира, «экспортирует демократию» революционными методами без учета исторических и культурных традиций стран, подвергающихся воздействию. Зачастую это сопровождается попранием общепринятой морали, оправданием гегемонистского поведения путем, в

частности односторонней трактовки международного права и исторических обстоятельств. Иными словами, США с опорой на союзников творят крупнейший после мировой войны международный беспорядок.

Вместе с тем все более очевидна перспектива формирования многополярного мироустройства. Даже американские эксперты из Национального совета по разведке США предвидят завершение четырехсотлетнего господства англосаксонского мира [9].

Полным ходом идет «выравнивание игрового поля» в экономической, политической и технологической областях. Большая часть развивающихся стран пребывает в догоняющем режиме, когда государства, опираясь на конкурентные преимущества и нейтрализуя уязвимые места, пользуются благами глобализации и, удачно приспособившись к этой реальности, воспринимая и адаптируя достижения научно-технического прогресса к собственным нуждам, создают успешные модели национального развития.

Быстро развиваются восходящие гиганты и новые индустриальные страны. Первые образовали межгосударственное объединение БРИКС. По данным МВФ 2015 г., доля БРИКС в мировом ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, сопоставима с долей G-7 (Таблица 1). Это международное объединение держит в поле своего внимания различные сферы международной общественной жизни – безопасность, экономику, финансы, образование, формируя все новые форматы диалога и взаимодействия.

Таблица

Доли БРИКС и G-7 в мировом ВВП по ППС, %

БРИКС		G-7	
Китай	16,327	США	16,14
Индия	6,84	Япония	4,40
Россия	3,30	Германия	3,45
Бразилия	3,02	Франция	2,39
ЮАР	0,65	Великобритания	2,36
		Италия	1,97
		Канада	1,48
Итого:	30,13	Итого:	32,19

Источник: *Global Economic Outlook Database. GDP based on PPP share of world total. (IMF, April 2015).*

Шанхайская организация сотрудничества, начав с борьбы против терроризма и преступности и постепенно наращивая потенциал в области международной безопасности, мировой экономики и политики, также прочно встала на ноги. На последнем саммите ШОС в Уфе было принято решение о расширении ее состава за счет новых членов – Индии и Пакистана. В состав Организации хотели бы вступить и некоторые другие страны, в том числе Иран.

Новые индустриальные страны доминируют в ЮВА, успешно интегрируясь в рамках объединения АСЕАН, становятся все более заметными в Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Все это кардинальным образом меняет мировой ландшафт и содержание международных отношений. Формирование альтернативы англосаксонскому миру в виде новых политико-экономических центров мира является феноменом ухода от однополярности. Однако переход к многополярному миру представляет собой сложный процесс, который сопровождается обострением противостояния старого и нового. Речь идет не о механической замене старого на новое, а о качественном изменении, ведущем от всевластия либерального рынка и эксплуатации колониального типа к регулируемому рынку, справедливым и равноправным международным отношениям.

Противоборство старого и нового идет по всем направлениям. История с санкциями в отношении России является отражением такого противостояния. Конфронтационные действия Запада в отношении нашей страны являются уроком для российских партнеров.

Они подтолкнули к шагам, направленным на ограничение всевластия доллара США. Ряд стран конвертируют запасы долларов США и евро в золото и переходят на торговлю ценными ресурсами и товарами с высокой степенью добавленной стоимости на основе национальной валюты. Интенсивно изучаются варианты развития региональных платежных средств.

Другая область, где долгое время доминировали США, касается торговли в глобальном масштабе, регулируемой правилами Всемирной торговой организации. Однако после присоединения к ВТО Китая, самой торгующей нации в мире, в международной торговле появилась альтернатива американскому гегемону. А созданные под эгидой США Международный валютный фонд и Группа Всемирного банка, несмотря на договоренности 2010 г. об их реформировании, сохраняются в практически неизменном виде. Идеология Вашингтонского консенсуса подвергается обоснованной критике, поскольку следование ему нередко купирует модернизацию, ведет к росту экономической, финансовой и политической зависимости. Альтернативная же практика развития вне контекста рекомендаций МВФ и ВБ дает обнадеживающие результаты. Поэтому усилия стран БРИКС по формированию Нового банка развития и Пула условных валютных резервов, стимулированию диалога экспортно-кредитных и страховых агентств, а также создание Китаем Азиатского банка инфраструктурных проектов, другие финансово-инвестиционные инициативы восходящих гигантов приветствуются в развивающемся мире. Все эти международные проекты дополняют уже существующие структуры глобального управления.

В этой связи можно ожидать, что переходный период, ведущий к некоему новому мировому порядку, хотя и потребует значительного времени, однако завершится многополярным миром, в котором «тылы» не будут столь зримо отставать и человеческая цивилизация не будет столь явным образом «расколота». Более того, в условиях каскадного нагромождения глобальных процессов растет понимание, что решение глобальных проблем не представляется возможным в опоре исключительно на собственные силы, без сотрудничества и солидарности государств. Модель однополярного мира не соответствует потребностям развития планеты Земля, вызывают предпосылки качественно новых международных отношений и глобальной безопасности.

Думается, что военные аспекты международной безопасности полностью сохраняют свою актуальность. И все-таки при решении проблем глобального порядка представляется целесообразным сосредоточить материальные, интеллектуальные и духовные ресурсы государств и негосударственных субъектов на новых вызовах и угрозах. К их числу относятся оптимизация способа производства, который до сих пор культивирует перепроизводство товаров и услуг, несообразное превосходство финансового капитала, образование долговых пузырей, нарастание расслоения в разных социальных слоях развитых и развивающихся стран мира, чрезмерное техногенное и антропогенное давление на биосферу.

Проблема заключается в постоянно обостряющемся противоречии между растущими потребностями человечества и сокращающимися подобно шагреновой коже природными ресурсами. Риск состоит в чрезмерной производительности капитализма и воспроизводстве этого противоречия в условиях интернационализации экономики. Даже повышение потребительской мощности развивающихся стран в результате «выравнивания игрового поля» оказывается недостаточным для того, чтобы спрос мог догнать предложение. Такая ситуация является следствием господства в экономике в течение длительного времени либеральной идеи, когда на глобальном рынке «правит бал» транснациональный капитал, мотивируемый высокой нормой прибыли.

«Выход» из противоречия – в сочетании высокой нормы прибыли и сосредоточения на нематериальных активах, а также оптимизации потребления не восполняемых ресурсов. После глобального финансового кризиса 2008 г. в мире наблюдается всё возрастающее превосходство финансового капитала, который в прошлом обслуживал в первую очередь реальную экономику. Приращение капитала обеспечивается зачастую без связи с реальными ресурсами. Высокий процент прибыли в финансовом бизнесе превратил его в ведущий сектор глобальной экономики.

В глобальной экономике произошла концентрация капитала в руках сотни семей и кланов [7, с. 259]. Исходя из собственных интересов, они намеренно переоценивают финансовые активы США и других развитых стран и недооценивают ресурсы развивающегося мира.

Доминирование финансового капитала и его отрыв от реальной экономики ведут к образованию долговых пузырей и размыванию реальных основ устойчивой жизни, что в свою очередь усиливает социальную нестабильность. Повсюду в развитом мире усугубляется социальное расслоение, что отрицательно влияет на перспективы дальнейшего развития [19, с. 36]. Неравенство сопровождается люмпенизацией части населения и распространением депрессивных настроений. Как только возникает реальная опасность утратить доступ к источнику доходов или быть лишенным возможности трансформировать нажитое в долг в собственность, начинаются серьезные душевные переживания, в обществе царит атмосфера подавленности.

Глобальная социальная турбулентность обусловлена, кроме того, лавинообразным ростом численности населения Земли и, соответственно, усилением нагрузки на окружающую природную среду, энергетику, транспорт и другие компоненты экономики. Прирост населения происходит неравномерно. Коренные жители Европы, Канады, России, Китая стареют, а население большинства развивающихся стран Африки, Азии, Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока молодеет и растет в численном отношении.

В результате неравномерности развития государств и регионов мира нарастает миграция, в численном выражении сопоставимая с населением такой страны, как Бразилия. Главным мотивом перемещения мигрантов являются социально-экономические причины. В последние годы резко возросло значение роста социальной турбулентности из-за политики «управляемого хаоса» в отношении ряда регионов. Многие эксперты указывают на такие риски современных миграционных тенденций, как усиление размывания государственного суверенитета, образования депрессивных и неблагополучных в криминальном отношении районов, подрыв национальной идентичности принимающих мигрантов стран и рост ксенофобии [1, с. 85].

Глобальную социальную турбулентность подпитывает мощная урбанизация в развивающихся странах, сопровождаемая массовой безработицей и крайне неблагоприятными санитарными условиями, образованием трущоб со всеми вытекающими негативными последствиями.

Глобальные процессы подрывают гомеостаз биосферы. Деятельность человека, ставшего геологической силой на планете, ведет к беспрецедентным изменениям в окружающей среде. Ответственность за нагрузку на глобальную окружающую среду распределена между разными странами неравномерно. Сохраняется на высоком уровне доля воздействия на биосферу со стороны развитых государств, однако растет и «вклад» развивающихся стран. Индустриальное развитие, использование природных богатств и энергоемкое промышленное производство приводят к серьезным экологическим последствиям. Решением становится использование инновационных наукоемких технологий и методов производства в контексте т.н. «зеленой экономики» [6, с. 255].

Во многих странах стало доминировать инновационное развитие, которое связано с глобализацией знаний, точки зрения их использования и создания, с распространением новых технологий, становящихся драйвером поступательного движения вперед. Формирование инновационной культуры сопровождается становлением социальной инновационной активности [3, с. 75–79]. Стало очевидным, что сетевая экономика знаний и инноваций немислима без глобального коллективного творчества, трансфера и использования высоких технологий, тесного взаимодействия бизнеса, науки и образования, а также выпуска уникальной наукоемкой продукции. Это сочетание именуется глобальным инновационным процессом. На его пути стоят силы, выступающие против обеспечения благоприятных условий для «выравнивания игрового поля», сохраняя тем самым материальную базу для неокOLONIALИСТСКИХ устремлений, отстаивающих право на технологическое превосходство, пытаясь распространить логику гонки вооружений «холодной войны» на «гонку технологий».

На развитие постиндустриального способа производства влияет т.н. шестой технологический уклад, зерна которого уже проросли в некоторых странах, но еще не заколосились. Впереди перспектива его масштабного воздействия на мировую экономику и политику. На высокий уровень конвергенции технологий указывает аббревиатура NBIC (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии). Они, проникая друг в друга, дают синергетический эффект и качественно новые свойства продукции. Вокруг

NBIC формируется ядро, которое включает компоненты всех конвергентных технологий. В частности, речь идет о таких известных секторах, как микроскопическая робототехника с искусственным интеллектом, геновая инженерия, клеточные технологии, сканирующие микроскопы, качественно новые материалы. Ядро, в свою очередь, опирается на несущие отрасли экономики. К ним относятся наукоемкие сферы промышленности, связанные с ракетостроением, атомной энергетикой, транспортом, машиностроением, созданием станков и приборов, а также высокотехнологичные сектора сельского хозяйства и публичные социально-ответственные услуги (См. *Рисунок 1*: [2, с. 89]).



Рисунок 1. Структура шестого технологического уклада.

В то же время все более широко осознается важность сочетания когнитивных облачных технологий, современных научных знаний о функционировании экономики, «Больших данных» (Big Data), касающихся экономико-технологического развития, методов корпоративного управления, автоматизированной отчетности, а также глубокого понимания процесса познания. Для обозначения этого сочетания используется аббревиатура SSEIC (Cloud Computing, Economy, Information, Cognition; фактически под этим перечислением понимаются облачные информационно-когнитивные технологии, обслуживающие экономику в цифровую эпоху). Эта система тесно взаимодействует с NBIC, выступая источником инвестиций для инноваций, работает в сетевом режиме, а ее потребителями являются не только транснациональный капитал, но и в еще большей степени так называемая «плоская экономика».

Сочетание NBIC и SSEIC эффективно работает в условиях конкуренции международных технологических цепочек, которые реализуются с помощью глобального облачного технологического ресурса, представляющего собой механизм получения накопленных

мировым сообществом знаний, объектов интеллектуальной собственности, инвестиций, инноваций и продукции шестого технологического уклада [12].

Противоречивость ситуации заключается в том, что человек на стадии превращения интеллекта в основную движущую силу развития, активно стимулирует внедрение искусственного интеллекта, который в конечном итоге приведет к эпохе технологической сингулярности, когда социально-экономический и научно-технологический прогресс станут настолько быстрыми и сложными, что окажутся недоступным пониманию человеком. В этой связи возникает вопрос об увеличении мощности человеческого мозга за счет биотехнологий, сочетании потенциалов человека и робота или создании искусственного интеллекта, что вероятнее. Некоторые футурологи утверждают, что доля искусственного интеллекта в общественной жизни составит 10 % в 2030 г., 50 % – в 2050 г. и 90 % – в 2100 г. Они же прогнозируют перспективу использования преимуществ овладения искусственным интеллектом для обретения доминирования в мире. Отличие такого рода гегемонии от прежних вариантов доминирования заключается в том, что мощь искусственного интеллекта может купировать любые интеллектуально-технологические прорывы других центров многополярного мира и канализировать развитие государств. Несмотря на умозрительность такого сценария, его все-таки не следует игнорировать.

Постиндустриальная перспектива обуславливает новые способы производства, однако превалирование услуг вовсе не означает промышленную и сельскохозяйственную деградацию. В ловушку ложного понимания основ постиндустриализма в свое время попали многие государства, в том числе из группы авангардных стран. В этой связи после осознания угроз неадекватного понимания постиндустриализма на Западе со всей серьезностью занялись реиндустриализацией национальных экономик на качественно новых технологических основах, прежде всего тех, что объединяются в такие кластеры, как информатизация, автоматизация производства, а также оптимизация использования ресурсов и гуманитарные проблемы.

Информатизация занимает среди указанных кластеров первое место. Во второй декаде XXI века речь идет об использовании так называемых «Больших данных» (Big Data), которые, с одной стороны, выводят на новый уровень эффективность принимаемых на их основе решений, а с другой – позволяют разрабатывать новые инструменты влияния на сознание человека. Если присовокупить к этому технологии социальных сетей, то в результате не только повышается эффективность коммуникации, но и «возникает потенциально опасная система коммуникаций между различными социальными и геополитическими группами» [9, с. 29].

Нельзя не упомянуть и повсеместную автоматизацию производственного цикла и внедрение робототехники, что позволяет снизить затраты по сравнению с использованием людских ресурсов. К этому же кластеру относятся технологии производства методом 3D-принтеров, которые заменяют ряд традиционных методов производства продукции с высокой добавленной стоимостью.

Стирание границы между реальным и виртуальным миром происходит в результате конвергенции информационно-коммуникационных технологий и промышленных процессов. Появилась возможность представления в цифровой форме жизненного цикла любого изделия или сооружения. Ядром феномена, обеспечивающего цифровое преобразование промышленности, является система автоматизированного проектирования, которая стала быстро развивающейся отраслью промышленности и предметом международного сотрудничества и международной конкуренции [8, с. 69–74].

Эти процессы актуализируют необходимость трансфера технологий в глобальном масштабе. Однако в современных международных отношениях этот трансфер является инструментом политического влияния. В период «холодной войны» существовал КОКОМ, который являлся коллективным механизмом НАТО, осуществлявшим экспортный контроль технологий. В 1996 г. было заключено Вассенаарское соглашение об обмене данными, касающимися поставок вооружений и технологий двойного назначения. Их подписали не только члены НАТО, но и большинство стран Восточной и Центральной Европы, на тот момент не состоявших в Североатлантическом альянсе, ряд стран – членов СНГ, включая Россию, а также Аргентина, ЮАР и Южная Корея. Формально идеологическая составляющая ограничений глобального

технологического трансфера ушла, но барьеры геополитического порядка сохранились. Да и влияние НАТО на этот процесс остается по-прежнему достаточно сильным.

Более того, в связи с ограничениями экспорта энергетических технологий в добывающие развивающиеся страны эксперты заговорили об «аналоге КОКОМ в области энергетики» [17, с. 609], а наличие аналогичных барьеров в области транспортного машиностроения и станкостроения ясно указывало на то, что ГТТ рассматривался в развитых странах в качестве инструмента политико-экономического влияния. Технологии предоставляются, прежде всего, лояльным государствам, при этом лояльность в решающей степени обусловлена зависимостью. Избегание зависимости, которого придерживаются действительно суверенные государства, может изменить статус лояльности на противоположный. В этом заключена одна из причин, почему технологии получают неконтролируемое распространение в мире. В некоторых случаях это ведет к опасным последствиям.

Вторая причина обусловлена логикой развития глобального технологического трансфера, в соответствии с которой в него вовлекается все большее число стран и негосударственных субъектов международных отношений. Кроме того, значительно ускоряется темп технологических трансформаций и сокращается длительность технологических циклов, стремительно расширяется опора на глобальный облачный технологический ресурс. В результате этого число технологий, получающих широкое распространение, постоянно увеличивается.

Проблема «расползания» опасных технологий относится к разряду глобальных, требующих вмешательства всего международного сообщества. Отсюда возникает потребность государственного регулирования и общественного контроля трансфера технологий на глобальном уровне. Актуализируются вопросы доступа к технологиям, контроля приобретения документации и образцов, проверки участников международного технологического сотрудничества, а также формирования международного права, регулирующего международные научно-технологические отношения, и этических основ научно-технического прогресса. В условиях возрастания числа негосударственных субъектов международных отношений возникают основания полагать, что в этой сфере промышляют и «недобрые руки» международных террористических и преступных организаций.

Если же говорить о добросовестных реципиентах глобального технологического трансфера, то их опыт показывает, что, во-первых, даже для простой имитации и адаптации к национальным условиям чужих технологий необходимы технологическая готовность и творческий подход. А во-вторых, рано или поздно, причем скорее рано, чем поздно, страна сталкивается с необходимостью создания своей собственной научной и технологической базы и соответствующего механизма, в рамках которого знания из научной сферы передаются бизнесу и материализуются. Иными словами, возникает потребность в создании национальной модели развития технологического трансфера.

В этой связи эндогенная технологическая основа, как представляется, должна иметь некоторый приоритет с точки зрения развития национальной конкурентоспособности. Речь идет о приоритете в принципе. Это означает, что к приоритету эндогенных технологий чаще всего приходят через трансфер технологий между странами. Однако тот, кто такую задачу не ставит, в конечном счете становится полностью технологически зависимым.

Весьма показательно в связи с этим, что в виртуальном пространстве идут необъявленные военные кибернетические действия, которые представляют собой реальную угрозу международной безопасности. Масштаб такого рода боевых действий поражает воображение. При этом виртуальное и реальное пространство как бы перетекают друг в друга. Сфера информационной безопасности становится ареной международной конкуренции и противоборства, обоснованно находясь в поле внимания и деятельности ООН, которая еще в 2004 г. инициировала создание соответствующей Группы правительственных экспертов.

Все более очевидными становятся «теневые» стороны информатизации. Виртуальные ценности вытесняют традиционные «реальные». Соответственно, в бизнесе берут верх получающие огромные прибыли «продавцы воздуха», а выбор заменяется тотальным контролем. Специалисты заговорили о «квадратуре интернета», когда прозрачность, анонимность, ответственность поведения и информационная безопасность

трансформировались в безответственный цинизм и всеобщую зависимость, усугубление общественных противоречий и возрастание информационных угроз на государственном и личностном уровне [15, с. 72].

В реальный мир проникают этико-культурные и социально-психологические установки, складывающиеся в виртуальном мире и затрагивающие, по существу, всех людей. Причем эти установки наносят немалый вред, обусловленный целым рядом факторов, в первую очередь исключительной опорой на стереотипное поведение, сведением к минимуму творческого поиска, неадекватной оценкой цены ошибки. Более того, в информационном обществе не только нарастает социальная дифференциация, но и наблюдается в больших масштабах когнитивный диссонанс у людей, вынужденных жить в долг, не уверенных в завтрашнем дне, подверженных страху выпасть на обочину культивируемого образа жизни, ощущающих давление паноптикума, не согласных с насаждаемыми ценностями. Коротко говоря, информационное общество, которое строится подобным образом, углубляет общественные противоречия и вновь высвечивает одну простую истину: достижение справедливости базируется на социально-экономических и гуманитарно-этических основах, а не на неких «спасительных» технологиях.

В международных научно-технологических отношениях информационные и космические технологии идут плечом к плечу. Освоение околоземного космического пространства позволило человечеству решать множество задач на Земле, включая поддержание глобальной широкополосной связи, использование глобальных навигационных спутниковых систем, дистанционное зондирование Земли, мониторинг климата планеты, ее окружающей среды и природных ресурсов.

В космической деятельности активное участие принимают 20 государств мира, среди которых особо выделяются США, Россия, Китай и Франция. Спутники производят и запускают Индия, Бразилия, Япония, Южная Корея и ряд других стран. Однако после завершения «холодной войны» только США стимулируют милитаризацию космоса, рассматривая его в качестве поля боя, размещая боевые и разведывательные спутники. Они вынуждают Китай и Россию реагировать адекватным образом (подробнее см., например, [5]).

В цифровую эпоху возникли поведенческо-когнитивные технологии, которые базируются на понимании закономерностей поведения личности и социальных групп и могут использоваться в трансграничном режиме для оказания воздействия на население суверенных государств. Мы наблюдаем за появлением концепций типа «подталкивания», которые предлагают использование поведенческих стереотипов, психофизических реакций и «Больших данных» для целенаправленной коррекции поведения тех или иных конкретных групп (см. [7, с. 141], а также статью этих же авторов в настоящем выпуске «Ежегодника ИМИ»).

Очевидно, что пора распрощаться с представлением об НТП как исключительно позитивном феномене, лишенном разрушительного потенциала, который может проявиться неожиданно и иметь глобальные отрицательные последствия.

Возрастает значение глобальной этики. Именно этим фундаментальным соображением обусловлена общепринятая концепция устойчивого развития. Гармония с окружающей средой предполагает осуществление «зеленых» научно-технических разработок, без которых общество обречено на творческо-интеллектуальную деградацию. При этом не следует забывать утверждения Н.Н. Моисеева, согласно которому технического решения экологического кризиса не существует [10, с. 29]. И в этом контексте этика должна стать основным «якорем» человечества. Одним словом – человечеству нужна глобальная нравственная революция [21, с. 330].

Таким образом, научно-технический прогресс все сильнее влияет на современные международные отношения, яснее вырисовываются вызовы и угрозы, которыми он чреват. Старые подходы к решению проблем, которые ставит глобальная технологическая революция в цифровую эпоху, губительно опасны для человечества. В этой связи чрезвычайно важно выработать глобальную повестку дня научно-технологического сотрудничества на мировой арене, его принципы, правила и механизмы, адекватные реальностям и масштабам глобального инновационного процесса.

Необходимо ускорить «выравнивание игрового поля» в технологической области, отойти от идеологии «технологической гонки в целях усиления собственных позиций и ослабления

соперника». Мы являемся свидетелями укрепления позиций стран – членов БРИКС на поле технологий. Перед ними стоит задача формирования консолидированной технологической платформы, создания сети трансфера технологий и сетевого взаимодействия в сфере исследований и инноваций [18].

В этой связи, думается, становится возможным направлять часть отчислений от интеллектуальной ренты в специально созданный глобальный технологический фонд, контролируемый ООН, и нацеленный на политически не ангажированную помощь отстающим странам. Через такой фонд можно было бы финансировать эндогенное технологическое развитие, помогать становлению национальной инженерной образовательной школы, содействовать формированию отряда квалифицированных рабочих, содействовать индустриализации стран на новой технологической основе.

В контексте глобального технологического трансфера должна быть создана специализированная международная организация системы ООН, которая, взаимодействуя с ПРООН, ЮНИДО, ЮНКТАД, ЮНЕСКО и ВОИС, а также национальными правительствами анализировала бы движение военных и двойных технологий в мире и использование последних в немирных целях. Эта организация могла бы действовать по типу МАГАТЭ на основе международного законодательства и полномочий, предоставленных ей международным сообществом.

В мире уже формируются, а в условиях многополярного мироустройства будут расширены предпосылки глобального технологического альянса в виде глобального технологического фонда, международной базы данных технологического трансфера, глобального облачного технологического ресурса (см. *Рисунок 2*).

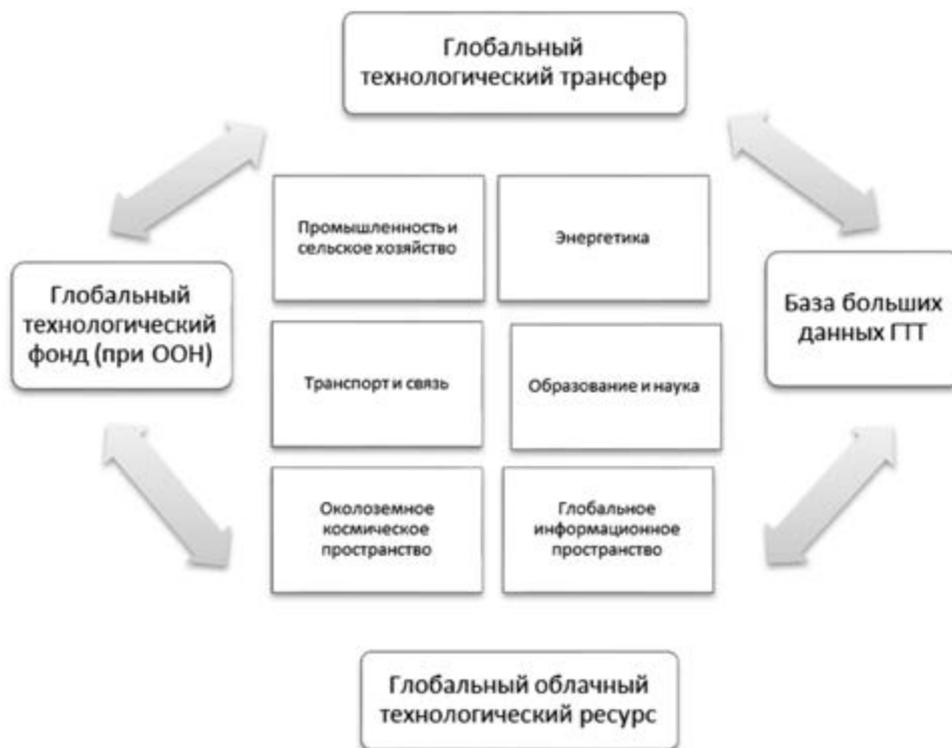


Рисунок.2. Структура глобального технологического альянса в многополярном мироустройстве.

Этот альянс должен опираться на правовые и этические основы. В этой связи его задача – обновление и создание международно-правовой и международно-этической среды международных научно-технологических отношений, субъектами которой являются государства, юридические и физические лица, которые выступают инициаторами социально-ответственных товаров, услуг и инноваций, связанных с промышленностью,

сельским хозяйством, наукой, образованием, энергетикой, транспортом, связью, околоземным космическим и глобальным информационным пространством. В условиях возрастающего воздействия научно-технического прогресса на международные отношения необходимо, прежде всего, установление целостности международного публичного и частного права. Сначала следовало бы устранить международно-правовые барьеры для развития справедливых международных научно-технологических отношений. Затем можно было бы заняться заполнением пробелов международного права, регулирующего МНТО, что потребует особых усилий международного сообщества. При этом начать, думается, целесообразно с деятельности человечества в околоземном космическом и виртуальном пространстве. Именно здесь активность ряда государств и негосударственных субъектов возрастает на фоне правовых лакун.

Россия уже много лет выступает с идеей заключения универсальной конвенции по космическому праву. США все эти годы блокируют российскую идею. Американцы опираются на национальную мощь в освоении космоса, рассматривая его в качестве потенциальной среды боевых действий, и исключают международный контроль собственной космической деятельности. Такая ситуация становится все более нетерпимой. Поэтому Россия и Китай совместно выступили с инициативой обновления договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения или угрозы применения силы в отношении космических объектов. Законодательное запрещение превращать околоземное космическое пространство в поле вооруженного противостояния становится приоритетом международной жизни. В последние годы обсуждается проект международного кодекса поведения в области космической деятельности. Не исключены и другие подвижки в направлении международно-правового регулирования мирного освоения космического пространства (ср. [5]).

Что же касается глобального информационного пространства, то здесь в полной мере требуется разработка международных норм, принципов и стандартов, основанных на международном праве. Большинство стран мира, стремясь к интернационализации управления Интернетом, продвигают принципы многостороннего подхода, прозрачности и взаимного доверия, выступают за выработку правил поведения в сети, которые будут согласованы на международном уровне.

Разработка под эгидой Организации Объединенных Наций международного акта, имеющего обязательную силу в области международной информационной безопасности, а также своего рода кодекса поведения в данной сфере является важной составляющей российской политики. Разработать и, главное, одобрить такой документ в качестве международно-правового акта – сложная и долговременная задача, однако первые шаги в этом направлении сделаны. Российский проект концепции кодекса поведения анонсирован на сайте Совета безопасности Российской Федерации. А проект правил поведения в области обеспечения МИБ, разработанный в рамках ШОС в 2011 г., был представлен в качестве официального документа на рассмотрение 66-й сессии ГА ООН [16, с. 64]. В 2015 г. этот документ был внесен ШОС и БРИКС в ООН в доработанной версии, где делался акцент на правах человека, свободе доступа, принципе наращивания потенциала развивающихся стран. Причем предлагалось рассматривать его в качестве основы для дальнейших переговоров.

В результате в контексте Группы правительственных экспертов ООН по проблемам международной информационной безопасности в 2015 г. удалось консенсусом принять доклад Генеральному секретарю, в котором впервые согласованы вопросы поведения на глобальном информационном пространстве [11]. Однако и в данном случае речь идет о моральных, а не о юридических обязывающих обязательствах. США по-прежнему отрицают необходимость принятия специального обязывающего международно-правового документа, который мог бы ограничить национальную политику в глобальном информационном пространстве. Однако в современном мире трудно закамуфлировать действия, направленные в первую очередь на укрепление национального превосходства на виртуальном поле, а не на создание приемлемого для международного сообщества режима, основанного на равноправии, солидарности и партнерстве.

Не менее важно формирование международно-этической публичной ткани МНТО. В этой связи необходимо в первую очередь формировать многополярное мировое устройство,

исключающее доминирование одного полюса, а также активизировать деятельность Всемирной комиссии по этике научных знаний и технологий, созданной при ЮНЕСКО в 1998 г. Именно здесь вырабатываются этические положения, рекомендуемые человечеству, обусловленные постепенным и неизбежным распространением в общественной жизни конвергентных технологий NBIC. Задача состоит в том, чтобы эти рекомендации получили широкое признание [1, с. 405–408].

Таким образом, в многополярном мире глобальный технологический альянс со временем станет реальностью, формируя целостное международно-правовое регулирование международных научно-технологических отношений и международные этические ценности НТП цифровой эпохи, внося вклад в глобальную безопасность и новое качество международных отношений.

REMARKS CONCERNING THE IMPACT OF SCIENCE AND TECHNOLOGY PROGRESS ON INTERNATIONAL RELATIONS IN DIGITAL ERA

*Alexey V. Biryukov, PhD in history, Associate Professor,
Humanitarian Technology Faculty, Russian New University
22 Radio str., Moscow, 105005. E-mail: a-birioukov@mail.ru*

Summary

The article investigates the problem of Science and Technology impact on International Relations. Special attention was drawn to International Science and Technology Relations in Digital Era. They are developing within the context of Global Information Revolution and transition to Multipolar World. In the prospective part the article deals with transformation of International Science and Technology Relations and establishment of Global Technology Alliance. The latter could include creation of Global Technology Fund, renovation of Global Technology Transfer and broadening of Global Cloud Technology Resource.

Key words: *International Science and Technology Relations (ISTR), Global Technology Revolution, Technology Wave, Technology Transfer, NBIC, Technology Singularity, Global Cloud Technology Resource.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бирюков А.В. Современные международные научно-технологические отношения. — М.: РосНОУ, 2014.
2. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М.: Экономика, 2010. С. 89.
3. Голиченко О.Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России. М.: Наука, 2011.
4. Дугин А.Г. Международные отношения. Парадигмы, теории, социология. — М.: Академический Проект, 2013.
5. Зведре Е.К. Можно ли избежать появления в космосе ударных систем оружия (попытки создания космического оружия и поиск международно-правового решения проблемы) // Ежегодник ИМИ. — М.: МГИМО-Университет, 2014. № 2.
6. Инновационные направления современных международных отношений / Под ред. А.В. Крутских и А.В. Бирюкова. — М.: Аспект Пресс, 2010.
7. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. — М.: Книжный мир, 2014.
8. Механик А. Бизнес со скоростью света // Эксперт. № 26–27. 29 июня — 5 июля 2015.
9. Мир в 2030 году: прогноз американских экспертов (о докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры») // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 3 (38). — М.: МГИМО-Университет, 2013.
10. Моисеев Н.Н. Мировое сообщество и судьба России. — М.: Издательство МНЭПУ, 1997.
11. «Нам удалось договориться в условиях конфронтации и санкций». Интервью специального представителя Президента России по вопросам международного сотрудничества в сфере информационной безопасности Крутских А.В. // Коммерсант. — 2015. — 17 августа.

12. *Овчинников В.В.* Технологии глобальной конкуренции. – М.: ИНЭС–МАИБ, 2012.
13. *Орлов А.А.* Новая парадигма международных отношений // *Международная жизнь*. – 2014. – № 10. – С. 66–73.
14. *Роговский Е.А.* США: информационное общество (экономика и политика). – М.: Международные отношения, 2008. 408
15. *Роговский Е.А.* Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. – М.: Международные отношения, 2014.
16. Современное состояние и перспективы развития военного сотрудничества Российской Федерации в области международной информационной безопасности. – М.: Министерство обороны, 2014.
17. *Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина.* – М.: Аспект-Пресс, 2012.
18. Стратегия экономического партнерства БРИКС (принята по итогам седьмого саммита БРИКС), г. Уфа, Российская Федерация, 9 июля 2015 года.
19. *Федотовский Н.* Тормоз неравенства // *Эксперт*. – 2015. – № 23. – 1–7 июня.
20. *Цыганов В.В.* Адаптивные механизмы и высокие гуманитарные технологии. Теория гуманитарных систем. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2012.
21. *Яковец Ю.В.* Глобальные экономические трансформации XXI века. – М.: Экономика, 2011. 377 с.
22. *Bostrom N.* Super Intelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

Е.С. ЗИНОВЬЕВА

ВЫЗОВЫ И РИСКИ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА*

*Зиновьева Елена Сергеевна, к. полит. н.,
доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: zinovjeva@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена исследованию вызовов и рисков для международной безопасности, возникающих в связи с развитием глобального информационного общества. Охарактеризованы основные тенденции развития глобального информационного общества, а также подходы к его изучению и оценке влияния на современную мировую политику. В статье изучены основные вызовы, риски и угрозы, возникающие в связи с развитием глобального информационного общества, а также рассмотрены перспективы международного сотрудничества по обеспечению международной информационной безопасности.

Ключевые слова: *информационное общество, информационная безопасность, интернет, международная безопасность.*

РАЗВИТИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ

За всю историю человечества Интернет стал самым быстро растущим средством коммуникации. Масштабы использования глобальной сети неуклонно возрастают: если в начале 2008 г. насчитывалось 1,4 млрд пользователей, то в 2014 г. их число удвоилось и достигло 2,8 млрд, то есть составило уже более трети населения Земли [33]. В сети размещено несколько миллиардов сайтов и изображений, а объем передаваемых через Интернет данных удваивается ежеквартально. В России на 2014 г. Интернетом пользовалось 47 % населения страны, то есть около 68 млн человек [4]. Если телефону, чтобы занять 30 % рынка домаш-

*Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» № 14-18-02973

них хозяйств, потребовалось 38 лет, то Интернету – всего 7. В целом с 2000 г. количество пользователей Интернета в мире выросло на 342 % [33].

Зарождение Интернета датируется 1969 г., когда четыре компьютера впервые были объединены в сеть в рамках научно-исследовательских работ Министерства обороны США. Современный Интернет состоит из технической инфраструктуры, включающей в себя серверы, маршрутизаторы, кабельные и беспроводные, в том числе спутниковые каналы связи, компьютеры конечных пользователей, и передающейся по этим сетям информации, то есть собственно содержания Интернета. Самым популярным сервисом Интернета, делающим его столь удобным для пользователя, является «Всемирная (коммуникационная) паутина» (World Wide Web, WWW), представляющая собой связанные гиперссылками графически представленные текстовые страницы, изображения, видео в сочетании с необходимым программным обеспечением для их распространения и воспроизведения. Другими видами сервисов являются электронная почта, файлообменные или peer-to-peer сети, IP-телефония, электронные платёжные системы и др. Слаженную работу Интернета как единой информационной системы обеспечивает система доменных имен и корневых серверов.

В западной литературе часто используется понятие киберпространства, под которым понимается виртуальная сфера хранения информации и оперирования с ней, не привязанная ни к какой определенной территории, но доступная в любой точке мира через Интернет. Несмотря на то, что информация, размещенная в Интернете, физически хранится в компьютерных системах, которые расположены на территории той или иной страны, киберпространство транснационально, оно как бы находится вне территории государств.

Насегодняшний день охват Интернета глобален, при этом наибольшее число пользователей проживает в Азии (44 % от общего числа, всего более 1 млрд), на втором месте Европа (21,5 % от общего числа, всего 518 млн), затем Северная Америка (11 % от общего числа, всего 273 млн). Менее всего пользователей в Австралии и Океании (1 % от общего числа, всего 24 млн; впрочем, там и численность населения меньше, чем в любой другой части света) [33]. В России 2014 г. Интернетом пользовалось 47 % взрослого населения страны, то есть около 55 млн человек, при этом по числу пользователей лидируют Москва и Санкт-Петербург, несмотря на постепенное преодоление цифрового разрыва, особенно за счет сельской местности. В целом уровень проникновения Интернета в РФ относительно невысок – 47 %, однако в крупных городах он превышает 65 % [14]. Статистические данные показывают, насколько велик вес Интернета как средства коммуникации в современном обществе.

На современном этапе можно выделить ряд тенденций, характерных для развития интернета, которые неизбежно окажут существенное влияние на будущий облик глобального информационного общества, в том числе в контексте безопасности его развития.

1. Основное количество вновь подключающихся пользователей проживает в странах Азии и Ближнего Востока. По экспертным оценкам, эти регионы сохраняют свой потенциал для Интернет-технологий и в обозримом будущем. Как следствие: второй по распространенности после английского языка в Интернете – китайский [33], и у него есть все шансы обойти английский, особенно после внедрения многоязычных доменных имен (многоязычные доменные имена – имена, представленные символами национальных алфавитов, а не только латинского алфавита). Россия также стремится занять достойное место в Интернет-пространстве и упрочить позиции русского языка. В 2010 г. был создан домен на кириллице «.рф». Таким образом, в будущем мы станем свидетелями действительно многоязычного Интернета.
2. Идет формирование так называемой повсеместной сети, или Web 3.0. Большая часть подключений осуществляется не с помощью стационарных компьютеров (как это было предусмотрено создателями сети), а с помощью мобильных телефонов и иных типов устройств, использующих, как правило, динамические IP-адреса (динамические IP-адреса присваиваются устройству, подключаемому к сети, только на время подключения, в отличие от традиционных, статических IP-адресов, которые присваиваются устройствам – персональным компьютерам – на постоянной основе).

3. Широкое распространение получают блоги, социальные и peer-to-peer сети, вследствие чего пользователи уже не являются пассивными получателями информации, а ее активными создателями, зачастую создавая серьезную конкуренцию ведущим медиакомпаниям. В 2009 г. число пользователей социальных сетей впервые превысило число пользователей электронной почты. В настоящее время число пользователей социальной сети Facebook превышает 1 млрд, причем наибольший прирост пользователей Facebook наблюдается в таких регионах, как Россия, Индия, Бразилия, Ближний Восток и Африка. Быстро развиваются и национальные социальные сетевые сервисы. Так, по данным компании Alexa, российская социальная сеть «В контакте» занимает 26-е место в мире по объему трафика (для сравнения Facebook занимает 1-е место, Twitter – 7-е, а китайская социальная сеть QQ – 10-е) [42].
4. Наметилась тенденция к конвергенции телекоммуникаций или появлению унифицированных коммуникаций. Постепенно происходит объединение Интернета и других телекоммуникационных технологий: радио, телевидения, телефона и др. на основе IP-сетей или сетей, основанных на пакетной передаче данных.
5. Широкое распространение получает «облачная» обработка данных. Все больше цифровых ресурсов отдельных пользователей и организаций хранится и обрабатывается на так называемых «серверных фермах», то есть комплексах крупных хранилищ данных. Услуги «облачной» обработки данных предоставляют такие компании, как Google, Microsoft, Apple, Amazon и Facebook. Распространение такого рода технологий в условиях возрастающей зависимости общества от информации делает Интернет действительно трансграничным, но при этом обостряет политическое измерение контроля перемещения информационных потоков в Интернете.
6. К перспективным технологическим тенденциям развития Интернета относят также появление так называемых «больших данных» (англ. Big Data). Как правило, под «большими данными» понимают массивы данных, размер которых превышает чисто аппаратные возможности их хранения, управления и анализа. Сам термин получил распространение во второй половине 2000-х гг. в связи с оцифровкой больших массивов данных, а также появлением значительных объемов цифровой персональной информации пользователей социальных сетей. Появление «больших данных», а также специального программного обеспечения и разнообразных интеллектуальных технологий, делающих возможным преодоление аппаратных ограничений и позволяющего анализировать «Большие данные», в перспективе может стать, помимо всего прочего, очередным пунктом в повестке дня международной информационной безопасности. Как отмечают К.Н. Кукьер и В. Майер-Шёнбергер: «Если говорить об ускорении экономического роста, оказании услуг населению или о ведении войн, преимущества получают те, кто сможет поставить «большие данные» себе на службу» [8].

Как и любая другая технология, информационные технологии и сформировавшееся на их основе информационное общество оказываются тесно связанными с политикой, так как определение ключевых характеристик технологий является предметом политических противоречий, в том числе на международном уровне. Транснациональная природа информационного пространства, а также ряд иных его характеристик и перспективных тенденций развития диктуют необходимость международного взаимодействия, в том числе с целью обеспечения безопасности информационно-коммуникационных технологий и глобального информационного общества.

Теоретики глобализации обращали внимание на сжатие пространства-времени в связи с развитием Интернета, спонтанность событий, а также возрастающее глобальное самосознание, которые связаны с целым рядом современных организационных форм [23]. Исследователи социального капитала признают появление новых форм социального взаимодействия и взаимосвязи и упадок или исчезновение традиционных организаций,

которые обладают возможностью создания управляемых персональных взаимодействий [25]. Кроме того, политологи отмечают формирование альтернативных публичных сфер политики в связи с информационной революцией [24].

Интернет усиливает многие значимые тенденции и процессы современной мировой политики, в том числе глобализацию, размывание государственных границ, взаимозависимость в экономической сфере, выход на мировую арену негосударственных акторов. Одним из негативных последствий глобальной информатизации стало ее влияние на межгосударственное противоборство, которое активно проникает в цифровую среду, порождая такой феномен, как информационные войны и конфликты, а также кибершпионаж. Террористическая и преступная деятельность также пополнилась новым арсеналом средств информационного воздействия, порождая новые угрозы национальной и международной безопасности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Важная роль информационных технологий выражается сегодня в том, что современное общество описывается как информационное. Термин «информационное общество» получил широкое распространение и в официальных документах на международном (напр., Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая «Группой восьми» в 2000 г., итоговые документы *Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества*, проходившей под эгидой ООН в 2003 и 2005 гг. и др.) и национальном уровнях (в том числе в официальных документах Российской Федерации, таких как *Стратегия построения информационного общества 2008 г.*, *Долгосрочная федеральная целевая программа «Информационное общество 2011–2018»* и др.).

В научной литературе концепция «информационного общества» является относительно устоявшейся, при этом общепризнано, что Интернет является ключевой инфраструктурой, вокруг которой формируется глобальное информационное общество. Как правило, термины «постиндустриальное», «технотронное», «информационное», «сетевое», «общество, основанное на знаниях» используются как синонимы, что, вообще-то, неправомерно, поскольку данные термины отражают различные сущностные характеристики современного этапа развития (подробнее см. [12]).

Под информационным обществом понимают общество, ключевое значение в формировании, развитии и функционировании которого играет информация¹. Причем информация и используемые для ее передачи технологии определяют экономические, политические, культурные, социальные и другие характеристики информационного общества. Большинство исследователей соглашаются в том, что международные отношения на протяжении последних десятилетий изменились под влиянием информационной революции.

В западной литературе для обозначения нового качества глобального информационного общества часто используют уже упоминавшийся выше термин (фактически – метафору, одну из разновидностей так называемой метафоры вместилища) «киберпространство». В науке о международных отношениях данный термин не обрел четкой формулировки. Р. Рирдон и Н. Чоукри на основании анализа академических и публицистических статей из сферы международных отношений заключили, что термин «киберпространство» тесно связан с такими понятиями, как Интернет, информационные технологии, коммуникационные технологии, глобальные сети, социальные медиа и базы данных [41].

Несмотря на то что большинство исследователей соглашаются с тем, что категория информации является ключевой в определении информационного общества, даваемые ими определения понятия «информационное общество» существенно отличаются. Так, знаменитый испанский социолог М. Кастельс (с 1979 г. работает в США) понимает под информационным обществом общество, построенное по сетевому признаку, где ключевое значение имеет принадлежность к той или иной сети – такой, например, как сети крупных транснациональных компаний или СМИ. Глобальная информационная сеть формирует новую организационную структуру информационных процессов и потоков, которые в свою

¹ Это лишь одно из многих определений информационного общества (см. ниже. – прим. Ред.).

очередь изменяют иные существующие социальные структуры, преобразуя их в сетевые. М. Кастельс полагает, что на сегодняшний день сложилась определенная культура сетевого общества, которая обуславливает глобализацию экономики, информации и культуры. М. Кастельс показывает, что сетевое общество включает в себя государства, но не ограничивается ими и представляет собой общность более высокого порядка. В заключении книги «Сетевое общество» Кастельс утверждает, что власть над потоками информации менее значима, чем власть потоков информации [23]. Социологи Д. Белл и А. Турэн обращали внимание на формирование постиндустриального общества, полагая, что потоки информации трансформировали индустриальное общество [22]. Авторитетный социолог, представитель критической школы М. Постер связывает современные медиа-структуры и общество постмодерна [40]. По мнению исследователя СМИ Г. Шиллера, придерживающегося, как и Кастельс, неомарксистских взглядов, в информационном обществе ключевое значение имеют капиталистические отношения, информация становится товаром, а крупные транснациональные корпорации получают возможности эксплуатации слаборазвитых в экономическом плане государств. Теоретическое осмысление и систематизация различных концепций информационного общества представлено в работе Ф. Уэбстера «Теории информационного общества» [18] (см. также [12; 15]).

Т. Фридман в книге «Лексус и оливковое дерево», написанной в 1999 г., подчеркивает взаимосвязь между развитием Интернета и процессами глобализации [30]. Позднее, в 2005 г., в книге «Плоский мир» он утверждает, что Интернет и другие информационные технологии сделали нас «соседями», убивают географию, расстояние и язык [31]. По его мнению, все то, что сегодня понимается под глобализацией: свободный обмен товарами, капиталами, рабочей силой, невзирая на расстояния и государственные границы, не было бы возможным без обмена информацией, знаниями и идеями.

Соглашаясь с доводами Т. Фридмана, нельзя не отметить, что развитие Интернета отнюдь не влечет за собой гомогенизацию и универсализацию мира, а также не разрешает проблему конфликтности, присущей международной системе. Ответом на стремительный рост объема мировой информации и глобализационные процессы является сегментация и маргинализация общества. Государственные, географические разграничения дополняют новые информационные границы. Развитие Интернета создает новые линии неравенства между «инфобогатыми» и «инфобедными», что порождает противоречия на международной политической арене. Речь идет о так называемой проблеме «цифрового разрыва», нашедшей свое отражение в Окинавской хартии информационного общества, в которой призывалось сделать все возможное, чтобы каждый человек имел «возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям» [10].

Информатизация становится доминирующей характеристикой современности. Соответственно, уровень развития общества определяется сегодня уровнем информатизации протекающих в нем процессов. Между развитым и развивающимся миром существует «цифровой разрыв». Таким образом, политическое лидерство в мире предполагает также и информационное лидерство, лидерство в информационных технологиях. Как правило, многие авторы отмечают, что сегодня информация и информационные технологии выступают в роли важной составляющей т.н. «совокупной мощи» государства. По выражению Г. Моргентау, «международная политика, как и любая другая, есть борьба за власть» [37, с. 82]. Показателями информационной силы государства являются наличие/отсутствие на его территории больших баз данных (хранение информации), суперкомпьютеров (обработка данных), а также корневых серверов и доступа к широкополосному Интернету (передача информации).

Интернет не является независимым агентом изменений, определяющим ключевые характеристики современного общества и мировой политики. Как и любая другая технология, Интернет вписан в более широкий социальный, политический, экономический контекст и чувствителен к происходящим в обществе, в том числе и на международном уровне, процессам. В сфере международной политики влияние информационной глобализации может быть систематизировано следующим образом:

- Возрастает значимость информации и знаний, вследствие чего экономическое развитие в большей степени, чем раньше, зависит от идей и знаний, а государства,

на территории которых расположены центры инноваций и высокотехнологичных производств, усиливают свое влияние на международной арене.

- Размываются границы между международной и внутренней политикой, между военной и гражданской сферами, межгосударственные границы становятся более проницаемыми, что способствует «размягчению» государственного суверенитета, однако сильные государства сохраняют потенциал влияния в глобальной информационной сфере.
- Развивается «диффузия власти» в мировой политике, вследствие чего негосударственные акторы (в частности, бизнес-структуры, неправительственные организации, исследовательские и академические сообщества, а также отдельные индивиды) активно выходят на международную арену.
- Происходит сжатие времени и пространства — в условиях глобальной информатизации изменения, в том числе и международно-политические, развиваются быстрее, и ими сложно управлять.
- Изменяется природа власти в мировой политике, происходит расширение публичной сферы, формируются транснациональные движения, организованные по сетевому признаку, контроль над информацией, знаниями, верованиями и идеями начинает рассматриваться как важный компонент контроля над материальными ресурсами: ИКТ позволяют накапливать информацию и трансформировать ее в знания, которые являются ресурсом власти.
- В условиях отсутствия общепринятых правил взаимодействия и обеспечения безопасности формируются национальные, но не международные инициативы, что создает новые и обостряет уже существующие риски и угрозы для международной информационной безопасности.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одно из негативных последствий бурного развития Интернета и других информационно-коммуникационных технологий — возникновение новых форм международных конфликтов, включая информационные войны, сетевые войны, хакерские атаки и т.п. Как отмечает посол по особым поручениям МИД России, представитель Президента по международному сотрудничеству в области информационной безопасности А.В. Крутских, «основная озабоченность в сфере обеспечения международной информационной безопасности связана с возможностью применения информационно-коммуникационных технологий в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности» [7, с. 28–37].

Доктрина информационной безопасности России дает следующее определение: «под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [6]. Как справедливо отмечает российский эксперт А.В. Федоров, «в результате распространения информационно-коммуникационных технологий изменяется характер социума, следовательно, изменяется характер возникающих в нем противоречий и их разрешения» [19, с. 82]. Все большее число государств вовлекаются в создание программ информационных средств воздействия, а также ведения информационных войн. Террористические и преступные группировки также берут на вооружение средства информационного воздействия.

Категория информационной безопасности появилась в международно-политической повестке дня и, как следствие, в исследовательском и публицистическом дискурсе после окончания «холодной войны» в результате изменения геополитической ситуации и информационной революции. Изначально термин «информационная безопасность» использовался в контексте развития ИКТ для обозначения технических проблем, связанных с функционированием компьютерных сетей. Впоследствии, однако, он получил более широкое употребление, выходящее за рамки исключительно технологической сферы.

В современной российской исследовательской литературе международная информационная безопасность рассматривается в контексте так называемой «триады

угроз» международной информационной безопасности, определяемой через целеполагание ее субъектов, которая включает в себя террористическую, военную и криминальную угрозы; именно такая позиция зафиксирована в ряде документов ГА ООН [27]. Публикации западных исследователей проблем безопасности в цифровую эпоху, как правило, посвящены анализу следующих тем: защита критических информационных инфраструктур, информационные войны, информационные операции, преступность и терроризм в сфере ИКТ, информационная революция в военном деле. В основном научная литература по данной проблематике ориентирована на лиц, принимающих решения, и мало занимается разработкой и применением теории. При этом многие авторы, как российские, так и зарубежные, отмечают, что именно военно-политическое измерение угроз безопасности представляет наибольшую угрозу международной стабильности (см., напр., [37] и др.). Кроме того, в России широко представлен подход к международной информационной безопасности, который предполагает подведение под это понятие как технологических угроз безопасности, так и более широкого спектра информационно-психологических угроз (в другой терминологии социо-гуманитарных [17] или политико-идеологических [20])², связанных с распространением и содержанием контента информационных сетей.

В российских официальных документах и выступлениях официальных лиц практикуется расширенный подход к определению информационной безопасности, включающий в себя как информационно-технические, так и политико-идеологические аспекты (что обосновывается возможным негативным влиянием некоторой части контента глобальной сети на общественное мнение в стране). Россия выступает за использование термина «информационная безопасность» в ходе международных переговоров, что подразумевает широкий подход к определению безопасности в цифровой сфере. Схожего подхода придерживается Китай. Страны Запада, особенно США, в дипломатической практике используют термин «кибербезопасность», что предполагает учет исключительно информационно-технических проблем, прежде всего обеспечение стабильной работы информационных сетей и систем, а также защиту данных.

Отметим, впрочем, что в последние годы среди западных исследователей также появляются представители подхода, подчеркивающего значимость политико-идеологической составляющей угроз информационной безопасности. В частности, М. Данн, глава отдела в Центре исследований безопасности (Швейцария) отмечает, что было бы неправильным сводить проблему информационной безопасности исключительно к инфраструктурной составляющей, к кибератакам или киберинцидентам или, напротив, к объектам безопасности, так как средства атаки могут быть физическими или виртуальными [29].

На экспертном уровне ведется работа по согласованию этих подходов. В 2011 г. Институт Восток–Запад, базирующийся в США, и Институт проблем информационной безопасности МГУ разработали и согласовали список 20 базовых терминов в сфере информационной безопасности, которые, по мысли экспертов, могли бы лечь в основу возможной двусторонней договоренности между Россией и США [40]. Список включает в себя три группы терминов, классифицированных тематически:

- 1) *поле действий* (киберпространство, кибернетическая инфраструктура, киберсервисы, критически важное киберпространство, критически важная кибернетическая инфраструктура, критически важные киберсервисы);
- 2) *виды угроз* (киберпреступление, кибертерроризм, киберконфликт, кибервойна, кибербезопасность);
- 3) *способы действий* (боевые действия в киберпространстве, кибератака, киберконтратака, оборона и противодействие в киберпространстве, кибервойна, оборонительные возможности в киберпространстве, наступательные возможности в киберпространстве, использование преимуществ в киберпространстве, средства киберсдерживания).

Можно согласиться с российским экспертом А.В. Бедрицким, который полагает, что «перечисление терминов, по которым российские и американские эксперты смогли достичь

² Вопрос о том, являются ли отличия между этими категориями чисто терминологическими, дискуссионен. — *Прим. ред.*

согласия, явно указывает на справедливость официальной позиции российской стороны, настаивающей на необходимости рассматривать проблемы международной информационной безопасности в разоруженческом аспекте» [1]. Показательно, что выработанная терминология основана на узком подходе и не включает в себя социо-гуманитарную составляющую информационной безопасности, что, возможно, объясняется 2011-м г. публикации данной работы, то есть до принятия официальных документов, где было закреплено приоритетное внимание к социо-гуманитарному измерению безопасности в цифровой сфере.

В докладе Группы правительственных экспертов ООН от 2010 г. указано, что глобальное информационное пространство становится ареной разрушительных действий и что киберугрозы становятся одним из важнейших вызовов XXI века [32]. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН подчеркивают национальную ответственность за обеспечение информационной безопасности на уровне национальных государств [26].

Главной угрозой информационной безопасности в военно-политическом плане является ведение информационных войн и информационного противоборства между государствами. В документе «Основы государственной политики РФ в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» использование интернет-технологий в качестве «информационного оружия в военно-политических, террористических и преступных целях», а также для «вмешательства во внутренние дела государств» обозначены как угрозы информационной безопасности для России и мира [11]. Страны НАТО российский подход к пониманию киберугроз не разделяют, отказываясь признавать возможность использования информационных технологий, социальных сетей в целях нарушения общественной стабильности и правомерность их рассмотрения как угрозы национальной и международной безопасности, что может стать препятствием на пути к международному сотрудничеству в данной области.

На современном этапе особую опасность в рамках информационно-технологической компоненты информационного противоборства приобретает воздействие на критические информационные инфраструктуры государства. Атаки вируса Stuxnet на ядерные объекты Ирана в 2010 г. показали уязвимость информационных технологий, обеспечивающих работу жизненно важных систем жизни общества и государства. В настоящее время информационные атаки на критические инфраструктуры государства, такие как системы электронного правительства, банковские системы и др., получили широкое распространение как в России, так и за рубежом. Трансграничный характер информационных технологий, их доступность, анонимность пользователей затрудняют решение проблемы. Кроме того, во многих странах большая часть критически важных информационных ресурсов, сетей и систем находится в частной собственности, что обуславливает необходимость частно-государственного партнерства для обеспечения их безопасности.

В условиях постоянного динамического развития информационных технологий происходит совершенствование видов их злонамеренного использования – появляются новые виды информационного оружия, вредоносного программного обеспечения, вирусных атак и пр. По оценке российских экспертов, современные супервирусы настолько сложны, что их создание, скорее всего, под силу только высококвалифицированным командам специалистов, для чего необходимы временные, финансовые и людские ресурсы [5].

К числу успешных примеров использования информационного оружия аналитики также относят использование супервируса-шпиона Flame, собиравшего доступную информацию в различных информационных сетях, в том числе в сетях сотовой связи, а также супервируса-шпиона Red October, который был направлен против научных и государственных информационных систем и был обнаружен в России и других странах СНГ, а также в ряде других государств Латинской Америки и Ближнего Востока.

В современных конфликтах информационное оружие используется как вспомогательное средство, расширяющее возможности вооруженных сил, а также в целях работы с мировым и внутригосударственным общественным мнением. Под информационным оружием понимают средства и методы, применяемые с целью нанесения ущерба информационным ресурсам, процессам и системам, негативного информационного воздействия на оборонные, управленческие, политические, социальные, экономические и другие критически важные инфраструктуры государства, а также массивной психологической обработки населения

с целью дестабилизации общества и государства. Приведем определения, выработанные Шанхайской организацией сотрудничества: «Информационное оружие – информационные технологии, средства и методы, применяемые в целях ведения информационной войны» [16, с. 242]; «Информационная война – противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам или ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической, социальной систем, массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны» [16, с. 242].

В условиях всеобщего доступа к информации, широкого распространения Интернета особое значение имеет работа с общественным мнением как внутри страны, так и на международной арене, что наглядно продемонстрировали события в ходе августовской пятидневной войны в Южной Осетии 2008 г. В этих условиях контроль над информационным пространством выступает как инструмент навязывания противнику своих целей посредством воздействия на его систему ценностей, установки и восприятие мира³. В информационно-психологической области, как отмечает российский исследователь Р.В. Болгов, воздействие оказывается на психологическую сферу с помощью методов пропаганды, дезинформации, манипулирования сознанием, которые мало изменились по своей сути со времен Сунь-цзы. Сами эти методы совершенствовались скорее эволюционно, чем революционно. Новизна заключается в использовании старых методов информационного воздействия, но с помощью новых средств (прежде всего, Интернета) [2, с. 78].

В отсутствии признанных на международном уровне понятий «информационное оружие», «информационная война», а также критериев идентификации подобных феноменов, исследователи все чаще обращаются к термину «гибридная война» или «многомерная война» [3], при этом в современных конфликтах элементы информационного и кибероружия используются все чаще. Так, как отмечает эксперт в области международной безопасности, полковник в отставке А.О. Гилев: «Современная война многомерна. Она сочетает информационное, военное, финансовое, экономическое и дипломатическое воздействие на противника в реальном времени. Предполагается, что массированное и координированное использование всех невоенных методов может оказаться достаточным, чтобы запугать и ослабить оппонента, сведя применение Вооруженных сил к минимуму. Для успеха необходимо, во-первых, обеспечить как можно более полную международную изоляцию объекта воздействия, а во-вторых, заручиться возможностью оказывать на него давление изнутри» [3]. Информационное противоборство становится частью межгосударственной конкуренции и в мирное время. Как заявил Президент Российской Федерации В.В. Путин, в 2014 г. было пресечено порядка 74 млн кибератак на официальные сайты российских структур и государственных органов [14].

В настоящее время более 120 стран занимаются разработками информационного и кибероружия, что стало наименее затратным в политическом (и не только) отношении ответом на неспособность поддерживать баланс сил в области обычных вооружений. В большинстве стран разрабатываются концепции ведения информационных войн и предпринимаются попытки их реализации. Между тем, дальнейшее движение по этому пути может расшатать сложившуюся систему международной безопасности и контроля над вооружениями. Как убедительно показал в своей работе сотрудник «РЭНД Корпорейшн» Мартин Либики, традиционные меры сдерживания в информационном пространстве малоэффективны вследствие дешевизны и доступности кибероружия, а также сложности выявления источника угрозы [37].

Можно утверждать, что гонка информационных и кибервооружений уже началась. Эта гонка на национальном и международном уровнях будет отражать текущий баланс сил на международной арене. Военные теоретики высказывают предположение, что информационное пространство становится «пятым полем боя», наряду с землей, морским и воздушным пространствами, космосом [34].

Информатизация порождает новые угрозы и для государств-лидеров, усиливая

³ Иногда такой инструмент неправомерно отождествляется с так называемой «мягкой силой»: реально эти категории всего лишь пересекаются. – *Прим. ред.*

асимметричную составляющую современных конфликтов, в результате чего развитие в технологическом плане государства оказываются весьма уязвимыми. По мнению ряда исследователей, американская военная мощь и развитие информационного оружия на деле лишь способствовали провоцированию глобальной конфликтности, в том числе, за счет попыток противников США создать ядерное оружие, и ослабили безопасность, для обеспечения которой предназначались [3, с. 12]. Кроме того, неоднозначное влияние ИКТ на международную безопасность проявляется, с одной стороны, в их содействии демократизации (что и является их целью в соответствии с официальной позицией США) и, следовательно, снижению конфликтности. С другой стороны, информационные технологии являются удобным инструментом для создания асимметричных угроз и наращивания политического влияния, результатом чего становится провоцирование новых вооруженных столкновений [3, с. 13].

В результате глобальной информатизации формируется новая среда безопасности и новые вызовы, на которые государства вынуждены реагировать. Многие из них носят внутренний характер, хотя и проистекают из киберпространства, которое по своей природе транснационально. Вместе с тем растет список общих, стоящих перед всеми государствами вызовов, который мог бы стать основой для достижения международных договоренностей.

Информационное пространство по своей природе транснационально, информационные вызовы и угрозы не ограничиваются пределами отдельных государств. Для обеспечения международной информационной безопасности необходимо сотрудничество, опирающееся на нормы международного права при учете особенностей цифровой среды. Поиск путей предотвращения как государствами, так и террористическими и иными преступными организациями злонамеренного использования информационно-коммуникативных технологий, способного привести к нарушению международного мира и безопасности, является в последние годы одним из трендов в дискуссиях политиков, ученых и специалистов в данной области.

CHALLENGES AND THREATS OF THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY

*Elena Zinovieva, PhD (Political Science),
Associate Professor at the Department of World Politics,
MGIMO-University, 76 Vernadsky Ave., 119454. Moscow.
E-mail: zinovjeva@mail.ru*

Summary

The article investigates the challenges and risks to international security arising from the development of the global information society. The basic trends of the global information society development are analyzed, as well as theoretical approaches to the theory of information society. The author also assesses the impact of the global information society development on the world politics. The paper examines the main challenges, risks and threats arising from the development of the global information society, as well as the prospects for international cooperation in the field of international information security.

Key words: *information society, information security, Internet, international security.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бедрицкий А.В.* Международные договорённости по киберпространству: возможен ли консенсус? // Проблемы национальной стратегии. 2012. №4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.riss.ru/images/pdf/journal/2012/4/10_.pdf
2. *Болгов Р.В.* Информационные технологии в современных военных конфликтах и вооруженных стратегиях. Дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук. —СПбГУ, 2011.
3. *Гилев А.О.* Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. № 5. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mnogomernaya-voina-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101>

4. Глава Минсвязи: Число пользователей Интернета в России увеличится на 30 млн человек // РБК, 22.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20140522014554.shtml>
5. Демидов О., Симоненко М. Пожар в киберпространстве // Индекс безопасности. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559127940.pdf>
6. Доктрина информационной безопасности РФ. Утверждена 09.09.2000.
7. Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы. — М., 2007. № 1 (5). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/003.htm>
8. Кукиер К., Майер-Шёнбергер В. Большие данные // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bolshie-dannye--16038>
9. Куликова А. Возможна ли гонка кибервооружений между Россией и США? // ПИР Центр, 28.01.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://pircenter.org/media/content/files/13/14243529940.pdf>
10. Окинавская Хартия глобального информационного общества. «Группа восьми». — Окинава, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/okinhar.htm>
11. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года. Утвержден 01.08.2013. // Совет Безопасности РФ: официальный сайт.
12. Паршин П.Б. Глобальное информационное общество и мировая политика // Аналитические доклады ИМИ. — М.: МГИМО-Университет, 2009. № 2 (23).
13. Путин: ФСБ в 2014 году пресекла 74 миллиона кибератак. РИА Новости. 26.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/defense_safety/20150326/1054622560.html
14. Развитие Интернета в регионах России // Информационный бюллетень Яндекс. Весна 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://download.yandex.ru/company/ya_regions_report_spring_2012.pdf
15. Сергеев В.М. Сравнительное изучение сетевых связей в современном мире (ворота в глобальный мир) // Ежегодник ИМИ. Вып. 3–4. — М.: МГИМО-Университет, 2014.
16. Соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности. 2009 г. // Международная информационная безопасность: дипломатия мира: сборник материалов / под ред. С.А. Комова. — М., 2009.
17. Стрельцов А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности России: теоретические и методологические основы. — М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iisi.msu.ru/UserFiles/File/publications/Streltsov.pdf>
18. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2005.
19. Федоров А.В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе: Учебное пособие. — М.: МГИМО-Университет, 2006.
20. Черненко Е.В. Холодная война 2.0 // Россия в глобальной политике. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kholodnaya-voina-20-15874>
21. Barlow J. A Declaration of the Independence of Cyberspace. — 1996. URL: <http://homes.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html>.
22. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. — N.Y.: Basic Books, 1973; Touraine A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. — N.Y.: Random House, 1971.
23. Castells M. End of Millennium. Volume 3, The Information Age: Economy, Society and Culture. — Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
24. Castells M. The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. № 616. URL: http://prtheories.pbworks.com/w/file/attach/45138545/Castells_2008_The_New_Public_Sphere.pdf
25. Castells M. The rise of network society. The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Malden, MA. — Oxford, UK: Blackwell, 1996.
26. Cyberprotest: new media, citizens and social movements / Ed. by W. van d Donk, B. Loader, P. Nixon, D. Rucht. Routledge, 2004.

27. Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security/, UN document A/RES/63/37. 02.12.2008.
28. Ibid.
29. *Dunn M.* Securing the digital age: the challenges of complexity for critical infrastructure protection and IR theory // International relations and security in the digital age/ Ed by *Eriksson J., Giacomello G.* Routledge, 2007.
30. *Friedman T.* The Lexus and the OliveTree. – N.Y.: Farrar Straus & Giroux, 1999.
31. *Friedman T.* The world is flat: a brief history of the twenty-first century. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
32. General Assembly, Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security, UN document A/65/201, 30 July 2010.
33. Internet World Stats.Usage and population statistics. URL:www.internetworldstats.org
34. *Lewis J., Timlin K.* Cybersecurity and Cyberwarfare: Preliminary Assessment of National Doctrine and Organization, UNIDIR, 2011.
35. *Libicki M.* Cyberdeterrence and Cyberwar. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009.
36. *Molander R.* Strategic Information Warfare: A New Face of War / *R. Molander, A. Riddile, P. Wilson.* CA: Rand Corporation, 1996.
37. *Morgenthau H.* Politics among nations: the struggle for peace and power. 1973.
38. *Neuneck G.* Civilian and military cyberthreats: shifting identities an attribution. // The Cyber Index. International Security Trends and Realities. UNIDIR, 2013. P. 115 // URL: <http://www.unidir.org/files/publications/pdfs/cyber-index-2013-en-463.pdf>
39. *Poster M.* The second media age. Blackwell, 1995.
40. *Rauscher K.F., Yaschenko V.* Russia–US Bilateral on Cyber Security: Critical Terminology Foundations. – N.Y., USA: EastWest Institute. 2011.
41. *Reardon R., Choucri N.* The Role of Cyberspace in International Relations: A View of the Literature. Paper prepared for the 2012 ISA Annual Convention. San Diego, CA April 1, 2012. URL: http://ecir.mit.edu/images/stories/Reardon%20and%20Choucri_ISA_2012.pdf/
42. Top Sites. Alexa Rank. The top 500 sites on the web. URL:<http://www.alexa.com/topsites>

И.Н. КОХТЮЛИНА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ

*Кохтюлина Ирина Николаевна, к.полит.наук,
Ответственный секретарь Научного совета
Национального института исследований глобальной безопасности
(НИИГлоБ), член-корреспондент РАЕН. E-mail: kin@niiglob.ru*

Аннотация

Статья посвящена использованию социальных медиа в качестве «мягкой силы 2.0», понимаемой автором как эффективный инструмент для достижения политических целей государства, в частности, для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигания межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганды расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию.

Ключевые слова: *социальные сети, международная информационная безопасность, мягкая сила, информационная война, цифровой медиадепартамент.*

В течение последнего десятилетия Россия последовательно и прагматично выстраивает отношения с мировым сообществом в области международной информационной безопасности, направленные на консолидацию усилий в противодействии угрозам в информационной сфере.

24 июля 2013 г. Президентом Российской Федерации утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.» [8].

В «Основах» под международной информационной безопасностью (МИБ) понимается «такое состояние глобального информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав личности, общества и прав государства в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры» [8, Статья 6].

В документе к числу основных приоритетов отнесено участие России в формировании механизмов международного сотрудничества в области противодействия угрозам

использования информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в террористических и экстремистских целях, в том числе для вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

В целом «Основы» закрепляют стремление Российской Федерации к масштабному сотрудничеству в деле укрепления мер доверия в сфере применения ИКТ и повышения эффективности переговорного процесса в области формирования системы международной информационной безопасности.

В отличие от старой триады составляющих МИБ (военно-политическая, криминальная и террористическая) в «Основах» изменена их структура и иерархия: в этом документе говорится об «использовании информационных и коммуникативных технологий

- 1) в качестве информационного оружия в военно-политических целях, противоречащих международному праву, для осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на дискредитацию суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности;
- 2) в террористических целях, в том числе для оказания деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры, а также для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников;
- 3) для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигания межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганды расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию;
- 4) для совершения преступлений, в том числе связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ».

В рамках настоящего доклада хотелось бы подробнее остановиться на третьей составляющей МИБ.

Ведущие страны мира разработали и реализуют стратегемы глобального информационного доминирования, в том числе через концепцию «мягкой силы»¹, то есть привлекательности и убеждения, а не принуждения.

Термин «soft power» – «мягкая сила» (имеются и иные варианты перевода) вот уже несколько лет пребывает в топ-листе тем, обсуждаемых научно-экспертными и политико-дипломатическими кругами. Помимо того, что у него имеется несколько вариантов перевода на русский язык, в литературе представлен ряд родственных терминологических инноваций, содержательные нюансы которых нуждаются в особом обсуждении, не входящем в задачи данной статьи.

Для небольших государств «мягкая сила» – это синоним эффективности соотношения ограниченных ресурсов влияния и дипломатического успеха, а также инновационности, экологичности и т.д.

В силу этого термин «soft power» оказывается потенциально совместимым с весьма разнообразными толкованиями, и это не в последнюю очередь обуславливает его популярность. Так, Дж. Най², введя его в предвыборные дискуссии в США, оказался убедительным и для республиканцев, и демократов.

Дж. Най понимал под властью способность добиваться желаемых результатов следующими тремя путями: принуждение, подкуп и привлекательность. Два первых подпадают под понятие жесткой власти, в то время как привлекательность – это признак мягкой

¹ «Мягкая сила» – форма политической власти, способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение.

² Джозеф С. Най-младший (Joseph S. Nye, Jr.; род. в 1937 г.) – американский ученый-международник, представитель нелиберализма, профессор Школы государственного управления им. Дж.Ф. Кеннеди в Гарвардском Университете. Впервые ввёл в оборот термин «мягкая сила» (англ. soft power) в своей книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990 г.). Впоследствии развил данное понятие в книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics» (2004 г.) и др. работах, некоторые из которых существуют в русских переводах.

власти. Следует особо подчеркнуть, что, вводя термин «мягкая сила», Най указывал на недостаточность использования одного из этих двух базовых ресурсов отдельно от другого.

С учетом современных реалий дефиниция «мягкой сила» неоднократно конкретизировалась и уточнялась, а стремительное развитие ИКТ способствовало подтверждению её эффективности как инструмента для достижения политических целей государства. Многие аналитики отмечают, что 2010 г. стал важной вехой для развития фактора «мягкой силы», так как именно этот период называют переходным от дебатов к количественному и качественному измерению данного фактора [15;16].

Изучением степени использования фактора «мягкой силы» различными государствами вот уже несколько лет занимаются английский независимый Институт управления и журнал «Монокль». В составленном рейтинге использования «мягкой силы» в 2014–2015 гг. 1-е место присуждено США, 2-е – Германии, 3-е – Великобритании. Китаю отведено 19-е место, России – 29 место [15].

Следует отметить, что одним из важных критериев, без которого было невозможно в полной мере определить влияние «мягкой силы» государства, стали различные количественные показатели: в частности, анализируются данные о количестве подписчиков на Twitter-аккаунты внешнеполитических ведомств и министров иностранных дел исследуемых стран.

В этом контексте, «мягкая сила 2.0.» сегодня (ср. [10]) может рассматриваться как метод реформатирования геополитического ландшафта планеты с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): стратегемы не прямых действий и контролируемой нестабильности (управляемого хаоса) являются эффективными средствами ведения политической борьбы на международной арене, которые используются в целях ослабления реальных и потенциальных противников.

В новой редакции (от 12 февраля 2013 г.) Концепции внешней политики Российской Федерации [4, п. 20] впервые введено понятие «мягкой силы», понимаемой как комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, ИКТ, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Обращено внимание на риски, связанные с деструктивным и противоправным использованием «мягкой силы» в целях оказания политического давления на государства, вмешательства в их внутренние дела, манипулирования общественным мнением и сознанием.

В Концепции рассмотрены меры, которые могут быть применены в интересах обеспечения национальной и международной информационной безопасности (пп. 32з–32и), предотвращения угроз политической, экономической и общественной безопасности РФ, возникающих в информационном пространстве, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами в сфере применения ИКТ, противодействия их использованию в военно-политических целях, противоречащих международному праву, включая действия, направленные на вмешательство во внутренние дела, а также представляющие угрозу международному миру, безопасности и стабильности. Учитывая особую важность этой проблемы, Россия будет добиваться выработки под эгидой ООН правил поведения по обеспечению МИБ.

В этом контексте, в выступлении Президента России В.В. Путина на заседании Коллегии ФСБ России 26 марта 2015 г. отмечено, что сегодня «для так называемого сдерживания России используется весь набор средств – от попыток политической изоляции и экономического давления до масштабной информационной войны и инструментов специальных служб» [1].

Им также было подчеркнуто, что «количество кибератак на официальные сайты и информационные системы органов власти России не уменьшается, только в прошлом году их пресечено около 74 млн. Кроме того, выявлено свыше 25 тыс. Интернет-ресурсов с публикациями, нарушающими закон. Прекращена работа более 1,5 тыс. экстремистских сайтов. Нужно продолжать очищать российское интернет-пространство от незаконных, преступных материалов, более активно использовать для этого современные технологии, участвовать в формировании системы международной информационной безопасности.

Речь идёт о том, чтобы обеспечивать безопасность и соблюдение законности, строго соблюдать российские и международные правовые нормы и стандарты в данной сфере. Не препятствовать общению людей в сети и размещению там законной, допустимой и корректной информации» [1].

Напомню, социальные сети стартовали в 1995 г., в них в настоящее время насчитывается уже более 2 млрд аккаунтов. Главное, что они позволяют, — это самовыражение и общение «многих со многими».

Повышение эффективности информационного управления в социальных сетях — одна из самых сложных задач в вопросе обеспечения национальной безопасности. Один из вариантов представлен на *Рисунок*.



Рисунок

Например, чтобы вывести какое-то событие в тренды в Twitter, нужно сделать, условно говоря, 4-5 тыс. перепостов с каким-то тегом. Этот тег попадет в тренд, где и продержится полдня. Про него напишут СМИ, в него поверят миллионы граждан, и новость станет общенациональной.

Принимая во внимание огромный интерес пользователей Интернет к соцсетям, становится очевидным, что они в настоящее время все активнее претендуют на роль «абсолютного оружия» в информационной войне, развязанной против России США и НАТО.

В соответствии с американской доктриной сетецентрических военных действий (Network Centric Warfare), в которой так называемая инфосфера рассматривается как полноценная арена боевых действий наряду с сушей, водой, воздухом и космосом, в структуре ряда американских правительственных и околоправительственных организаций формируются «центры цифрового противостояния России». Согласно плану, они будут действовать автономно, но в информационной координации друг с другом. А в случае получения соответствующей боевой задачи объединят усилия для массивной информационной атаки [3].

Следует отметить, что центральной задачей ведения всех сетецентрических войн является «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны». Это предполагает заявку на установление контроля над всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и манипулирование ими (в идеале тотальное) во всех ситуациях — и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир (см. [5]).

Концепция сетецентрической войны естественным образом включила в себя и достаточно давнюю уже стратегию не прямых действий, и трансформацию взглядов на ноополитику (первоначальная версия которой была теоретически обоснована в конце 1990-х гг., см. [12]), и сформулированную в 2002 г. Дж. Бушем-мл. доктрину упреждающих действий (Doctrine of Preemption, см. [14]). Она также отражает место и роль технологий информационного противоборства как инструмента, направленного на достижение глобальной гегемонии США во всех сферах мирового пространства, а также претензию на установление окончательного диктата по отношению ко всему мировому сообществу, включая и нынешних союзников по НАТО.

Основные задачи по ведению информационной войны с Россией в соцсетях возложены на американское разведсообщество и Пентагон. Так, директор ЦРУ Джон Бреннан недавно объявил о крупнейшей реорганизации ведомства со времен его создания в 1947 г., ключевым элементом которой станет создание Директората цифровых инноваций (Directorate of Digital Innovation) [13]. Он объединит такие прежде самостоятельные структуры, как Центр изучения открытых источников (Open Source Center), занимающийся мониторингом и анализом социальных сетей и блогосферы, и Центр информационных операций (Information Operations Center) – второе по величине подразделение ЦРУ, ответственное за кибершпионаж и информационные диверсии. Активными исследованиями по «прикладному использованию соцсетей» занимается также Агентство перспективных исследовательских проектов разведсообщества США (Intelligence Advanced Research Projects Activity, см. [9]).

Задача – «повысить боевую активность в соцсетях», которые отныне рассматриваются в качестве «плановой рабочей зоны» с использованием специального программного обеспечения, позволяющего создавать фиктивных пользователей в Twitter, Facebook и др. сервисах в интересах «распространения свободы и продвижения демократических ценностей». Пункт управления спецоперациями в соцсетях располагается на базе ВВС США «Макдилл» (штат Флорида) и функционирует в режиме 24/7, личный состав – свыше 500 операторов, контролирующих около 100 фиктивных юзеров соцсетей, зарегистрированных в различных странах мира [3]. Безопасность их работы обеспечивает многоуровневая защита.

В 2015 г. на базе чешского офиса Radio Free Europe / Radio Liberty (Радио «Свобода», финансируется федеральным бюджетом США) запланировано создание цифрового медиадепартамента (DIGIM). В этом подразделении будут работать специалисты по соцсетям, основная задача которых – «противостоять дезинформации в российской медиасфере посредством различных соцмедиаплатформ (в частности, Facebook, Twitter, «ВКонтакте» и «Одноклассники»)». О создании киберштаба в Праге говорится в подробной заявке американской правительственной организации Совета управляющих по вопросам вещания (Broadcasting Board of Governors; BBG) на следующий финансовый год, начинающийся с 1 октября 2015 г. Заявка подана от лица президента США в конгресс в марте 2015 г. [7].

Примечательно, что Совет управляющих по вопросам вещания (BBG) объединяет Радио «Свободная Европа»/Радио «Свобода» (RFE/RL), «Голос Америки» (VoA) и другие государственные медиаканалы США; уставная цель данной организации – распространение информации «в странах, где есть недостаток независимых СМИ».

России в 160-страничной заявке BBG посвящен раздел «Противодействие реваншистской России», где изложены планы на 2015–2016 гг. и названы причины, по которым необходимо вести информационную борьбу с Россией.

В заявке, в частности, отмечено, что Россия «запустила всемирный механизм дезинформации», его «цель – не убедить (как в классической общественной дипломатии) и заслужить доверие, а посеять смуту теориями заговора и распространить ложь» и что «Кремль использует свободу информации для внедрения дезинформации», применяет информацию, чтобы «запутать, деморализовать, извратить, парализовать и создать альтернативную реальность», а также что «демократия в России в опасности и ей грозит нестабильность» [12, p. 16].

BBG указывает на расширение своей активности в Интернете, в частности в социальных сетях. В списке соцсетей, где будет вестись работа, – «Одноклассники», пользователи которой наиболее активно отстаивают официальную позицию России по многим вопросам. Кроме борьбы в классических социальных сетях, новая команда будет использовать мессенджер WhatsApp «в качестве мобильной платформы с push-сообщениями для привлечения новой аудитории».

Основным оружием в информационной борьбе с Россией, по мнению разработчиков проекта создания киберштаба в Праге, должны стать оригинальные программы и политическая сатира. В рамках нового представительства США в российских соцсетях запланирован видеопроjekt Footage vs. Footage («Съемка против съемки») – ежедневный продукт, избличающий «российскую телевизионную пропаганду», а также канал на YouTube и сайт Rus2Web – площадка для российских журналистов и кинематографистов, чья работа сейчас «блокируется Кремлем».

Рекламирывать Радио «Свобода» и «Голоса Америки» в русскоязычном сегменте интернета будет Интернет-портал Google.

В качестве главных достижений за 2014 и 2015 гг. в информационной борьбе с Россией ВВГ указывает предоставление объективных новостей об Украине, освещение присоединения Крыма к России в таких программах, как «Донбасская реальность» – еженедельная 30-минутная программа о событиях в Донбассе, транслируемая на украинском «Донбасс-ТВ», и «Крымская реальность» – еженедельная 20-минутная программа о развитии «аннексированного Россией полуострова», программу показывает украинский канал «24».

В запросе ВВГ на текущий финансовый год было указано, что медиаканалы CCTV (Китай), Russia Today и Al Jazeera вторгаются в западное новостное пространство и «умело формируют лояльную аудиторию», отбирая зрителей и слушателей у американских медиа. В силу этого на следующий финансовый год (с 1 октября 2015 г.) на проект по борьбе с «реваншистской Россией» в ВВГ собираются затратить 15,6 млн долларов США. Данный проект определен ВВГ как приоритетный наравне с противостоянием идеологии фундаменталистов из запрещенного в Российской Федерации «Исламского государства» (ИГИЛ) (на него запрошено 6,1 млн долл.). Всего на 2016 финансовый год ВВГ запросила у конгресса США бюджет в 751 млн долл. (+1 % к предыдущему году). В целом на русскоязычное вещание RFE/RL будет выделено на 250 тыс. больше – 7,4 млн долл. [7].

Следует отметить, что ни «Голос Америки», ни Радио «Свобода» сейчас не осуществляют радиовещания в России. «Голос Америки» лишился частоты 810 кГц в начале 2014 г., что касается Радио «Свобода», то оно прекратило вещать в 2012 г. Радиостанции полностью ушли в Интернет.

Присутствие в российском телеэфире запланировано увеличить путем сотрудничества «Голоса Америки» с российским холдингом РБК. Таким образом, ВВГ упорно старается продвинуть американскую позицию на российские телеканалы, выбирая для партнерства, как правило, оппозиционные телеканалы и новостные ресурсы. К примеру, в заявке на 2014 финансовый год также упоминалось, что «Голос Америки» запустил видеопрограмму «Поделись», которая нацелена на «молодежную аудиторию будущих лидеров» и предлагает «современную дискуссию об Америке и ее ценностях, политике США и постсоветскую эру для современного зрителя». В числе партнеров «Голоса Америки» в материалах ВВГ указывался ресурс «Грани.ру» и телеканал «Дождь».

В этой связи в российском Национальном центре управления обороной государства (НЦУОГ), ведущем мониторинг соцсетей, уже зафиксирована активизация информационной работы из-за рубежа против России и ее военно-политического руководства [6]. Установлено, что большинство участников информационных атак – русскоязычные украинские блогеры. В НЦУОГ также обращают внимание на низкопробность многих подобных материалов, при этом отмечая их массовость и быстроту распространения в блогосфере.

В то же время весной 2015 г. Европарламент предложил Еврокомиссии и странам ЕС заняться поиском СМИ и организаций-российских агентов, готовить планы противодействия российской информационно-пропагандистской активности в СМИ и усилить помощь российским НПО [2].

Такая инициатива содержится в принятом докладе комитета Европарламента по иностранным делам, на основании которого должна быть разработана резолюция по пересмотру отношений с Россией, включающем:

- разработку механизма для сбора, мониторинга и выявления финансовой, политической и технической помощи, предоставленной Россией политическим партиям и другим организациям в составе ЕС, с целью оценки ее влияния на политическую жизнь и дебаты в ЕС;

- политическую и финансовую поддержку независимых (по мнению Европарламента) организаций активистов гражданского общества, СМИ и НПО в России и установку контактов с организациями и лицами, которые склонны развивать альтернативное видение политических и дипломатических отношений с ЕС.

Таким образом, становится очевидным единый замысел и целенаправленная системная деятельность в ведении гибридной войны, где основная составляющая – информационная. В этой связи представляется оправданным дополнить основные направления научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации (утверждены Совбезом России 07.03.2008) проблематикой исследований вопросов информационного влияния, информационного управления и информационного противоборства (в том числе, с использованием социальных сетей) на межгосударственном, национальном, региональном, территориальном, отраслевом и корпоративном уровнях.

INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY: THE MAIN THREATS

*Irina N. Kokhtyulina, PhD, Executive Secretary of Scientific Council
National Institute of Global Security Research
Corresponding Member of Russian Academy of Natural Science
E-mail: kin@niiglob.ru*

Summary

The article describes principles and methods of using social media as a «soft power 2.0» which is considered as an effective tool to achieve political goals of the state.

Particularly increasing today is the risk of destructive informational influence threatening the sovereignty and territorial integrity of any state. As a consequence, individuals and society as a whole are also exposed to negative information impact.

Key words: *social networks, the international information security, soft power, information warfare, digital media department.*

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Выступление В.В. Путина на заседании Коллегии ФСБ России 26.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49006>
2. Европарламент предложил странам ЕС заняться поиском СМИ и организаций-российских агентов. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1961600>
3. Злобнецкий Н. Поле битвы – соцсеть. [Электронный ресурс]. URL: <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=48&PubID=34840>
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.). ([Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186).
5. *Коровин В.* Главная военная тайна США. Сетевые войны. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. 288 с. (Войны XXI века).
6. *Мухин В.* Пентагон набирает кибербойцов по всему миру. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2015-04-03/2_pentagon.html
7. *Нечаев В., Амирджанян М., Подрез Т.* США вводят информационные войска в российские социальные сети. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/585366>
8. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утверждены Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 24 июля 2013 г., № Пр-1753). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html>
9. *Платов В.* Изучение социальных сетей в интересах спецслужб США. [Электронный

- ресурс]. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/01/03/izuchenie-sotsial-ny-h-setej-v-interesah-spetssluzhb-ssha>.
10. *Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России – М.: ВНИИгеосистем, 2012.
 11. *Arquilla J., Ronfeldt D.* The Emergence of Noopolitik. Toward An American Information Strategy. RAND Report, 199. URL: http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1033.html
 12. Fiscal Year 2016 Congressional Budget Request. Broadcasting Board of Governments. URL: http://www.bbg.gov/wp-content/media/2015/03/FY2016Budget_CBJ_Final_Web_Version.pdf
 13. *Miller G.* CIA plans major reorganization and a focus on digital espionage // The Washington Post, URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/cia-plans-major-reorganization-and-a-focus-on-digital-espionage/2015/03/06/87e94a1e-c2aa-11e4-9ec2-b418f57a4a99_story.html.
 14. The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf>
 15. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power / By J. McClaury. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf
 16. Soft Power Survey 2014/15. URL: <http://monocle.com/film/Affairs/soft-power-survey-2014-15/>

Е.С. ЛАРИНА, В.С. ОВЧИНСКИЙ

НОВАЯ ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ США И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

*Ларина Елена Сергеевна, генеральный директор ООО «Персоналинвест»,
115093, Москва, Партийный пер., д. 1, к. 58
E-mail: elarina@hreshebnik.ru*

*Овчинский Владимир Семенович, д.ю.н., советник Министра внутренних дел РФ,
119049, Россия, Москва, ул. Житная, д. 16
E-mail: vso1955@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена новым нетрадиционным видам вооружений, в ускоренном порядке разрабатываемым в США в соответствии со «Стратегией национальной безопасности 2015» и «Третьей инициативой оборонных инноваций». Проанализированы практические шаги по созданию нового типа поведенческих вооружений, лежащих на стыке использования технологий «больших данных», интеллектуальных вычислений и последних достижений социальной и поведенческой психологии.

Ключевые слова: *поведенческие войны, бихевиористская психология, «большие данные», «Надж», подталкивание, управление массовым поведением.*

В 2015 г. в Соединенных Штатах был принят ряд новых основополагающих документов, определяющих стратегию и тактические действия в сфере национальной безопасности, а точнее сказать, обеспечения глобального доминирования и всемирного диктата, гарантирующего сохранение однополярного мира. Ключевым документом является «Стратегия национальной безопасности США 2015».

В «Стратегии» указано: «Укрепление экономического могущества Америки является основой нашей национальной безопасности и важнейшим источником нашего влияния за рубежом... Мы продолжаем задавать темп развитию науки, технологий и инноваций в глобальной экономике». Дается ответ в «Стратегии» и на вопрос – как обеспечить американскую «исключительность», являющуюся для правящей элиты Америки первостепенной и неоспоримой ценностью: «Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и продвижения интересов нашей национальной безопасности должна начинаться с одной неоспоримой истины – Америка должна быть лидером»[3].

В рамках стратегии указан и главный враг мирового сообщества. Таким врагом был определен геостратегический субъект, не только препятствующий глобальным планам

США, но и повышающий степень свободы и самостоятельности европейских стран. Еще до начала активной фазы украинского кризиса главным врагом Запада была объявлена Россия. Официально этот тезис был сформулирован в «Стратегии» впервые: «Наши сложные времена наглядно продемонстрировали силу и значимость незаменимого американского лидерства в мире. Мы мобилизовали и возглавили международные усилия по наказанию России и противодействию ее агрессии, по ослаблению, а в конечном счете и по уничтожению ИГИЛ, по искоренению вируса Эболы, по прекращению распространения материалов для изготовления ядерного оружия, по переходу к новому этапу в глобальной борьбе за снижение углеродных выбросов» [3].

Наученные поражениями в Ираке и в Афганистане Соединенные Штаты осуществляют коренную перестройку вооруженных сил, способов и методов их действий. В значительной степени итоги этого пересмотра нашли свое отражение в документе – оперативная Концепция сухопутных сил США «Победа в сложном мире 2020–2040» [3].

В оперативной «Концепции», в документах Пентагона и в выступлениях министра обороны США (с февраля 2015 г.) Эштона Картера указывается, что Соединенные Штаты приняли на вооружение доктрину пяти полей боя и семи сфер противоборств. Полями боя, или, как говорят американцы, доменами являются суша, водная среда, воздух, космос и электромагнитная среда, привычно называемая киберпространством. В качестве семи сфер противоборства выделяются традиционные огневые военные действия, внешнеполитическая борьба, воздействие на внутреннюю политику, финансово-экономические конфликты, информационные войны, поведенческие войны и сфера технологического противоборства.

Несмотря на то, что Соединенные Штаты стараются все в меньшей степени использовать термин «война», заменяя его терминами «жесткое противоборство» или «конфликты», они уверенно ведут мир к перманентному состоянию «мировойны» или «войномира». При этом в новой американской концепции предусматривается, что главная нагрузка ведения традиционных военных действий должна ложиться на союзников, сторонников и поддерживаемые Соединенными Штатами силы. Сами же Соединенные Штаты должны сосредоточиться на скачкообразном развитии и достижении приоритета в новых поколениях ядерных и других сверхразрушительных средств поражения, в качестве последнего аргумента, и главное, максимально использовать нетрадиционные типы вооружений и противоборств. При этом последние по своим разрушительным последствиям смогут не только не уступать, но и превосходить традиционные типы вооружений.

Представляется практически важным (хотя такой подход потребует международно-правовой проработки) относить технологические противоборства, информационные конфликты, поведенческие войны, внутривнутриполитические подрывные акции именно к войнам. Все эти типы жестких противоборств полностью укладываются в определение войны, данное В. Ковалевым, С. Малковым и Г. Малинецким в только что опубликованном докладе «Помни войну»: «Война (жесткое противоборство) – это такой способ ведения конфликта, при котором отсутствуют ограничения на масштабы, инструментарий и методы целенаправленного воздействия на участников конфликта»¹. По нашему мнению, такое определение является методологически выверенным и операционно эффективным.

Разработка инструментария для войн нового типа стала главной задачей, выдвинутой в прошлом году «Третьей инициативы оборонных инноваций», разработанной на межпартийной основе участием представителей Администрации, Конгресса, деловых кругов и американских военных. В ходе представления «Третьей оборонной инициативы» бывший министр обороны Ч. Хейгел отметил, что «мы сталкиваемся со стремительным развитием новых технологий, вызовами со стороны различных государств и негосударственных структур; с возникающими сложными, смертельными и часто асимметричными угрозами, начиная от кибератак до деятельности транснациональных преступных сетей. В этой связи министерством обороны США ставится задача действовать на уничтожение и подавление опережающим образом как самой существующей угрозы, так и всех обстоятельств данной угрозы. А главное – резко ограничить возможности субъекта этой угрозы, парализовать или уничтожить его.

¹ URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads//2015/05/pomni-voynu.pdf>.

Можно выделить два важнейших обстоятельства, которые обуславливают принятие новой «Инновационной оборонной инициативы». Во-первых, это американское лидерство. Во-вторых, партнерство между государством и бизнесом».

Ч. Хейгел также заявил, что перед лицом происходящих в мире изменений Соединенные Штаты по своим военным и технологическим возможностям, стратегии и готовности к действию должны опережать любого потенциального противника [7].

Выступая в этом году перед руководителями крупнейшим IT- корпораций, венчурных фондов и высокотехнологических компаний, нынешний министр обороны США Эштон Картер выдвинул в качестве первоочередной задачи, которая должна быть решена в ходе реализации «Третьей оборонной инициативы», – создание уникальной системы вооружений, которую ни одна страна в мире не сможет ни скопировать, ни применить в своих целях. Эта система должна использовать уникальные, имеющиеся только в США технологии и монополю принадлежющие им ресурсы. Частично такая постановка вопроса связана с успехом китайской электронной разведки, которой удалось только за последние три года добыть американских военно-технологических секретов почти на 300 млрд долларов, включая самые современные разработки [6].

Несмотря на многочисленные вопросы со стороны средств массовой информации о характере нового американского оружия на последующей за выступлением пресс-конференции, Э. Картер категорически ушел от ответа, сказав, что сам по себе характер нового типа вооружений не предполагает его широкого обсуждения.

Тем не менее, опираясь на доступные, открытые источники и внимательно анализируя события не только последних месяцев, но и лет, постараемся высказать некоторые предположения относительно того, что же Э. Картер рассматривает как новое стратегическое оружие Соединенных Штатов, способное наряду с ядерными и другими подобными смертоносными арсеналами, сохранить роль Америки, как мирового доминанта.

В любой спецоперации все прямо и косвенно причастные акторы стремятся реализовать собственные цели. Не является исключением и эпопея Э. Сноудена. Вполне очевидно, что он хотел раскрыть глаза американскому и мировому общественному мнению на незаконные методы деятельности АНБ, тотальную слежку и прослушку. В то же время нельзя не отметить, что большая часть разоблачений Сноудена, при всей их сенсационности, не открыла чего-то принципиально нового для экспертов и специалистов в сфере разведки. Практически все, о чем он поведал, было известно до него, хотя и без деталей, подробностей, названий конкретных программ, размеров ассигнованных сумм и т.п. Конечно же, эти детали перевели предположения экспертов из разряда гипотез в сферу конкретных фактов и документированных мнений.

Интересно, однако, посмотреть, каких разделов коснулись разоблачения Э. Сноудена. В основном речь шла о нарушении приватности не только иностранцев, но и граждан США, прослушивании телефонных разговоров не только рядовых американцев, но и глав стран – союзников США, контролем со стороны АНБ за финансовыми транзакциями, осуществляемым по самым разнообразным потокам, программам развития кибервооружений и т.п. Все это произвело чрезвычайно большое впечатление и до сих пор имеет серьезные последствия как для престижа США, так и для межгосударственных отношений. Несомненно, сказались разоблачения Э. Сноудена и на доходах упомянутых в них компаний.

Тем не менее складывается впечатление, что Агентство Национальной Безопасности использовало казус Э. Сноудена, коль скоро он случился, как стандартную операцию прикрытия в отношении действительно главной, до сих пор тщательно скрываемой задачи, решаемой АНБ и другими государственными структурами США при его содействии. Речь идет о разработке и практическом использовании технологий управления групповым и массовым поведением в других странах мира – как союзниках, так и противниках Соединенных Штатов.

Нетрудно заметить, что в материалах Э. Сноудена вообще не содержится информации на эту тему и, соответственно, может возникнуть предположение, что тезис об управлении групповым поведением сколь угодно большой размерности имеет отношение не к фактическому положению дел, а к конспирологии, причем конспирологии, понимаемой

не в смысле научного, фактологического расследования, а в традиционной трактовке, как измышления незрелого ума и порождения неустойчивой психики.

На сегодняшний день существует достаточно большое количество имеющих как в открытой печати, так и в специализированных публикациях сведений и данных, подтверждающих гипотезу о переходе определенных групп внутри элиты США к скрытому управлению поведением больших групп населения в самой Америке и за рубежом. Из совокупности разнородных фактов ключевыми, на наш взгляд, являются следующие.

Первое. Начать, несомненно, надо с наиболее наглядного, что называется, материализованного свидетельства практической постановки задачи управления поведением. Речь идет о только что отстроенном, оснащенном и выводимом на расчетную мощность циклопическом центре АНБ в штате Юта. Понятно, что для целей шпионажа, радиоэлектронной разведки, криптографии и проч. требуется гигантский объем хранилищ данных. Однако даже для них не нужно хранилище объемом в один йоттабайт, которое расположено в новом дата-центре в штате Юта. Чтобы наглядно понять, о чем идет речь, отметим, что весь ежегодный интернет-трафик, включая собственно Интернет, «интернет вещей» и проч. приближается в настоящее время к одному зеттабайту. Тем самым в Юте имеется хранилище для 15-летнего мирового интернет-трафика. Однако размерность сразу уменьшается в том случае, если не просто хранить трафик, то есть данные всех типов, а обрабатывать их различными способами, для чего представлять данные в виде самых различных классификаций. Иными словами, не для чего иного, как для интеллектуального анализа сверхбольших объемов данных такое хранилище просто не нужно.

Второе. В США в отличие от других стран еще в 1994 г. была создана специальная широкополосная сеть для совместного межведомственного использования аппаратных и программных ресурсов суперкомпьютеров. Фактически в Соединенных Штатах, в отличие от других стран, суперкомпьютерная сеть не разделена ведомственными и корпоративными барьерами, а функционирует как единое целое. Более того, в начале нулевых годов американцы договорились с Великобританией, что к этой сети подключаются и британские суперкомпьютеры. Это весьма важно, поскольку, согласно международным оценкам, лидером по эффективности использования суперкомпьютеров в секретных проектах выступает именно Великобритания. Данных по этой сети нигде нет, но различного рода косвенные расчеты позволяют утверждать, что мощность этой сети составит от половины, до двух третей суммарной мощности всех 500 суперкомпьютеров, входящих в настоящее время в мировой рейтинг. Наиболее мощные суперкомпьютеры, входящие в сеть, принадлежат АНБ, Министерству энергетики США, британской разведке и американским университетам, тесно работающим с военно-разведывательным комплексом. С 2014 г. общее руководство сети осуществляет Киберкомандование США (United States Cyber Command – USCYBERCOM).

Третье. За последние четыре года Соединенные Штаты истратили несколько сот миллионов долларов на разработку программ интеллектуального анализа не просто больших, а сверхбольших массивов данных. Примечательно следующее обстоятельство. В коммерческом секторе для анализа «больших данных» (Big Data) в основном используются методы математической статистики. В то же время, анализируя гранты таких агентств, как DARPA и IARPA, можно увидеть, что средства затрачивались на разработку таких программ по анализу и прогнозированию на основе «больших данных», которые базируются на принципиально новых разделах математики и теории искусственного интеллекта, типа теории категорий и функторов, на системах распознавания образов, нейронных вычислениях и так называемом глубоком машинном обучении. Все они на порядки превосходят в плане возможности выявления нетривиальных зависимостей и связей, мощности и точности прогнозирования те методы стандартной математической статистики, которые описываются как основной инструмент во всей специализированной литературе по «большим данным».

Четвертое. В последние годы в США предпринимаются организационные и законодательные меры по обеспечению потребностей разведсообщества «большими данными». Прежде всего, следует иметь в виду, что само по себе Агентство Национальной Безопасности является обладателем крупнейших массивов «больших данных», получаемых

им в результате своей шпионской деятельности, о которой мир сегодня неплохо осведомлен благодаря разоблачениям Э. Сноудена.

Гораздо менее известна организация FDS (Federal Data Service, в русском переводе она может быть названа «Федеральной службой данных»). Главным ее назначением является концентрация разнообразных данных об американцах, которые собирают практически все федеральные ведомства, министерства, агентства и т.п. Без преувеличения можно сказать, что ни в одной стране мира нет такой подробной базы данных на своих граждан, как в Соединенных Штатах, и находится эта база не в АНБ, а в неприметной организации с указанным выше названием. При этом надо иметь в виду, что в FDS дополнительно стекаются все данные из страховых компаний, банков, пенсионных фондов, авиакомпаний и т.п. под американской юрисдикцией. Соответственно, если те или иные люди застрахованы в американской компании, обслуживаются американскими банками или банками, имеющими корреспондентские счета в американских банках, летали американскими авиалиниями или используют американские кредитные карты, типа Visa, American Express и т.д., то все их данные также попадают в эту организацию, а оттуда – в Центр «больших данных» АНБ.

Э. Сноуден не просто рассказал, а даже показал на слайдах связь с АНБ крупнейших интернет-компаний и телекоммуникационных гигантов. В результате произошел большой скандал. Компании сначала протестовали, затем сообщили, что вносят соответствующие требования в Конгресс США с тем, чтобы прекратить практику использования их данных в интересах АНБ. Однако от публики и даже от большинства экспертов укрылось одно крайне важное обстоятельство. Речь в протестах идет о персональных данных, то есть таких данных, по которым можно идентифицировать пользователя как Ивана Ивановича Иванова, либо Джона Смита Третьего и т.п. В отличие от них, «большие данные» персональными не являются. В принципе они могут относиться к категории «больших данных» – но могут и не относиться. Более того, для технологий «больших данных» сама по себе идентификация конкретного человека не важна и не интересна, потому что связи и закономерности, выявляемые при помощи «больших данных», имеют статистический характер, а не касаются судьбы конкретного индивидуума. Про «большие данные» речь в разоблачениях Э. Сноудена вообще не шла.

Практически все крупнейшие держатели «больших данных» (а ими являются Google, Facebook, Twitter, Amazon, eBay и т.п.) находятся в американской юрисдикции и в случае соответствующих решений, принимаемых в США, обязаны предоставлять все необходимые данные. В отличие от персональных данных, для предоставления обезличенных «больших данных», правительству не нужны даже какие-либо специальные судебные решения. В американском законодательстве четко прописаны обязанности американских компаний с точки зрения национальной обороны.

Важно, что «большие данные» обязаны предоставлять не только американские компании – держатели «больших данных» либо брокеры данных, но и компании, которые котируются на американском биржевом рынке. Последние два обстоятельства нуждаются в некотором пояснении.

В Соединенных Штатах существует целый ряд крупнейших компаний, которые покупают данные по всему миру у других субъектов, как правило, у торговых компаний и перепродают их транснациональным корпорациям для целевого, или как его еще называют таргетированного маркетинга и т.п. В их числе Ascіom, Experіan, Epsilon и т.п. Чтобы представить масштабы накопленных данных, приведем лишь несколько цифр. Только Ascіom располагает данными на 700 млн человек, что является 10 % всего населения мира. Причем ежедневно число лиц, попадающих в базы данных, возрастает на 0,5–1 млн человек. При этом по подавляющему большинству персон составляются профили, которые включают в себя 150 характеристик [6].

Кроме того, практически все крупные международные интернет-компании котируются на NYSE, либо на Nasdaq. Соответственно, и эти компании при получении запроса также должны под угрозой лишения листинга передавать обезличенные «большие данные» американскому правительству, а иными словами – АНБ. При этом то, что они могут иметь иную юрисдикцию и действовать в далеких от Америки регионах, не является препятствием для выполнения этих обязательств.

Подытоживая, можно сказать, что АНБ сегодня имеет доступ к подавляющему большинству «больших данных», имеющихся в мире. Некоторые высказывают точку зрения, что исключением является Китай, однако другая часть специалистов не без основания полагает, что и китайские «большие данные» в немалой степени оказываются в США через американских и британских брокеров данных.

Пятое. В течение последних полутора лет в Соединенных Штатах прошел целый ряд научных конференций, круглых столов и заседаний, инициированных теми или иными «фабриками мысли» (Think Tanks), среди которых выделяется специализирующийся на изучении разнообразных сложных систем Институт Санта-Фе. В этих мероприятиях участвовали ведущие исследователи и разработчики в сфере «больших данных», руководители департаментов поведенческого маркетинга и таргетированной рекламы, специалисты в сфере прогнозирования на основе «больших данных», с одной стороны, и высокопоставленные правительственные чиновники, представители разведывательного сообщества и члены британской и американской правительственных программ «Надж» (Nudge) – с другой. Например, на одной из такого рода конференций с основным докладом «Стратегический потенциал Больших Данных для национальной безопасности» (Strategic Potential of Big Data for National Security) выступила исполнительный директор Агентства передовых исследований в сфере разведки (IARPA, Intelligence Advanced Research Projects Activity) Катарина Марш.

Как правило, в большинстве такого рода мероприятий принимали участие один из ближайших советников Б. Обамы, участник группы по реформе АНБ Касс Санстейн [9], его соавтор по книге «Надж» Ричард Талер [6], а также Алекс Пентланд. Последний был недавно включен журналом «Форбс» в число семи самых влиятельных исследователей в области информационных технологий. Он руководит несколькими лабораториями в знаменитом MIT (Массачусетском технологическом институте), входит в число советников нескольких компаний из списка «Форчун 500», консультирует правительство США.

Чтобы понять, о чем шла речь на этих мероприятиях, достаточно процитировать книгу Алекса Пентланда «Социальная физика»: «Я уверен, что значение «больших данных» состоит в том, что они дают информацию о поведении людей, а не об их убеждениях... Понятие «больших данных» и наука о сетях находятся за гранью обычных подходов к проектированию социальных структур... Адам Смит и Карл Маркс ошибались, или, по меньшей мере, предлагали только половинчатые решения. Почему? Потому что они строили свои теории на основе усредненных понятий рынка и классов. И хотя, безусловно, рассуждение в таких терминах тоже может быть полезным, однако очевидно, что социальные феномены на деле состоят из миллионов мелких транзакций между индивидами. Существуют отдельные примеры межличностных взаимодействий, которые не просто не укладываются в усредненные параметры, а являются причиной социальных вспышек и потрясений, таких как Арабская весна. Придется снизойти до этих мельчайших примеров, этих микропримеров, потому что они позволяют понять социальное устройство вне усредненных показателей. Мы вступаем в новую эру социальной физики, где решающий исход будет зависеть от самых мелких деталей, от таких мелочей, как ты да я... Сам факт того, что мы теперь сможем отслеживать динамику социальных взаимодействий и их происхождение, что мы больше не будем ограничены усредненными показателями, такими как рыночные индексы, вызывает во мне трепет. Мы будем способны предсказывать поведение рынков и возникновение революций и управлять ими» [8].

На этих конференциях родился пока еще не получивший широкого признания термин «hidden power», или «невидимая сила».

Вполне очевидно, что представленные факты носят комплементарный, то есть дополняющий друг друга характер и показывают целостную картину завершающего этапа создания технологической системы управления групповым и массовым поведением любой размерности в иностранных государствах для реализации интересов наднациональной финансово-корпоратократической элиты.

Итогом такого управления должно стать превращение субъектов мировой политики, экономики и т.п. в объекты, находящиеся под внешним, не воспринимаемым, руководящим воздействием. Для того, чтобы этого не случилось, необходимо в крайне сжатые сроки

осуществить комплекс весьма интеллектуалоемких, высокотехнологичных мер, подкрепленных целым рядом обеспечивающих мероприятий, требующих затрат ресурсов и принятия новых юридических актов на государственном уровне.

Отдельная тема – это поведенческие войны. В настоящее время практически невозможно найти западных публикаций, посвященных данной теме. В значительной степени это связано с ее чрезвычайной деликатностью, в том числе, для западного общественного мнения. Кроме того, возможности ведения полноценных поведенческих войн появились лишь недавно в связи с накоплением огромных массивов объективной информации о человеческом поведении, в том числе поведении социальных и иных групп сколь угодно большой размерности. Эти сведения в основном содержатся в интернете, который по факту является огромным поведенческим архивом.

Возможности поведенческих войн связаны с инструментарием, разрабатываемым на стыке когнитивных вычислений, «больших данных» и междисциплинарного комплекса поведенческих наук. Давно и хорошо известно, и особый вклад внесли в это российские психологи, что человеческое поведение в значительной мере зависит не только от наших представлений, ценностей, убеждений, а в немалых своих компонентах базируется на стереотипах, привычках, поведенческих паттернах, а также складывается под воздействием формальных и неформальных институтов.

Доказано, что человек по своей психофизиологии склонен, как и любое живое существо, к решению задач с меньшей, по возможности, затратой энергии и других ресурсов. Поэтому, как неопровержимо установили исследователи, значительная часть нашего поведения осуществляется в своего рода полуавтоматическом режиме, на основе привычек и стереотипов. Это касается не только элементарных поведенческих функций и стандартных жизненных ситуаций. Наши привычки, поведенческие паттерны, культурные стереотипы и т.п. оказывают серьезное воздействие даже в сложных ситуациях выбора, казалось бы, требующих глубоких размышлений и мобилизации ресурсов сознания.

Хорошо известно, что деятельность человека контролируется не только работой его сознания. Многие важнейшие функции человек делает, что называется, бессознательно. На протяжении практически 50 лет этот тезис получил множество подтверждений на основе огромного массива впечатляющих экспериментов, значительную роль в проведении которых сыграли советские психологи. Сегодня на основе, в том числе, и их исследований, с привлечением огромных массивов данных о реальном поведении людей в различных ситуациях, их привычках, склонностях и реакциях и разрабатывается арсенал принципиально нового вида войн – поведенческих войн.

В их сердцеvine лежит манипулирование вложенными в нас социумом, а также собственной биографией и культурной средой, алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности и т.п. Грубо говоря, инструментарий поведенческих войн состоит в том, чтобы отделить привычку от сложившегося вида деятельности, сформировавшей ее ситуации, и использовать поведенческие паттерны для достижения иных целей.

Поведенческое оружие – это оружие завтрашнего дня. Именно под него заточен только что пущенный в эксплуатацию и уже упоминавшийся выше супергигантский по своей информационной емкости центр АНБ в штате Юта, который аккумулирует массивы поведенческой информации, охватывающие все страны мира и все континенты. Именно на этот новый вид вооружений возлагаются частью американских элит наибольшие надежды в жестких противоборствах ближайшего будущего. Тема поведенческих войн не только не афишируется, но, напротив, в наибольшей мере табуирована и засекречена в мировом информационном пространстве. Более того, согласно распространенной точке зрения, ведущие американские средства массовой информации, наиболее популярные блоггеры и т.п. имеют негласную рекомендацию: при появлении каких-либо материалов на тему поведенческих войн дискредитировать их любыми доступными средствами, начиная от обвинений в конспирологии и заканчивая доказательством о якобы технологической невозможности ведения поведенческих войн.

В заключение скажем о соотношении информационных и поведенческих войн. В значительной степени это вопрос терминологии. Более того, в Великобритании, где впервые появился термин «бехивеористские» или поведенческие войны, их связывали

с использованием конкретной школы психологии, а именно школы бихевиоризма Б. Скиннера [4]. Что касается американских исследователей, особенно школы «Надж», то они в значительной мере опирались на работы Д. Канемана и А. Тверского, в которых традиционно использовался термин «бихевиористская», то есть поведенческая экономика [9].

Представляется, однако, что различие между поведенческими и информационными войнами носит не терминологический, а принципиальный, в том числе инструментальный и конструкционный, характер. И аргументом в пользу этого может послужить то обстоятельство, что человеческая деятельность, а соответственно, и поведение, выходят за пределы чистой обработки информации, что было убедительно показано, в частности, выдающимся советским психологом Э.В. Ильенковым и другими представителями отечественной психологической науки [2; 5], для чего ими был в свое время проведен беспрецедентный эксперимент по обучению слепоглухонемых детей. Информация является лишь одним из составных компонентов поведения, которая обязательно предполагает различного рода инструментальную деятельность, психофизиологические реакции и иные чисто физические процессы. В поведенческих войнах используется инструментарий не только информационных войн самого различного типа, в том числе базирующийся на семиотических системах, но и различного рода физические, ориентационные и иные технологии.

THE NEW US MILITARY STRATEGY AND BEHAVIORAL WARS

*Elena Larina, General Manager «Personalinvest», 115093,
Moscow, Partijny per., d. 1, k. 58 E-mail: elarina@hreshebnik.ru*

*Vladimir Ovchinsky, Doctor of Law, Adviser to the Minister of Internal Affairs of the Russian
Federation, 119049, Russia, Moscow, ul. Zhitnyaya, d. 16
E-mail: vso1955@yandex.ru*

Summary

The Article is devoted to new nonconventional types of weapon, in the accelerated order of the defensive innovations developed in the USA according to Strategy of national security the 2015 and Third initiative defense innovation. Practical steps on creation of new type of behavioral weapon, laying on a joint of use of technologies of Big Data, intellectual calculations and last achievements of social and behavioral psychology are analyzed.

Key words: *behavioral wars, behavioristic psychology, Big Data, Nudge, management of mass behavior.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Канеман Д., Словик П., Тверский А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. – М., 2005.
2. Мареев С.Н., Ильенков Э.В. Жить философией. – СПб., 2015.
3. Мировойна: все против всех. Новейшие концепции англо-саксонской военной мысли / Под ред. Е. Лариной и В. Овчинского. – М., 2015.
4. Слейтер Л. Открыть ящик Скиннера, АСТ. – М.: 2007.
5. Ильенков Э.В. Сборник статей / Под ред. В.И. Толстых. – М.: РОССПЭН, 2009.
6. Goodman M. Future Crimes: Everything Is Connected, Everyone Is Vulnerable, and What We Can Do About It. – N.Y., 2015.
7. Hagel Ch. A Keynote Speech delivered at Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA, November 15, 2014. URL: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606635>
8. Pentland A. Social Physics: How Good Ideas Spread-The Lessons from a New Science, Penguin Press; 2014.
9. Sunstein C.R. Why Nudge?: The Politics of Libertarian Paternalism (The Storrs Lectures Series), Yale University Press; 2015.
10. Thaler R.H. Misbehaving: The Making of Behavioral Economics, W. W. Norton & Company; 2015.
11. Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness, Penguin Books; 2009.

Е.А. РОГОВСКИЙ

ГЛОБАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ США
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

*Роговский Евгений Александрович, к.э.н., руководитель
Центра проблем военно-промышленной политики
Института США и Канады РАН
123995, Москва, Хлебный пер., 2/3.
E-mail: rogowsky@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена исследованию политических проблем доминирования Соединенных Штатов в глобальном киберпространстве. Рассматриваются исторические вопросы формирования киберкомандования США и военных стратегий использования кибероружия. Особое внимание уделяется политологическому анализу фактов уязвимости американских информационных систем.

Ключевые слова: *информационное превосходство, доминирование в киберпространстве, киберстратегии Пентагона, программа «свобода интернету», уязвимость информационных систем.*

В настоящее время и международный вес государства, и конкурентоспособность бизнеса во многом определяются тем информационным потенциалом, которым они располагают. А информационные ресурсы правительств разных стран, равно как и разных фирм, существенно различаются.

Когда цель взаимодействия состоит в извлечении какой-либо выгоды (политической или экономической), различия в уровнях информационно-технологических потенциалов определяют преимущества одних пользователей относительно других и создают ситуации информационного преобладания (превосходства). При этом есть основания полагать, что с учётом качественной составляющей такого рода «цифровой разрыв» со временем не сокращается, а, напротив, нарастает.

Методы использования такого разрыва в интересах одной стороны и в ущерб другой быстро совершенствуются – соответственно, возрастают и угрозы информационной безопасности, которым подвергаются пользователи киберпространства. Информационное превосходство становится одним из решающих факторов политического (и военного) противостояния, а также конкурентной борьбы.

«Америка не заинтересована в честной борьбе с кем бы то ни было. Мы хотим превосходить во всех системах» — заявил командующий армией США в Европе генерал Ходжес [1]. Нам представляется, генерал Ходжес изложил суть не только военной политики США в Европе, но и всей американской внешней политики. Доминирование во всех глобальных сферах — на земле, на море, в воздухе, в информационном пространстве — вот цель американской политики.

Доминирование Соединенных Штатов в киберпространстве означает, что США должны сохранять в нем свободу действий, одновременно не давая такой свободы противнику. Такого рода идея информационного доминирования, зафиксирована в ряде концептуальных документов Пентагона (Joint Vision 2020, Cyberspace Operations Concept Capability Plan 2016–2028 [2] и других).

Речь идёт о свободе проникновения в информационное поле других стран и одновременно о противодействии свободному проникновению в информационное поле США зарубежных пользователей. Иначе говоря, о последовательной политике смещения в свою пользу определённого баланса между анонимностью и транспарентностью пользователей киберпространства, между уровнем суверенности стран и уровнем транспарентности их национального информационного пространства (включающего персональные данные элит и иные чувствительные сведения).

В настоящее время отвечающие такой политике технологические возможности, — хотя они с очевидностью нарушают положенные в основу устава ООН принципы, сложившиеся во второй половине XX века, — стали доступными для бизнеса и широко используются в глобальной конкурентной борьбе. Соответственно, миру навязываются американские принципы и стандарты международной информационной безопасности (МИБ). Главное — обеспечить доминирование лидера, сделать мир транспарентным для себя: в этом и состоят, по нашему мнению, глобальные амбиции США в цифровую эпоху.

В целом можно сказать, что формирование политики Соединённых Штатов в киберпространстве ещё отнюдь не завершено, и прежде всего по причине очень быстрого развития информационно-коммуникационных технологий. Различным аспектам этой американской политики была посвящена вышедшая в 2014 г. в издательстве «Международные отношения» моя книга «Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции». Однако в цифровую эпоху время бежит очень быстро, а потому материал этой книги уже нуждается в дополнениях и комментариях, которые и составили основное содержание настоящей статьи.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В начале XX века знаменитый американский историк и стратег адмирал Альфред Мэхэн (Alfred T. Mahan) отмечал, что Мировой океан является «Великим общим достоянием» (пространством) (Great Common), которым никто не обладает, но все пользуются. Он сформулировал известный закон «геополитики морской силы»: «Чтобы доминировать в мире, необходимо иметь неограниченную возможность пользоваться и ставить под свой контроль все, что относится к Великому общему достоянию».

В 1970–1980 гг. полковник Джон Бойд (John Boyd) предложил концепцию так называемого ОООН-цикла принятия решения (первоначально применительно к боевым действиям на стратегическом уровне): наблюдение, формулировка задачи, принятие решения, действие (англ. observe-orient-decide-act — ОООН Loop). Её основной тезис заключается в том, что побеждает тот, кто быстрее проходит этот цикл, иными словами, доминирует во времени.

Информационное доминирование — это вопрос комплексный (многоаспектный). Здесь важно иметь преимущество и в домене (киберпространстве), и во времени. С прикладной точки зрения в нем можно выделить составляющие, тесно связанные с национальной безопасностью, — **военную** и **разведывательную** (к последней примыкают экологический и метеорологический мониторинг, а также ряд конкурентных преимуществ бизнеса и информационное обеспечение средств массовой информации — СМИ). Отдельного внимания заслуживают финансовые аспекты информационного преобладания, которые также могут представлять угрозу международной безопасности.

По нашему мнению, кибероборона США с самого начала строилась не на основе принципов достаточности средств защиты от существующих угроз и балансирования таких

угроз паритетными встречными угрозами, а исходя из целей достижения информационного преобладания, — над любым потенциальным противником.

Такое преобладание предполагалось обеспечить с помощью:

- 1) достижения проницаемости информационного пространства всех потенциальных противников и заблаговременного выявления любой угрозы своим интересам;
- 2) формирования стратегического механизма информационного сдерживания (то есть создания с помощью доминирующего кибероружия превентивных угроз, неприемлемых для любого потенциального противника);
- 3) и повышения уровня защиты собственной информационной инфраструктуры.

Информационное превосходство можно определить как цель информационной войны (либо как основную задачу применения информационного оружия), достигаемую путем «нанесения ущерба информации, процессам, основанным на информации, и информационным системам противника при одновременной защите собственных информации, информационных процессов и информационных систем»¹.

Уместно отметить, что освоение кибернетического пространства военными привело к переоценке многих постулатов военной науки прошлого и представлений о способах обеспечения глобального доминирования.

В самом деле, в современной войне на смену фронтальным сражениям зачастую приходит тактика поражения критически важных объектов противника с помощью бесконтактных боевых действий. При этом важнейшую роль играют информационная составляющая и системы искусственного интеллекта, которые внедрены в технику, высокоточное оружие и другие средства, используемые в рамках единого информационного пространства. Максимально эффективную реализацию их боевого потенциала обеспечивает то, что наиболее целесообразные варианты решения боевых задач, выбор оружия и оценку вероятных последствий удара осуществляет компьютер, обладающий всей необходимой для этого информацией.

Наиболее интересным результатом текущего этапа развития военной стратегии можно считать доктрину «Геоцентрического ТВД» (Geocentric Theater of War, используются также термины Spherical Battlespace и Spherical Area of Operation) предложенную командующим (с января 2011 г. по ноябрь 2013 г.) космическими войсками ВВС США генералом Робертом Келером (Robert Kehler), которому президент Обама в 2010 г. предложил пост шефа Стратегического командования Вооруженными силами США. Келер был назначен на этот пост в январе 2011 г., занимал его до своего выхода в отставку в январе 2014 г.²

По мнению автора этой концепции, новый театр военных действий (ТВД) простирается сверху вниз от уровня геостационарной орбиты (примерно 36 тыс. км над Землей) до ее поверхности, последовательно вбирая в себя все арены (домены) военного противоборства — космос, атмосфера, суша, море, а также киберпространство. При этом ключевыми составляющими эффективности использования военной силы являются фундаментальные взаимосвязи космического и кибернетического пространств [3].

Смысл этой концепции заключён в следующих тезисах:

1. Все геоцентрическое пространство (все домены!) представляет собой единую арену военного противоборства.
2. На геоцентрическом ТВД доминируют космические и кибернетические войска, представляющие собой фактически единое целое, а потому действовать они должны под единым командованием.
3. Единство космических и кибервойск обусловлено двумя факторами. Во-первых, быстротечностью операций. Во-вторых, фактическим отсутствием различий между стратегическим и тактическим уровнями управления ими.
4. Последнее означает, что в новой реальности информация, необходимая для управления боевыми действиями, уже не может делиться на тактическую (детальную и локальную) и стратегическую (глобальную, но не столь детальную), как это было

¹ Данное определение присутствует в ряде онлайн-словарей и широко цитируется в Интернете без указания на источник. — *Прим. ред.*

² URL: https://en.wikipedia.org/wiki/C._Robert_Kehler.

прежде. На всех уровнях системы управления войсками информационный образ обстановки должен быть одним и тем же – фактически он должен стать «резиновым», его обобщение (агрегирование) недопустимо. Это положение известно как принцип полной ситуационной осведомленности (Situational Awareness).

5. При этом вся информация должна быть и трехмерной, и динамической; любое событие, объект, процесс должны быть локализованы и в пространстве, и во времени.
6. В этой ситуации киберпространство становится не просто средой, в которой противники разрушают сети друг друга, но еще и носителем информационного образа геоцентрического пространства (особой «геоинформационной системой»). Без наличия информационного образа текущей обстановки победа в войне невозможна, а с ним – становится предопределенной.
7. Победа достигается путем заблаговременного выявления угроз и их нейтрализации с помощью концентрации ресурсов – там и тогда, где и когда это необходимо. Таким образом, победа может быть достигнута не путем истощения противника, а с помощью дискредитации его систем управления, иначе говоря, путём его «ошеломления» посредством действий, меняющих обстановку настолько быстро, что тот не успевает уже не только что-либо предпринять, но даже правильно воспринять и оценить происходящее.

Для оперативного освоения этой стратегии Пентагон проводит специальные сетевые игры по обучению военного персонала в режиме реального времени, что должно обеспечить американским военным значительное преимущество в скорости и глубине обоснования принимаемых решений.

Анализ масштабов и содержания проводимых мероприятий, объемы их финансирования и военно-технического обеспечения свидетельствуют о том, что превосходство в информационной сфере рассматривается американским руководством как один из основных факторов достижения целей национальной стратегии в специфических условиях начала XXI века. По определению Пентагона, «превосходство в киберпространстве» означает состояние, когда США и дружественные им силы располагают полной свободой деятельности в киберпространстве, тогда как силы противника такой свободы не имеют. Проще говоря, США исходят из того, что национальных секторов киберпространства просто не существует, а потому никакие государства не могут распространить на них свой суверенитет.

Однако множество обрушившихся на Пентагон кибератак убедило министерство обороны США в том, что американским вооруженным силам необходимы как наступательные, так и оборонительные средства ведения информационной борьбы. Убедительное обоснование направлений деятельности Пентагона в киберпространстве дал заместитель министра обороны США У. Линн III, который в сентябре 2010 г. опубликовал в журнале *Foreign Affairs* статью «Защищая новое пространство: стратегия кибербезопасности Пентагона» [4].

В этой статье У. Линн III приводит пять основополагающих принципов будущей военной киберстратегии:

- киберпространство должно быть признано таким же пространством войны, как суша, море и воздух;
- любая оборонительная позиция должна выходить за рамки «хорошей гигиены» (пассивной защиты) и включать сложные операции, позволяющие обеспечить оперативное реагирование;
- согласно задачам обеспечения национальной безопасности, кибероборона должна выйти за рамки военных подразделений и распространяться на коммерческие сети;
- для эффективного предупреждения угроз кибероборона должна вестись совместно с зарубежными союзниками;
- министерство обороны должно идти в ногу с развитием индустрии информационных технологий, сохранять и использовать технологическое доминирование США.

У. Линн III отмечает также, что для реализации изложенной стратегии киберобороны и проведения военных операций в киберпространстве министерство обороны США

изменило свою организационную структуру. Пентагон приступил к созданию надежной многоуровневой обороны военных сетей и возложил ответственность за интеграцию действий по обеспечению кибербезопасности военных компьютеров на новое киберкомандование. (Создание и курирование работы киберкомандования фактически было основным направлением деятельности У. Линна на завершающем этапе его военной карьеры в Министерстве обороны США; его можно считать «отцом-основателем» этой мощной военной структуры).

СОЗДАНИЕ КИБЕРКОМАНДОВАНИЯ

Обусилиях по формированию военного киберкомандования как специальной структуры в рамках Стратегического командования Соединенных Штатов, отвечающей за использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) вооруженными силами, впервые было объявлено в середине 2008 г. (в конце второго срока полномочий администрации Дж. Буша-мл.). Интересно отметить, что к этому времени в военно-воздушных силах США аналогичная структура уже существовала (она получила обозначение *AFCYBER*). Было объявлено, что киберкомандование *AFCYBER* будет обладать возможностями «сдерживания, разрушения, обмана, разубеждения и поражения врагов при помощи различных средств наступления и обороны» [5].

Несколько позже на авиабазе Лакленд в штате Техас было начато строительство первого специализированного кибернетического разведцентра на 400 человек. Это место было выбрано в основном по «географическим» причинам – из-за непосредственной близости к другим подразделениям кибервойск США: разведуправлению ВВС (*Air Force Intelligence, Surveillance and Reconnaissance Agency*), Техасскому криптологическому центру АНБ, объединенному командованию информационных операций, группе криптологической поддержки ВВС, а также 67-му сетевому крылу космического командования ВВС. Сюда из Сан Антонио была переведена 68-я эскадрилья сетевых операций (*68th Network Warfare Squadron*) и 710-е звено информационных операций (*710th Information Operations Flight*). Судя по имевшимся в то время планам, этот специализированный разведцентр должен был работать в основном в интересах космического командования ВВС США.

Проект создания стратегического киберкомандования США при администрации Дж. Буша-мл. реализован не был: во-первых, из-за проблемы определения полномочий вновь создаваемого командования на фоне чрезмерной уязвимости военной инфраструктуры США для внешних кибератак; во-вторых, из-за обострившихся в этот период внутренних противоречий как между родами войск, так и между военными и Министерством внутренней безопасности (МВБ). Дело в том, что создание в составе министерства обороны США организационной структуры по противодействию киберугрозам должно было неминуемо привести к пересечению ее полномочий с полномочиями МВБ. По-видимому, именно эта проблема (помимо прочих) не позволила администрации президента Дж. Буша-мл. создать киберкомандование.

В период второго президентского срока администрации президента Дж. Буша-мл. действия военных по обеспечению безопасности киберпространства проводились плохо скоординированными различными рабочими группами, не связанными друг с другом ни географически, ни организационно. Онамерении создать новое военное киберкомандование, призванное обеспечить безопасность не только военных, но и гражданских информационных систем, официальные представители Пентагона объявили только в мае 2009 г. (уже при администрации президента Б. Обамы).

В июне 2009 г. министр обороны США Р. Гейтс, признавая, что потребности в защите киберпространства значительно превосходят имеющиеся в военных структурах возможности, опубликовал меморандум, в котором говорилось об объединении всех рабочих групп под единым командованием – иначе говоря, о создании нового киберкомандования (но не в структуре ВВС, а в рамках Стратегического командования – *STRATCOM*). Такое киберкомандование высшего уровня (*US Cyber Command – USCYBERCOM*) в мае 2010 г. стало составной частью американского стратегического командования [6].

Поначалу на *USCYBERCOM* было возложено три задачи:

- 1) защита всех военных сетей и поддержка военных действий и операций против кибертеррористов;

- 2) управление всеми военными киберресурсами и обеспечение соблюдения правил информационной безопасности во всех подразделениях министерства обороны;
- 3) координация и киберсотрудничество министерства обороны с другими государственными ведомствами, союзниками и частным бизнесом.

При этом продолжали оживленно обсуждаться такие ключевые вопросы, как масштабы вовлеченности государства в обеспечение информационной безопасности, а также полномочия этого нового военного командования. Многие источники сообщали о том, что в перечень функций нового командования будет входить защита не только военных, но и гражданских информационных сетей [7], и выражали обеспокоенность возможной «милитаризацией Интернета».

По мнению ряда экспертов, миссия созданного на стратегическом уровне киберкомандования состоит в «планировании, координации, интеграции, синхронизации и проведении сетевых операций для руководства оборонительными операциями по защите специфических информационных сетей министерства обороны США, а также в подготовке и при необходимости проведении полномасштабных военных киберопераций во всех доменах в целях обеспечения для США и их союзников свободы действий в киберпространстве и недопущения подобных действий со стороны противника» [8].

Новый импульс созданию военного киберкомандования придал президент Обама, трактуя это событие в контексте реформы общенациональной системы обеспечения информационной безопасности. Эта реформа в целом имела не только военное, но и огромное политическое значение. Ее суть состояла в принятии ряда важных законодательных и организационных мер, направленных на закрепление за Соединенными Штатами статуса глобально доминирующей информационной сверхдержавы, чего невозможно добиться без надежной защиты всех американских пользователей киберпространства. В результате, судя по косвенным данным, более приоритетными были признаны не столько новые технологические возможности ведения наступательных операций, сколько задачи обеспечения информационной безопасности США, и в частности, защиты той части киберпространства, которой пользуется сам Пентагон.

В 2009 г. на слушаниях в Комитете по вооруженным силам Палаты представителей США директор АНБ заявил, что новое командование будет совмещать оборонительные и наступательные информационные средства Министерства обороны и АНБ [9]. Кроме того, посредством создаваемого органа АНБ планирует поддержать министерство внутренней безопасности, в чьи обязанности в настоящее время входит обеспечение информационной безопасности объектов стратегической инфраструктуры Соединенных Штатов.

Согласно официальным информационным материалам «в функции киберкомандования входит подготовка, координация, интеграция, синхронизация действий по проведению операций по защите информационных сетей министерства обороны США, а также, при наличии соответствующего приказа, проведение всего спектра военных информационных операций с целью обеспечения действий вооруженных сил во всех сферах, обеспечение свободы действий американских и союзнических вооруженных сил в киберпространстве, поражение информационных средств противника» [10].

Возглавил новое командование генерал-лейтенант Кит Александер (Keith B. Alexander), сохранивший также за собой пост главы Агентства национальной безопасности (АНБ). Именно на него была возложена ответственность за защиту военных компьютерных сетей и проведение наступательных киберопераций против вражеских сил. По его мнению, американские военные «должны иметь наступательные возможности, чтобы в режиме реального времени отключать тех, кто пытается на нас напасть» [11].

USCYBERCOM контролировал все ветви американской военной киберсистемы. В его функции входило управление информационными ресурсами министерства обороны, оно объединяет подразделения четырех видов вооруженных сил США: армии (*ARFORCYBER*), авиации (*24th USAF*), флота (*FLTCYBERCOM*) и морской пехоты (*MARFORCYBER*). В 2011 г. в киберкомандовании числилось 931 человек, из которых 464 военных и 467 гражданских лиц, не считая контрактников [12]. В это время министерство обороны США имело в своем распоряжении 15 тыс. сетей и 7 млн компьютерных устройств, размещенных во многих странах мира; их обслуживало более 90 тыс. сотрудников [13].

Использование этого огромного потенциала в военных целях должно было позволить Соединенным Штатам устанавливать в своих интересах информационную блокаду, вести тотальный кибершпионаж, а также «искажать, опровергать, приводить в негодность и уничтожать» информацию и компьютеры по всей планете [14]. Речь идет о том, что с помощью союзников и частных фирм, работающих в сферах информации и безопасности, США планируют установить новый порядок в мировом виртуальном пространстве, что может резко изменить геополитический баланс сил и состояние международной безопасности в целом, а также поставить под сомнение целесообразность многих либеральных достижений информационной эпохи.

СТРАТЕГИИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

В 2011 г. о своих планах уйти в отставку объявил У. Линн III. До передачи преемнику руководства созданной им структуры он приложил немало усилий для принятия принципиально важного документа – «Стратегии операций МО США в киберпространстве» [15]. (Эта сугубо военная киберстратегия была опубликована всего через два месяца после того, как президент США Обама подписал так называемую «Международную стратегию развития и защиты киберпространства» [16], определившую глобальный – геополитический масштаб американской политики в киберпространстве).

По нашему мнению, именно эта «Стратегия» во многом определила доктринальное содержание подхода министерства обороны США к киберобороне, превратив кибероружие в самостоятельный силовой фактор современной международной политики.

В ней утверждается, что наиболее серьезные потенциальные угрозы находятся в сфере кибербезопасности, они могут исходить от негосударственных акторов международных отношений. Учитывая роль частного сектора в развитии информационных технологий, негосударственные акторы могут по ряду показателей своего информационного потенциала и информационных ресурсов превосходить некоторые государства. В этом и состоит особенность современной геополитической обстановки, и это очень опасно, поскольку «неудача министерства обороны в обеспечении безопасности своих информационных систем в киберпространстве является фундаментальным риском в отношении его способности выполнять функции обороны страны, как сегодня, так и в будущем» [17].

США категорически отвергают разработку паритетных стандартов международной информационной безопасности (МИБ). В киберпространстве, как и в других сферах внешнеполитического противостояния, они стремятся не просто к новой доктрине (стратегии), о которой уже давно говорят в правительстве [18], а к новому кибероружию, способному обеспечить США реальное доминирование в глобальном информационном пространстве.

Однако упомянутые стратегии оставляют нерешенной проблему направления «ответного удара». В самом деле, если ракета летит из определенного, как правило, заранее разведанного места расположения, то компьютерный вирус может появиться фактически ниоткуда. Из-за огромных объективных трудностей идентификация источника кибератаки в глобальной сети может потребовать времени, несопоставимого с продолжительностью самой атаки. Такая идентификация может затянуться на несколько месяцев или вообще не дать никаких результатов. Здесь важно не забывать, что кибератаки могут осуществляться анонимно, с использованием таких специальных средств, как «анонимайзеры», позволяющих скрыть ее источник, сделать его практически «невидимым» для поисковых систем.

Кроме того, даже если источник кибератаки удалось идентифицировать, его нельзя автоматически считать целью для нанесения ответного удара, поскольку этот источник может принадлежать не государству, а какой-либо независимой группировке, к которой нельзя предъявить какие-либо требования о возмещении ущерба, поскольку у нее нет ни юридического статуса, ни какого-либо имущества. Часто кибератаки исходят из серверов, находящихся в собственности транснациональных организаций (бизнеса) в нейтральных странах.

Более того, не всегда ясно, какой именно киберинцидент можно считать военной атакой. Многие из современных «несанкционированных проникновений» в компьютерные сети являются скорее хулиганством или шпионажем, чем актом войны.

С военной точки зрения Пентагон противостоит только внешней киберагрессии. Поэтому

в документах высокого уровня очень важна явная идентификация неприятеля, что и было сделано в 2011 г., когда впервые главным киберпротивником США был назван Китай [19].

Основное содержание доклада Пентагона, посвященного его политике в киберпространстве и представленного Конгрессу США в ноябре 2011 г., сводится к утверждению о том, что «Соединенные Штаты резервируют за собой право применения военной силы в ответ на любую значительную кибератаку, направленную против американской экономики, правительства или военных... По приказу мы будем отвечать на враждебные атаки в киберпространстве, так же, как мы должны реагировать на все иные угрозы нашей стране. Мы резервируем право использовать для защиты нашей страны, наших союзников и партнеров, а также наших интересов все необходимые средства — дипломатические, информационные, военные или экономические» [20].

Операции в киберпространстве должны проводиться в режиме, подобном традиционным военным операциям. Вместе с тем признается отсутствие исторических прецедентов «традиционной военной деятельности в киберпространстве», а также отсутствие театра (и опыта проведения) такого рода военных действий в период до изобретения современных информационных и коммуникационных технологий, таких как Интернет. Поэтому вопрос о том, могут ли такие операции осуществляться в соответствии с теми же принципами и правовым режимом, которые присущи «кинетическому оружию» и «традиционным военным операциям», требует дополнительного обоснования.

В отношении наступательных операций в киберпространстве, как и в отношении любого иного применения силы должен применяться «Закон о военной силе 93–148» (Public Law 93–148). Признается, что осуществление наступательных операций в киберпространстве в определенном смысле является наиболее эффективным способом противодействия угрозам и защиты вооруженных сил США и их союзников, включая те способы, когда в операциях принимает участие правительство США или когда его роль явно обозначена.

С точки зрения обороны классификация кибератаки противника как значимого события будет осуществляться в соответствии со следующими качественными оценками её последствий: причинение «смерти, ущерба, разрушения или высокого уровня нарушения функций объекта». В соответствии с оценкой уровня последствий, кибератака как значимое событие может повлечь существенный военный ответ, учитывающий размеры нанесенных «потерь».

В декабре 2011 г. Конгресс США санкционировал допустимость военных наступательных операций в киберпространстве [21].

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КИБЕРПОЛИТИКИ США

Киберполитика США, направленная на защиту национальных интересов США в международном киберпространстве, изначально носит неравноправный, можно сказать конкурентный характер. Неотъемлемая составная часть американской киберполитики — препятствовать тому, чтобы все остальные страны («партнеры», «конкуренты», «противники») делали то же самое, то есть защищали в глобальной сети свои национальные интересы. Фактически руководство США поставило задачу предотвращения использования глобальной информационной инфраструктуры против интересов США. Это означает лишение конкурентов (не только противников, но и партнеров) даже мизерной возможности сохранять свои коммерческие, научно-технические, политические и прочие секреты, что эквивалентно отрицанию права всех стран мира на сохранение информационного суверенитета.

Нынешний этап эволюции политики США в киберпространстве начался с замены в начале 2014 г. шефа АНБ и *USCYBERCOM* генерала К. Александера на криптолога из ВМС США, адмирала Майкла Роджерса (Michael S. Rogers) [22].

Среди последних документов, подготовленных уже под эгидой нового начальника, можно отметить два — указ президента Обамы ЕО 13694 [23] и новую киберстратегию МО США [24].

Указ был подписан весной 2015 г., он получил название «О блокировке собственности лиц, причастных к значительной враждебной деятельности в киберпространстве». По существу это мера финансового сдерживания, направленная против тех, кто пытается с помощью кибератак нанести ущерб национальной безопасности или экономике США.

Президент объявил, что враждебная деятельность в киберпространстве, осуществляемая из-за пределов США, представляет собой чрезвычайную угрозу национальной безопасности страны. Согласно указу, такая деятельность включает в себя взлом или нарушение работы компьютерных сетей, критической инфраструктуры, а также кражу коммерческой тайны американских компаний или личной информации американских граждан.

В этой связи, вопреки действующим международным нормам, президент наделил министра финансов США правом (по согласованию с генеральным прокурором и госсекретарем) признавать *виновным* в такой деятельности любое иностранное лицо (или организацию), которые, по его мнению, прямо или косвенно к такой деятельности *причастны*, блокировать счета этих лиц (или организаций), а также отказывать им в доступе к находящемуся на территории США имуществу (и отказывать во въезде в США). Более того, согласно этому указу, министр финансов может передать право введения такого рода экономических санкций другим федеральным ведомствам, в том числе силовым.

Фактически этот указ создаёт новую палитру нерыночных методов ведения конкурентной борьбы, с помощью которых правительство США может оказывать давление на зарубежных партнёров в интересах американских компаний.

Одновременно в апреле 2015 г. была представлена новая киберстратегия Министерства обороны США, целью которой было определение направлений развития американского кибероружия, укрепления киберобороны страны, а также подхода к сдерживанию кибератак. Этот документ сфокусирован на формировании возможностей реализации ряда задач министерства обороны США в сфере кибербезопасности. В новой киберстратегии Пентагона в качестве одной из важнейших задач обозначена защита национальных интересов США от кибератак, «имеющих значительные последствия», и при этом недвусмысленно обсуждаются возможные меры возмездия. (Хотя в Стратегии ещё остаётся некоторая неясность в отношении того, какие случаи Соединенные Штаты будут считать достаточно критическими для немедленного применения намеченных мер возмездия).

ГИГАНТСКАЯ КИБЕРАТАКА

Как бы проверяя решимость администрации Б. Обамы применить в отношении «агрессора» военные или же финансово-экономические меры возмездия, в середине июня 2015 г. международная пресса сообщила о том, что хакеры весь последний год имели незаконный доступ к засекреченным персональным данным 4-х млн действующих и бывших сотрудников силовых и разведывательных служб Соединенных Штатов. В частности, хакеры сумели получить доступ к анкетам и специальным формам № 86, которые американские государственные служащие заполняют при оформлении допусков к секретным работам и сведениям («security clearance»). В этих документах содержится деликатная персональная информация: о болезнях, различных психологических расстройствах, наркотической и алкогольной зависимости человека. Кроме того, в анкетах имелись сведения о кредитной истории, местах прежней занятости, номере соцстрахования, а также контактная информация о ближайших друзьях и родственниках в США и за рубежом [25].

После этой воистину гигантской кражи персональных данных стало ясно, что мер, предпринимаемых в сфере информационной безопасности мало, что, добиваясь прозрачности всего остального мира, США сами остаются весьма уязвимыми для внешних кибератак. Похищение данных миллионов федеральных служащих США обнаружило, что американское правительство десятилетиями пренебрегало безопасностью своих компьютерных систем. Об этом заявила глава Бюро по управлению персоналом (Office of Personnel Management – OPM) Кэтрин Арчулеты (Katherine Archuleta). По ее словам, ущерб от этой хакерской атаки может быть весьма масштабным.

США были первой страной, применившей наступательное кибероружие против суверенного государства (так же, как это ранее было с ядерным оружием и беспилотниками. «Применив столь разрушительные вирусы, как Stuxnet и Flame, Америка сильно подорвала свое нравственное и политическое реноме» [26]. Но теперь Америка сама стала жертвой. И ей надо срочно классифицировать нанесенный ущерб и принять решение об ответных мерах (например, о нанесении ответного киберудара).

После 30-дневного разбирательства в отношении гигантской летней кражи персональных

данных из *ОМР*, она была классифицирована как «особый случай», а именно: как беспрецедентный по масштабу шпионаж, который, однако, не был разрушительным и не привёл к краже какой-либо интеллектуальной собственности. Было решено, что возможные негативные последствия этой кибератаки будут нивелированы с помощью существенного усложнения процедур онлайн-идентификации в органах федеральной власти США (в том числе, для привилегированных пользователей).

В самом конце июля 2015 г. газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала весьма содержательную статью своего известного вашингтонского корреспондента Дэвида Сэнджера (David E. Sanger), посвященную последствиям произошедшей масштабной кражи персональных данных государственных служащих США [27].

В статье отмечается, что Соединенные Штаты видят различие между **кибервторжениями**, направленными на нанесение ущерба национальной безопасности (на эти вторжения должна реагировать контрразведка), и **кибератаками**, ориентированными на сбор данных в коммерческих целях (на которые должны реагировать правоохранительные органы). Один из руководителей американской разведки дал понять, что «размеры произошедшего прецедента меняют его природу». Такие прецеденты явно выходят за рамки и уголовных правонарушений, и даже традиционного шпионажа.

Д. Сэнджер обращает внимание на то, что США начали всерьёз обсуждать, как отомстить хакерам, атакующим Америку в киберпространстве на государственном уровне. Так, продолжая идею упомянутого выше указа президента Обамы, адмирал М. Роджерс, совмещающий должности директора АНБ и шефа *USCYBERCOM*, подчеркнул необходимость нанесения «атакерам» (лицам или организациям, ответственным за вторжение) существенного ущерба.

При этом Америка ни с кем не хочет разговаривать «на равных». В статье говорится, что Соединенным Штатам нужно уметь прерывать и сдерживать всё то, что наши враги делают в киберпространстве, и это означает потребность в широкой палитре инструментов обоснования (легендирования) ответных действий.

Кроме того утверждается, что в рамках американского разведывательного сообщества обсуждаются направления поиска ответных операций отмщения. Одним из наиболее «инновационных» направлений назван поиск способов взлома так называемой «великой стены» («great firewall») – комплексной сети цензуры и контроля, которой Китай окружил своё информационное пространство для пресечения диссидентского движения внутри страны. Сама идея такой мести призвана убедить китайских лидеров в том, что, если они не уберут свои атаки на США, они могут лишиться одной из главных внутривнутриполитических ценностей Китая – абсолютного контроля над политическим диалогом в стране.

«СВОБОДА ИНТЕРНЕТУ»

Надо заметить, что идея взлома китайской цензурной стены не нова. Как известно, Америка причисляет свободу Интернета к ценностям высшего порядка, обеспечение которых она относит к своим стратегическим целям. Для достижения этих целей США намерены комплексно использовать все инструменты своей национальной мощи – дипломатические, информационные, военные и экономические, в том числе так называемые факторы «мягкой силы». Одним из наиболее ярких примеров практического использования этих инструментов для защиты «старых ценностей в новых технологических условиях», можно считать соответствующую программу американского Госдепартамента «Свобода Интернету».

Как известно, в странах, практикующих цензуру, граждане нередко лишены доступа к зарубежным мнениям, а также возможностям изложения своей точки зрения. США выступают за то, чтобы всё мировое сообщество «пользовалось в Интернете универсальными правами бесцензурного общения». «Хороших пользователей» (которые не нарушают американских законов) правительство США считает «свободными гражданами, не имеющими национальности и не признающими в глобальном киберпространстве какого-либо государственного суверенитета». Ради защиты их прав США считают возможным вмешиваться во внутренние дела других стран [28].

Составной частью программы «Свобода Интернету» являются проекты создания и распространения специальных онлайн-инструментов (так называемых «анонимайзеров»),

позволяющих обходить сетевые экраны (брандмауэры), которые правительственные органы ряда стран используют в целях контроля (цензуры) национальных сегментов Интернета. (Речь идет о программных кодах, позволяющих пользователям общаться и размещать в сети материалы, направляя свой Интернет-трафик через другие страны и, таким образом, не «засвечиваться» в национальных правоохранительных структурах, то есть сохранять некоторую «анонимность». По мнению специалистов в основу «анонимайзеров» были положены разработки, созданные в рамках известной программы «Тор»).

Программа Госдепа «Свобода Интернету» опирается на идею применения в глобальном киберпространстве универсальных прав доступа к информации». Пользуясь лексикой основателя компании WikiLeaks Джулиана Ассанжа, можно сказать, что США стремятся «распространить на весь мир первую поправку к своей Конституции». В результате любой современный человек должен будет почувствовать себя «Настоящим Американцем» и пользоваться универсальным правом доступа к информации.

Этот тезис полностью соответствует официальной политике «цифровой дипломатии», освещению которой были посвящены два выступления госсекретаря США Хиллари Клинтон в начале 2010 г. (в Вашингтонском «Музее новостей») [29] и в начале 2011 г. (в университете Джорджа Вашингтона) [30].

Вторя знаменитой фултоновской речи У. Черчилля о «железном занавесе», Х. Клинтон заявила, что «распространение практики подобных ограничений во многих странах мира подобно падению информационного занавеса». Эту мысль подтвердил старший советник Х. Клинтон Алекс Росс (Alex Ross): «Мы помогаем людям пользоваться универсальными правами в Интернете. Мы поддерживаем универсальные права, свободу и открытость Интернета» [31].

По данным газеты «Вашингтон Пост», создание и распространение такого рода инструментов оплачивается правительством. Программу «Свобода Интернету» поддерживает лично президент Б. Обама, который заявил об этом на встрече с шанхайскими студентами в 2009 г. [32].

Сегодня, как указывает американская пресса, более 1 млн человек, проживающих в «странах, практикующих цензуру», ежедневно используют онлайн-инструменты, преодолевающие национальные брандмауэры. Финансирование работающих по этому проекту организаций и коммерческих фирм осуществляется по многим каналам, в том числе, Госдепартаментом США, а также Управлением технологий, услуг и инноваций (Office of Technology, Services and Innovation) Совета управляющих вещанием (Broadcasting Board of Governors – BBG) – независимого агентства американского правительства. Директор этого управления Андре Мендес (André Mendes) заявил, что «всякий раз, когда мы предоставляем провайдерам дополнительное финансирование, жесткость цензурных ограничений на время смягчается, однако наши возможности очень быстро исчерпываются» и ситуация возвращается в прежнее состояние. В 2011 г. на эти цели Госдеп выделил около 25 млн долл. По данным же газеты The New York Times, эта цифра – выше 70 млн долл..

АНОНИМАЙЗЕР «TOR»

В этом контексте уместно вспомнить об уникальной квалификации адмирала М. Роджерса, отдавшего более 30 лет своей карьеры военно-морскому флоту США и обладающего не только большим опытом в сфере разведки, но также и опытом руководства «киберфлотом» – специальным киберподразделением ВМФ США.

Это позволяет предположить, что вице-адмирал М. Роджерс имел непосредственное отношение к системе (сети) анонимных пользователей системы Тор, которая была создана разведкой ВМФ США для осуществления специальных операций в киберпространстве, направленных на противодействие авторитарным правительствам, «ограничивающим информационные права граждан».

В 2003 г. проект Тор был рассекречен, переведен в ранг свободного софта и пущен в вольное плавание, а большая часть команды разработчиков плавно перешла из разведывательных структур в специально созданный фонд. При этом эта сеть анонимных пользователей, быстро превратилась в прибежище маргинальных и криминальных киберсубкультур.

Именно эта система в течение первых 2–2,5 лет была основным пространством для обращения новой анонимной виртуальной валюты «биткойн» (после её появления в 2009 г.). При этом

«биткойн выглядел так, будто его создавали в качестве оружия, – написал Чарли Стросс, – призванного нанести удар по центральным банкам в либертарианских целях – помешать государствам собирать налоги и следить за финансовыми транзакциями граждан» [33].

Эта мысль была уточнена в получившей большой резонанс книге двух высококвалифицированных специалистов из «силиконовой долины» Э. Шмидта и Д. Коэна – «Новая цифровая эпоха» [34]. В этой книге при обсуждении способов ослабления «могущества традиционного государства» в цифровую эпоху речь идёт уже не об общих рекомендациях, а о весьма конкретных мерах, например введение «уникальной виртуальной валюты», реализующей в глобальном киберпространстве универсальное право граждан на неконтролируемое государством (анонимное) распоряжение своими деньгами.

Будут ли реализованы глобальные амбиции США – не ясно, уж слишком уязвимыми становятся информационные системы по мере совершенствования технологий. Этот вопрос нуждается в дальнейших исследованиях, в том числе политологических.

US GLOBAL AMBITIONS IN DIGITAL AGE

*Evgenii Rogovskii, Doctor of Sci. (Economics),
Head of the Center for Military-Industrial Policy Studies,
Institute for USA and Canada Studies, Russian Academy of Science,
2/3 Khlebny per., Moscow, 123995, Russia.
E-mail: rogovsky@mail.ru*

Summary

The article investigates the political problem of U.S. domination in global cyberspace. The author deals with historical questions of U.S. Cybercommand build up and military strategies of cyberwarfare applications. Special attention attracted to political analysis of American information systems vulnerability.

Key words: *information superiority, domination in cyberspace, Pentagon cyberstrategy, “Internet freedom” program, information system vulnerability.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Europe faces a ‘real threat’ from Russia, warns US army commander. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11547247/Europe-faces-a-real-threat-from-Russia-warns-US-army-commander.html>
2. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=45289>; URL: <https://fas.org/irp/doddir/army/pam525-7-8.pdf>
3. URL: <http://www.neogeography.ru/ru/2010-05-03-10-15-45/109-sao>
4. Lynn W., III. Defending a New Domain: The Pentagon’s Cyberstrategy// Foreign Affairs. 2010. Sept./Oct. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/66552/william-j-lynn-iii/defending-a-new-domain>
5. Air Force Cyber Command. «Air Force Cyber Command Strategic Vision». March. 2008. URL: <http://www.afcyber.af.mil/shared/media/document/AFD-080303-054.pdf>
6. Miles D. Gates Establishes New Cyber Subcommand. American Forces Press Service. – Wash. 2009. June 24. URL: <http://www.defenselink.mil/news/newsarticle.aspx?id=54890>
7. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/06/23/AR2009062303492.html>
8. URL: http://rnd.cnews.ru/army/news/top/index_science.shtml?2010/07/09/399982
9. Statement for the Record Lieutenant General Keith Alexander Commander Joint Functional Component Command for Network Warfare before the House Armed Services Committee Terrorism, Unconventional Threats, and Capabilities Subcommittee. 2009. 5 May.
10. US Department of Defense Cyber Command Fact Sheet. 2010. Oct. 13. URL: www.defense.gov/cyber
11. URL: <http://fcw.com/Articles/2009/07/06/buzz-cyber-command.aspx?p=1>
12. Statement of General Keith B. Alexander Commander United States Cyber Command Before the House Committee on Armed Services Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities. 2011. 16 March.
13. Daniel L. Lynn Outlines Cyber Threats, Defensive Measures // American Forces Press Service. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=60600>

14. *Webster S.* Pentagon May Apply Preemptive Warfare Policy to the Internet. 2010. Aug. 29. URL: <http://www.rawstory.com/rs/2010/0829/pentagon-weighs-applying-preemptive-warfare-tactics-internet/>. (30.08.2010).
15. Department of Defense Strategy for Operating in Cyberspace. –Wash. D. C. 2011. July. URL: <http://www.defense.gov/news/d20110714cyber.pdf>
16. International Strategy for Cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. 2011. May. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf
17. 2010 Quadrennial Defense Review. URL: <http://www.defense.gov/qdr/qdr%20as%20of%2029jan10%201600.PDF>
18. URL: <http://www.nextgov.com/defense/2010/09/defense-lacks-doctrine-to-guide-it-through-cyberwarfare/47575/>
19. Foreign economic collection report 2011. URL: http://www.globalsecurity.org/intell/library/reports/2011/foreign-economic-collection_2011.pdf
20. Department of Defense Cyberspace Policy Report to Congress. 2011. Nov. URL: http://www.defense.gov/home/features/2011/0411_cyberstrategy/docs/NDAA%20Section%20934%20Report_For%20webpage.pdf.
21. Congress Sanctions Offensive Military Action in Cyberspace. 2011. Dec. 15. URL: <https://www.infosecisland.com/blogview/18769-Congress-Sanctions-Offensive-Military-Action-in-Cyberspace.html>
22. Obama signs off on nomination of Rogers as NSA director. URL: http://www.washingtonpost.com/world/national-security/obama-signs-off-on-nomination-of-rogers-as-nsa-director/2014/01/25/bc54378c-85f7-11e3-801f-e3ff2ca3fab6_story.html?wpisrc=nl_headlines
23. Executive Order 13694 of April 1, 2015 Blocking the Property of Certain Persons Engaging in Significant Malicious Cyber-Enabled Activities. URL: http://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/cyber_eo.pdf
24. URL: http://www.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/Final_2015_DoD_CYBER_STRATEGY_for_web.pdf
25. Chinese hack of federal personnel files included security-clearance database. URL: https://www.google.ru/?gws_rd=ssl#newwindow=1&q=Chinese+hack+of+federal+personnel+files+included+security-clearance+database
26. *Гринуолд Г.* Новое крупное расширение «подразделения кибербезопасности» в Пентагоне предпринято вовсе не ради обороны. URL: <http://www.inopressa.ru/article/29jan2013/guardian/cyber.html>
27. *Sanger D.A.* “U.S. Decides to Retaliate Against China’s Hacking.” NYT JULY 31, 2015 URL: <http://www.nytimes.com/2015/08/01/world/asia/us-decides-to-retaliate-against-chinas-hacking.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&module=first-column-region®ion=top-news&WT.nav=top-news>
28. Internet Freedom as a Global Human Rights Issue. URL: <http://www.asil.org/insights120524.cfm>
29. *Clinton H.R.* Remarks on Internet Freedom. The Newseum Washington, DC January 21, 2010 www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135519.htm
30. Clinton H.R. Internet Rights and Wrongs: Choices & Challenges in a Networked World / George Washington University Washington, DC. February 15, 2011. URL: washingtonpost.com/blog.../clinton_internet_freedom_speech.html
31. «Мы не будем извиняться за то, что помогаем людям пользоваться универсальными правами». Интервью старшего советника госсекретаря США по инновациям АЛЕКСА РОССА корреспонденту «Ъ» Елене Черненко, Газета «Коммерсантъ», № 172 (4713), 15.09.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1773260>
32. President Obama at a Shanghai town hall with students, as provided by the White House. URL: <http://latimesblogs.latimes.com/washington/2009/11/obama-china-townhall-text.html>
33. *Stross Ch.* Why I want Bitcoin to die in a fire. URL: <http://www.antipope.org/charlie/blog-static/2013/12/why-i-want-bitcoin-to-die-in-a.html>
34. URL: <http://www.telegraph.co.uk/technology/internet/10018193/The-New-Digital-Age-by-Eric-Schmidt-and-Jared-Cohen-review.html>

А.И. СМІРНОВ

МЕГАТРЕНДЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*Смирнов Анатолий Иванович, Президент Национального института исследований глобальной безопасности, Член Экспертного совета Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции, Чрезвычайный и Полномочный Посланник РФ в отставке, д.и.н., профессор МГИМО МИД России
E-mail: aismirnov@niiglob.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются мегатренды информационной глобализации как многомерного процесса. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали драйвером пятого технологического уклада цивилизации, а основой шестого должны стать конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (NBIC). Наряду с несомненным позитивом для социализации человечества ИКТ породили и принципиально новые угрозы – инфогенные. Как следствие, в условиях обострения международной обстановки резко возросла роль проблемы укрепления международной информационной безопасности (МИБ).

Ключевые слова: *технологический уклад, информационная глобализация, информационно-коммуникационные технологии международная информационная безопасность, ООН, ШОС, НАТО, КНР, США.*

ВЕХИ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТ ПЕЩЕРЫ ДО НОМО INFORMATIСUS

Начало XXI века может остаться в истории человечества как один из самых драматичных периодов с точки зрения угроз глобальной безопасности. Планета вошла в зону геополитической турбулентности. Об этом убедительно свидетельствуют:

- «цветные революции»,
- терроризм,
- рецидивы «холодной войны» и санкций,
- всплеск локальных и региональных конфликтов,
- техногенные, природные и социогенные катастрофы,
- эпидемии новых заболеваний,
- голод.

Стремительное вступление человечества в цифровую эру своего развития, наряду с несомненным позитивом, вызвало и резкое возрастание инфогенных угроз. Это нашло отражение в целом ряде документов на международном (ООН, ШОС, СНГ, ОДКБ и др.) и национальном уровнях.

Рассмотрим кратко эволюцию человечества за хотя бы сколько-нибудь обозримые 50 тыс. лет его существования, что составляет примерно 1 600 поколений. Из числа этих поколений:

- 1 100 – провели жизнь в пещерах;
- 800 – применяют огонь;
- 400 – используют силу животных;
- 300 – владеют энергией воды и ветра;
- 150 – используют для осуществления связи поколений письменности;
- 16 – применяют порох;
- 8 – измеряют точное время;
- 6 – используют искусственные источники энергии;
- 4 – применяют электромоторы;
- 2 – владеют атомной энергией, реактивной авиацией, телевидением, лазерами, антибиотиками.

И только одно поколение применяет персональные компьютеры, Интернет, космические, генные, когнитивные и нанотехнологии.

Данное поколение некоторые эксперты называют поколением информационной глобализации [8, с. 8–9], его представителей – «Homo Informaticus», а молодежь – «цифровыми аборигенами».

ИКТ – ЛОКОМОТИВ ПЯТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Используя термин «технологический уклад» (комплекс технологий, изобретений и инноваций, лежащих в основе количественного и качественного скачка в развитии производительных сил общества), можно констатировать, что человечество, пройдя пять технологических укладов, находится в точке бифуркации, входя в шестой.

Схему технологических укладов с указанием характерных для них технологий была предложена академиком РАН С.Ю. Глазьевым [3, с. 330] (Рисунок 1).

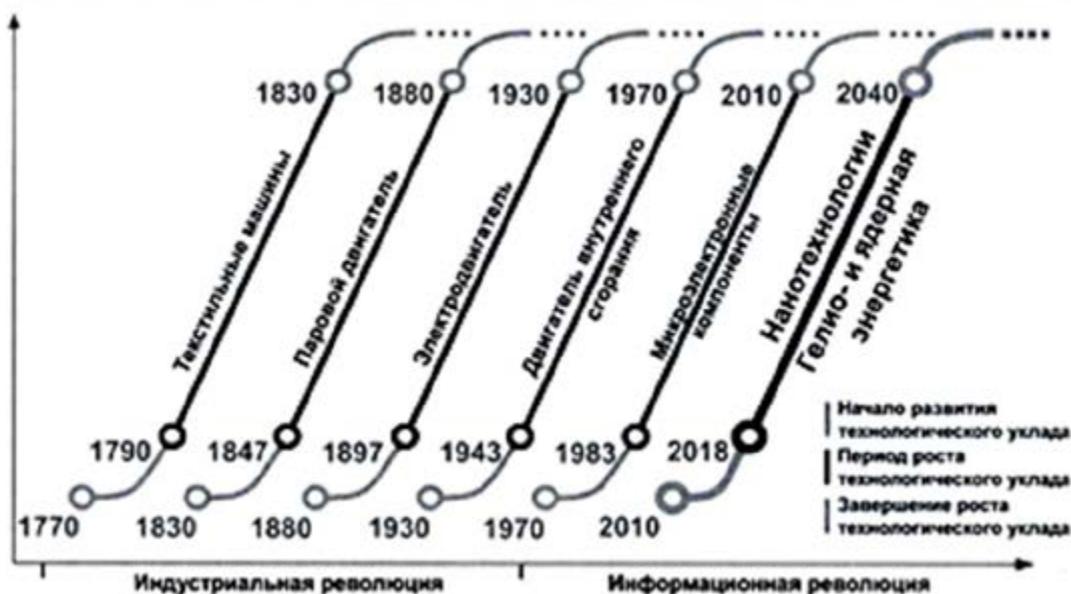


Рисунок 1. Смена технологических укладов.

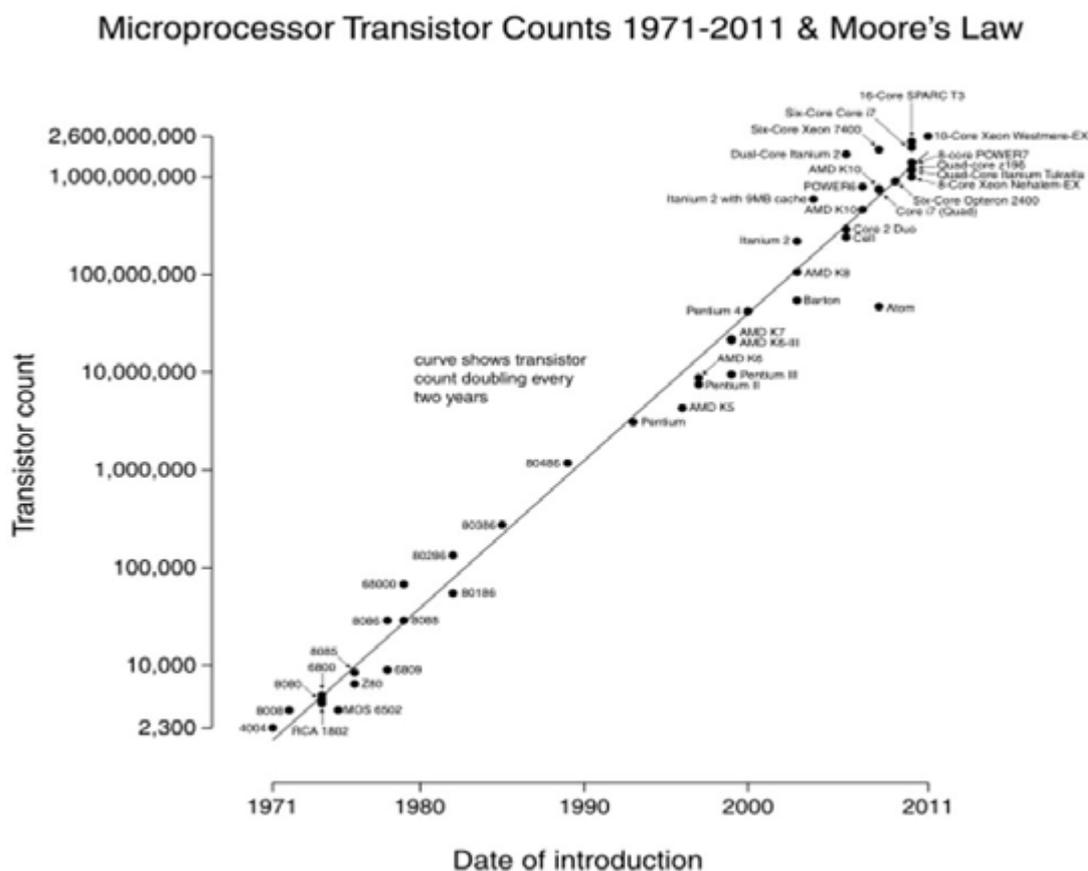
ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ПЯТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Принято считать, что пятый технологический уклад стартовал на рубеже 1940–1950-х гг., когда американскими физиками был изобретен транзистор, что положило, в частности, начало развитию микроэлектроники и созданию более надежной и не столь энергоемкой элементной базы для изобретенных несколько раньше ЭВМ. Транзистор совершил революцию в технологии радио, привел к созданию микросхем, микропроцессоров, компьютеров и многих других телекоммуникационных систем. Это был выход из «первобытного механического» века в век электронный, космический и компьютерный.

На этом этапе впервые в истории предмет конкуренции (знания, технологии и производство) перестал служить целям простой замены человеческого труда двигательной силой машин, как в предыдущих укладах. Вместо этого он стал служить целям развития доселе неизвестных интеллектуальных сил *массовой автоматизации производства, проектирования изделий и управления предприятием*. Стал закладываться принципиально другой способ преобразования ресурсов в интеллектуальную силу. В жизнь человека вошли Интернет, мобильный телефон и иные гаджеты и сервисы.

ЗАКОН МУРА

Наиболее ярко динамика ИКТ прослеживается на примере так называемого закона Мура. Инженер Гордон Мур эмпирически описал удвоение числа транзисторов на кристалле микропроцессора каждые два года¹. Вертикальная ось имеет логарифмическую (!) шкалу, то есть кривая соответствует экспоненциальному закону — количество транзисторов удваивается практически каждые 2 года (см. *Рисунок 2*) [5].



ИЗМЕРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА МЕЖДУНАРОДНЫМ СОЮЗОМ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ

Международный союз электросвязи (International Telecommunication Union, ITU), специализированное подразделение ООН в области ИКТ, исследовал развитие ИКТ в странах мира за 2013–2014 гг. [10]. Результатом стал доклад «Измерение информационного общества 2014» (Measuring the Information Society 2014), содержащий рейтинг развития 166 стран в сфере ИКТ. Первое место у Дании, а Южная Корея, возглавлявшая данный рейтинг предыдущие три года, занимает 2-е место. Место России – 42-е.

Индекс развития ИКТ (ICT Development Index) разработан в 2007 г. на основе 11 показателей и сводится в единый критерий, который можно использовать для проведения сравнительного анализа на глобальном, региональном и национальном уровнях. Эти показатели касаются доступа к ИКТ, их использования, а также практического знания этих технологий, в т.ч.: число стационарных и мобильных телефонов на 100 жителей страны, количество домашних хозяйств, имеющих компьютер, количество пользователей Интернета, уровни грамотности и т.д.

Первые 30 мест в рейтинге занимают страны с высоким уровнем дохода, что говорит о прочной взаимосвязи между доходом и прогрессом в области ИКТ. Наряду с европейцами, к числу 30 ведущих стран относятся экономики с высоким уровнем доходов из Азиатско-Тихоокеанского региона (Австралия, Макао /Китай/, Сингапур и Новая Зеландия), а также США и Канада из региона Северной Америки.

Несмотря на широкое распространение ИКТ во всем мире, налицо значительные различия между развитыми и развивающимися странами, причем значения этого индекса в развитом мире в среднем вдвое выше, чем в развивающихся странах, в которых проживают 2,4 млрд человек. К числу таких регионов относятся африканские страны, а также некоторые густонаселенные районы Индии, Пакистана и др.

В докладе также отмечены страны, которые стремительно сокращают «цифровой разрыв». К их числу относятся: ОАЭ, Барбадос, Сейшельские Острова, Беларусь, Коста-Рика, Монголия, Замбия, Австралия, Бангладеш, Оман и Зимбабве².

ТРЕНДЫ ОХВАТА ПЛАНЕТЫ ИНТЕРНЕТОМ И МОБИЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ

Как видно из диаграмм на *Рисунках 3–5* к концу 2014 г. к Интернету были подключены около 2,9 млрд человек (почти 40 % населения мира). При этом доля подключенного населения в развитых странах достигла почти 78,6 %, по сравнению с 31,5 % в развивающихся странах, а цены на фиксированную широкополосную связь в процентах от ВВП на душу населения упали за 4 года на 82 % [9].

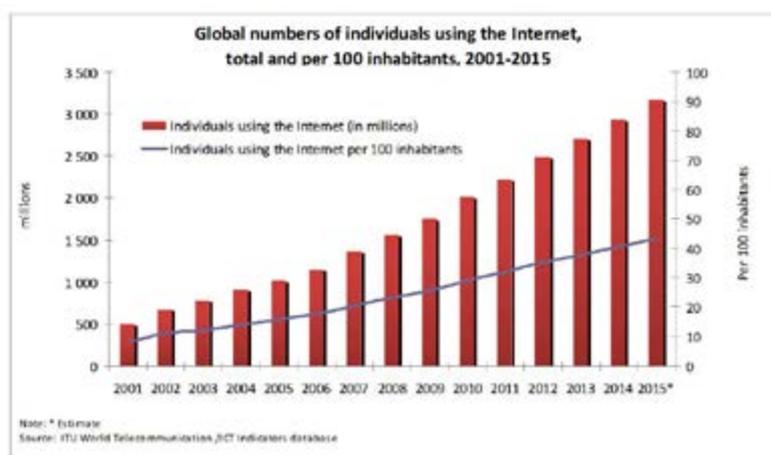


Рисунок 3. Число индивидуальных пользователей Интернета в мире (общее и в расчете на 100 человек).

² С полным видом Таблицы, отображающей рейтинг развития ИКТ в 2014 г. можно ознакомиться по адресу: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2014.aspx>.

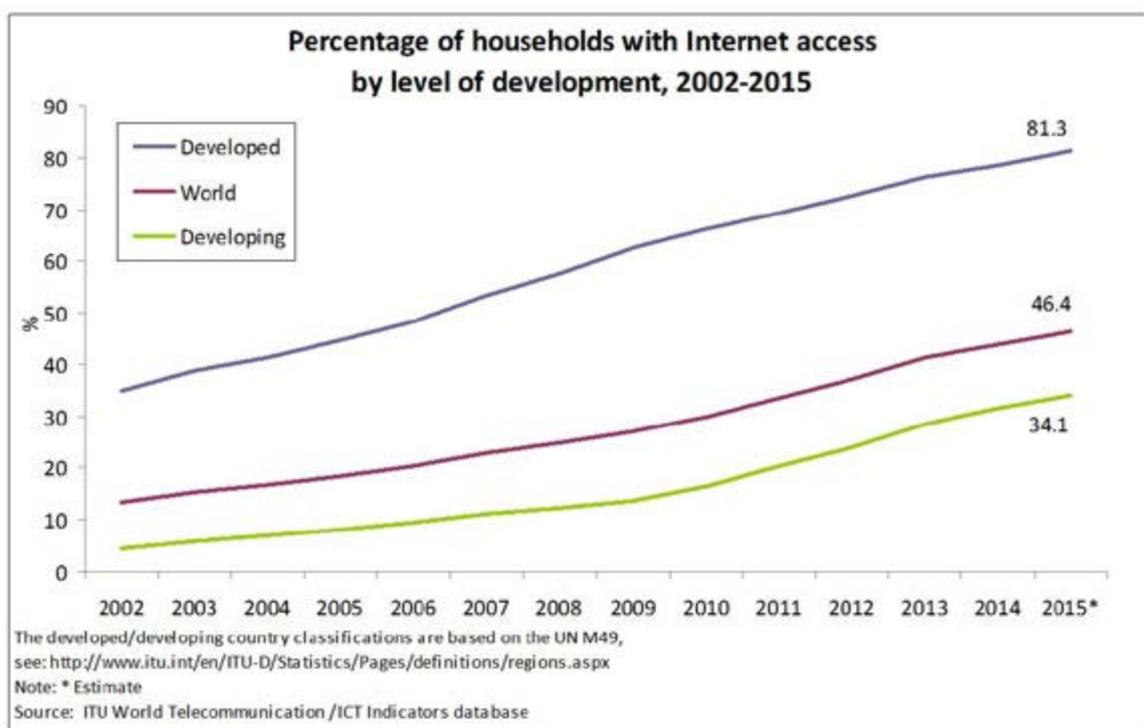


Рисунок 4. Процент домовладений с доступом к Интернету в зависимости от уровня развития (сверху вниз: развитые страны – мир в среднем – развивающиеся страны)

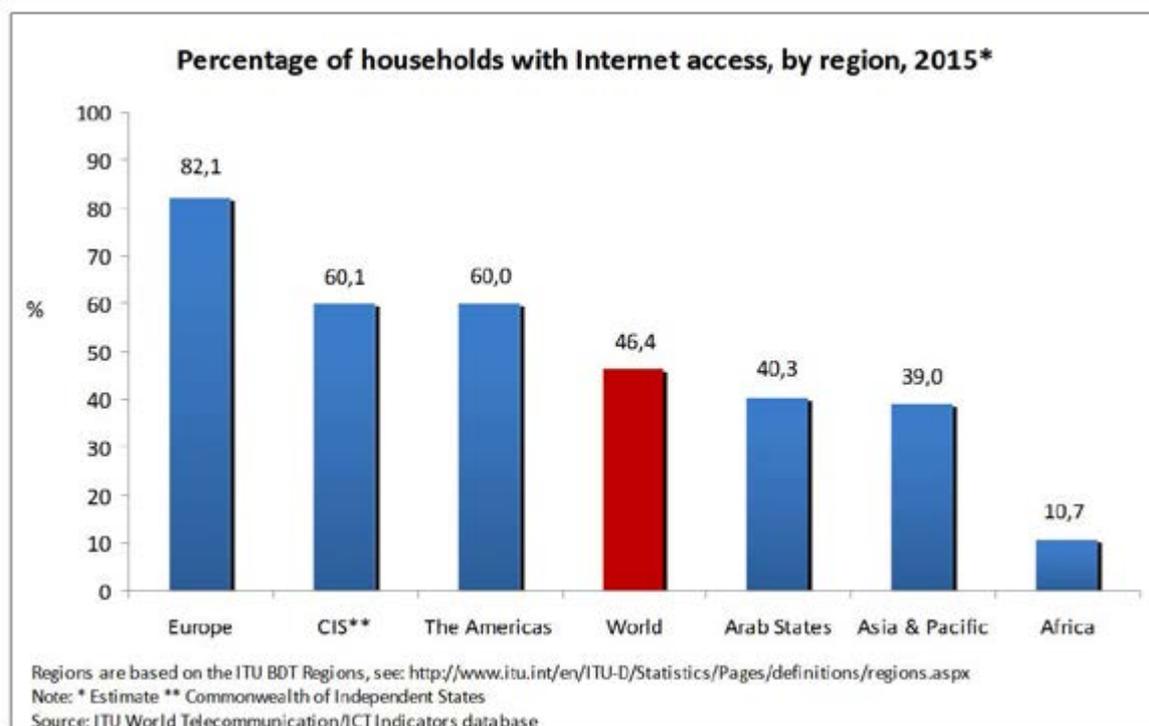


Рисунок 5. Процент домовладений с доступом к Интернету по регионам (Европа – СНГ – Америка – мир в среднем – арабские страны – АТР–Африка)

Анализ диаграмм на *Рисунках 6–7* [9] показывает, что человечество вплотную подошло к полному охвату мобильной связью. Однако это чисто количественный подход. Реально в ряде стран охват значительно ниже. Улучшается статистика там, где на каждого жителя приходится более одной SIM-карты.

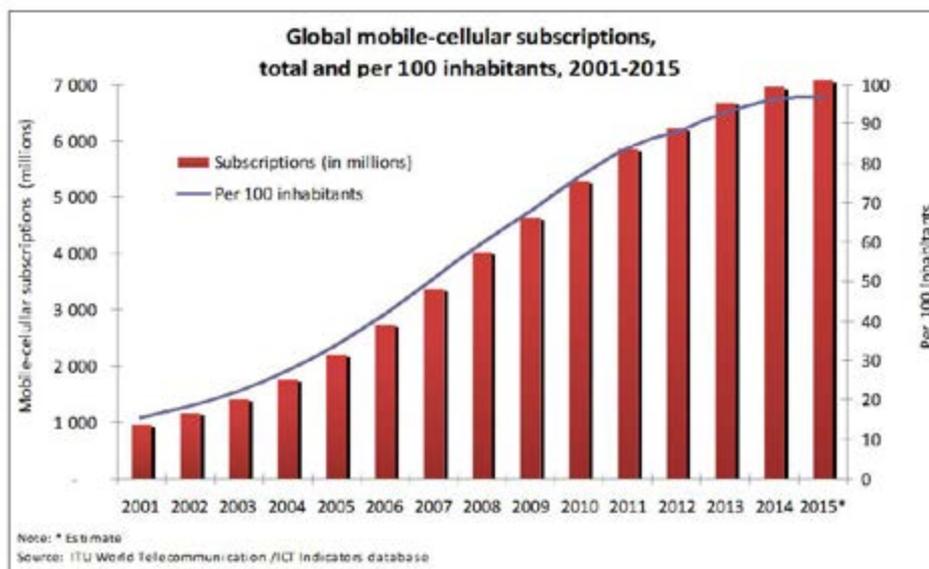


Рисунок 6. Количество подписчиков на услуги сотовой связи в мире (общее и в расчете на 100 человек).

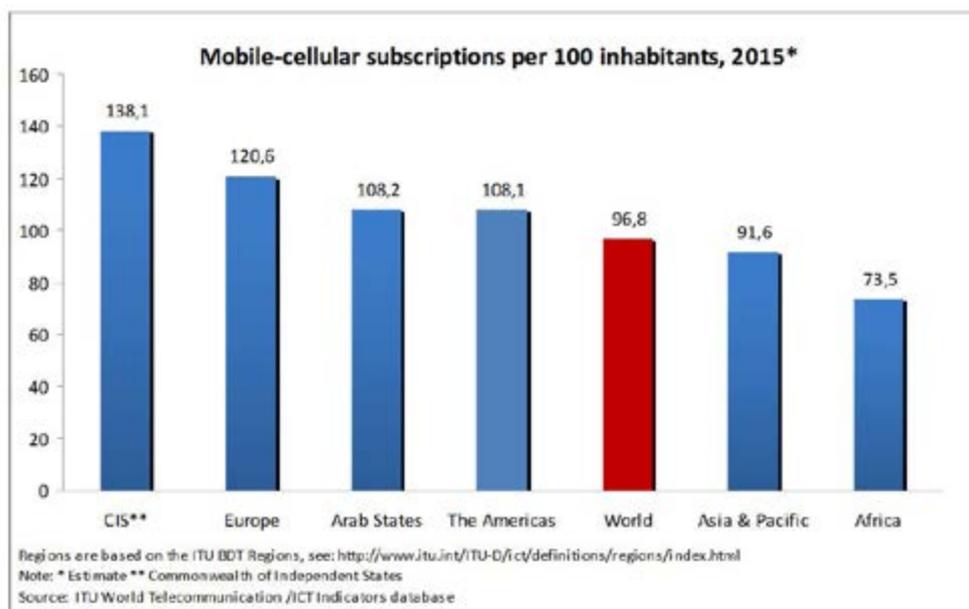


Рисунок 7. Количество подписчиков на услуги сотовой связи по регионам, в расчете на 100 человек (Европа – СНГ – Америка – мир в среднем – арабские страны – АТР – Африка).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИЛЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСНОВА ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА И СВОЙ БРЕТТОН-ВУДСКОЙ СИСТЕМЫ

Как уже отмечалось, цивилизация находится на пороге шестого технологического уклада. В отличие от предыдущих укладов, в его основе не двигательная сила, направленная на базовые элементы глобальной конкуренции, а интеллектуальные силы человека.

В рамках четвертого и пятого технологических укладов глобальная конкуренция поддерживалась с помощью мощного финансового ресурса (долларов), исходящего главным образом из США.

При переходе мировой экономики к шестому технологическому укладу происходит *системный сбой*, выражающийся в истощении и потенциала, и кредитного ресурса Бреттон-Вудской системы (позднее Ямайской валютной системы, предполагающей свободную конвертацию валют).

Этот сбой приводит к кризисным явлениям в мировой финансовой системе и на рынке инвестиций. В силу этого многие эксперты работают над новой моделью, ориентированной на системные инновационные прорывы.

Это означает, что в шестом технологическом укладе кредит как двигательная сила экономики *уступает место интеллектуальной силе, направленной на конвергенцию высоких технологий* (NBIC – нано-, био-, информационных и когнитивных технологий³).

ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С учетом появления принципиально новых вызовов и стратегических рисков для глобальной безопасности при переходе в шестой технологический уклад представляется оправданным привести заявление Секретаря Совета Безопасности России Н.П. Патрушева от 4 июля 2013 г. «О четвертой международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности», состоявшейся 2–4 июля 2013 г. в г. Владивостоке [6].

В этом заявлении было подчеркнуто, что в рамках «Четвертой международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности» было «с интересом заслушано сообщение делегации Российской Федерации о современном этапе конвергенции наук и технологий как альтернативного ответа на новые вызовы и угрозы глобального характера. Подчеркивалась необходимость формирования нового эффективного международного механизма обеспечения безопасного развития и использования конвергентных технологий».

Как представляется, то государство, которое первым массово овладеет НБИК-технологиями, в том числе в военных целях, сможет диктовать свои правила игры в мировой политике. Ведущие государства разработали доктринальные основы использования ИКТ- и НБИК-технологии в противоборстве за глобальное информационное доминирование, в том числе путем гибридных войн и «цветных революций».

Именно данное обстоятельство побудило руководство России разработать «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.» (утверждены Президентом Российской Федерации В. Путиным 24 июля 2013 г. № Пр-1753). В «Основах», наряду с традиционной триадой угроз ИКТ (военно-политическая, киберпреступность и кибертерроризм), зафиксирована угроза использования ИКТ для вмешательства во внутренние дела.

Учитывая стратегическую важность данной проблемы, 1 октября 2014 г. на заседание Совета Безопасности России был внесен вопрос «О противодействии угрозам национальной безопасности РФ в информационной сфере». Выступая на нем, президент В.В. Путин подчеркнул: «Надёжная работа информационных ресурсов, систем управления и связи имеет исключительное значение для обороноспособности страны, для устойчивого развития экономики и социальной сферы, для защиты суверенитета России» [2].

На заседании Коллегии ФСБ России 26 марта 2015 г. В.В. Путин конкретизировал данные угрозы. «Количество кибератак на официальные сайты и информационные системы органов власти России не уменьшается, только в прошлом году их пресечено около 74 миллионов.

Кроме того, выявлено свыше 25 тысяч Интернет-ресурсов с публикациями, нарушающими закон. Прекращена работа более полутора тысяч экстремистских сайтов. Нужно продолжать очищать российское Интернет-пространство от незаконных, преступных материалов, более активно использовать для этого современные технологии, участвовать в формировании системы международной информационной безопасности» [1].

В целях противодействия угрозам информационной безопасности России при использовании информационно-телекоммуникационной сети Интернет Указом Президента Российской Федерации от 22 мая 2015 г. № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации» сегмент международной компьютерной сети Интернет

³ Перспектива включения в системную конвергенцию и, соответственно, в обозначающую ее аббревиатуру пятого компонента – Социо (S) пока только обсуждается.

для федеральных органов госвласти и органов госвласти субъектов Российской Федерации, находящийся в ведении ФСО России, преобразован в российский государственный сегмент Интернета, являющийся элементом российской части сети Интернет.

Порядком определено, что:

- Подключение информсистем и информационно-телекоммуникационных сетей к сети Интернет и размещение (публикации) в ней информации через российский госсегмент информационно-телекоммуникационной сети Интернет осуществляется по каналам передачи данных, защищенным с использованием шифровальных (криптографических) средств (далее – защищенные каналы).
- Защита информации в информсистемах и информационно-телекоммуникационных сетях, подключаемых к сети Интернет через российский сегмент, в том числе с использованием средств госсистемы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информресурсы России, обеспечивается в соответствии с законодательством России.

Принятие столь жестких мер Россией диктуется тем, что в США взят курс на *наступательную* стратегию кибервойны (разоблачения Э. Сноудена лишь подтверждают правильность данных мер).

Так, в начале 2015 г. Минобороны США приняло новую, по сути наступательную, стратегию кибервойны (стратегия кибербезопасности 2011 г. носила оборонительный характер).

В новой стратегии предусмотрены кибератаки на военные вычислительные сети и инфраструктуру противника в регионах, где США имеют свои интересы. Решение о кибератаке принимают президент США и министр обороны (например, вывести из строя командно-контрольные сети противника и лишить его способности применять оружие). За кибероперации отвечает Киберкомандование США (USCYBERCOM), созданное в рамках вооруженных сил США в 2010 г. К 2016 г. в USCYBERCOM должно быть около 6,2 тыс. человек.

Новую стратегию представил министр обороны Эштон Картер и назвал четыре государства, представляющие для США наибольшую угрозу в киберпространстве – это Китай, Россия, Иран и Северная Корея.

КИБЕРПРОЕКТЫ НАТО

Наибольшую угрозу миру представляют киберпроекты НАТО. Если в Декларация саммита НАТО в Лиссабоне (2010 г.) кибербезопасность была упомянута только один раз, то на саммите НАТО в Уэльсе (4–5.09.2014), кибербезопасность стала ключевой проблемой – 21 упоминание!

В Стратегической концепции НАТО, принятой в Лиссабоне, говорится о необходимости создания потенциала для выявления, предотвращения и защиты от кибернетических атак. Для этого требуется задействовать механизмы объединенного планирования, координировать национальные программы защиты киберпространства, включая совместную работу систем предупреждения и реагирования на кибератаки, а также создать единую систему информационной безопасности для всех структур НАТО. Таким образом, в стратегическую концепцию НАТО впервые включено положение о киберпространстве как новой сфере военной деятельности альянса. При этом в экспертных кругах полагают, что компьютерные атаки могут быть приравнены к началу боевых действий.

Особую роль в подготовке данной позиции сыграл созданный НАТО в 2008 г. в Таллине Объединенный Центр перспективных исследований НАТО в области киберзащиты (NATO Cooperative Cyber Defence Center of Excellence, см. URL: <https://ccdcoe.org/>).

Центр имеет статус военной организации, входит в систему 20 Центров перспективных исследований НАТО и насчитывает 48 экспертов из 16 стран. Цель – консультирование, обучение специалистов, исследования в области кибербезопасности.

Основные направления деятельности Центра: исследования, правовая поддержка, требования и стандарты для НАТО, разработка учебных программ, мониторинг и сбор данных, практическая поддержка учений НАТО.

Основным результатом экспертной работы центра стала публикация в 2013 г. Таллинского руководства по применению международного права к ведению кибервойн («Tallinn Manual on

the International Law Applicable to Cyber Warfare»), содержащего 95 правил, регламентирующих применение международного гуманитарного права к конфликтам в цифровой среде.

В начале 2016 г. ожидается выход второго издания, посвященного маргинальным кибератакам в мирное и военное время, в том числе правовому реагированию на киберпреступления.

Центр имеет мощную информационную базу, в том числе интерактивную базу данных INCYDER, электронную библиотеку публикаций, включая ведущие международные и национальные ресурсы, глоссарий и т.д.

Крупнейшие в истории НАТО транснациональные военные киберучения (Cyber Coalition) в ноябре 2014 г. и в апреле 2015 г. собрали свыше 1 000 экспертов из 16 стран НАТО. В ходе маневров были использованы реальные технологии, компьютерные сети и методы отражения кибератак.

По сценарию зарубежные атаки на условное государство дополнялись давлением со стороны СМИ и правовыми ограничениями.

Задачей экспертов была проверка готовности к оперативному обмену защищенной информацией о киберинцидентах, а также к координации усилий по обороне от целевых атак непосредственно на компьютерные сети НАТО.

Эксперты Центра принимали участие не только в учениях, но и в практических мероприятиях. Одним из них стало участие в виртуальном украинском фронте против «Киберберкута» под ником «Киберсотня».

Характерно, что в г. Риге НАТО создала еще один центр – Центр перспективных исследований в области стратегических коммуникаций (NATO Strategic Communication Center of Excellence, см. URL: <http://www.stratcomcoe.org/>). Центр представляет собой международную организацию, объединившую семь стран, включая прибалтийские государства, Великобританию, Италию, Германию и Польшу. США в проекте формально не участвуют.

Одним из первых результатов деятельности Центра перспективных исследований в области стратегических коммуникаций стало исследование деятельности русских троллей в социальных сетях⁴.

НАТО в 2013 г. завершила развертывание единой системы по реагированию на компьютерные угрозы, которая предназначена для своевременного выявления и нейтрализации киберугроз, а при необходимости и восстановления в работоспособности компьютерных сетей органов управления стран-участниц.

При этом остается открытым вопрос о разделении полномочий и сфер деятельности между национальными органами и альянсом. США и Великобритания выступают за возложение на НАТО всей ответственности за обеспечение защиты от киберугроз, что приведет к выстраиванию системы коллективной киберобороны на базе американских технологий и максимальном привлечении их IT-компаний. Однако наиболее развитые в области кибербезопасности европейские страны (Германия, Франция, Италия и Испания) относят вопросы строительства и управления киберпотенциалом к национальной сфере компетенции, отводя НАТО лишь роль координатора.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ И ЕЕ ПАРТНЕРОВ

Россия и ее партнеры не могли не отреагировать на новые угрозы кибер-НАТО. В утвержденной 25.12.2014 г. Военной доктрине Российской Федерации определены характерные черты и особенности современных военных конфликтов.

Среди них особое место занимает информационная составляющая:

- комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций;
- воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море;

⁴ URL: <http://www.stratcomcoe.org/internet-trolling-hybrid-warfare-tool-case-latvia>

В этих условиях в январе 2015 г. по инициативе стран – членов ШОС в ООН внесены «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности». Документ опирается на проект «Правил поведения в области обеспечения МИБ ШОС (был направлен 66-й сессии ГА ООН в 2011 г.) с учетом изменившихся реалий и предложений от заинтересованных государств.

Его особенность – миротворческий характер: в отличие от концепций НАТО по регулированию кибервойн, документ нацелен на их предотвращение. Он предлагает:

- не применять ИКТ для нарушения мира и для вмешательства во внутренние дела других государств и подрыва их политической, экономической и социальной стабильности;
- воздерживаться от применения силы или её угрозы при разрешении споров, возникающих в цифровой сфере;
- признать, что права человека должны защищаться не только в оффлайне, но и в онлайн согласно ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах;
- включить в понятие международной информационной безопасности также интернационализацию управления сетью Интернет, «наращивания потенциала» в сфере информбезопасности и преодоления «цифрового разрыва».

«Правила поведения» открыты для присоединения других государств.

8 мая 2015 г. в ходе визита Председателя КНР в Россию министры иностранных дел РФ и КНР подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в области МИБ [4].

Документ носит прорывной характер и выводит взаимодействие двух стран на принципиально новый уровень и предполагает, в частности:

- прикладной характер сотрудничества (совместное решение конкретных задач по обеспечению национальной и международной ИБ);
- диалог заинтересованных ведомств по вопросам МИБ;
- совместное реагирование на острые угрозы, включая противодействие использованию ИКТ в нарушение принципов международного права, в том числе для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва суверенитета, политической и экономической стабильности, разжигания межнациональной и межконфессиональной вражды;
- борьбу с использованием ИКТ в террористических и иных противоправных целях;
- обмен информацией о рисках и угрозах;
- взаимодействие по совершенствованию международно-правовой базы;
- совместные меры укрепления доверия, научные исследования, подготовку и обмен студентами, аспирантами, преподавателями;
- суверенное право государств проводить госполитику по вопросам Интернет, в т.ч. его интернационализации;
- углубление сотрудничества в рамках ООН, МСЭ, ШОС, БРИКС и форума АСЕАН по безопасности.

18 мая 2015 г. под председательством С.В. Лаврова состоялось заседание коллегии МИД России по теме «Глобальные вызовы в области информационных технологий. Задачи МИД по обеспечению международной информационной безопасности» [7]. В работе коллегии приняли участие высокопоставленные представители всех заинтересованных ведомств.

На заседании, в частности, было отмечено, что:

- современная обстановка характеризуется нарастанием угрозы использования ИКТ в противоправных целях и в нарушение общепризнанных норм международного права;
- современные военно-политические, террористические и криминальные угрозы в информационной сфере носят глобальный характер, и борьба с ними требует принятия адекватных мер в самом широком масштабе;
- приоритетом России остается выработка универсальных правил ответственного поведения государств в информпространстве, которые бы препятствовали попыткам совершения актов агрессии, закрепляли бы принципы уважения государственного

суверенитета, невмешательства во внутренние дела других государств, основных прав и свобод человека;

- взаимодействие со всеми государствами, проявляющими готовность противостоять попыткам милитаризации информационной сферы, содействовать выработке международных норм по мирному использованию ИКТ.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что доминантой развития цивилизации в среднесрочной перспективе *останутся ИКТ и НБИК-технологии*. При этом резко возрастает значение фактора *обеспечения информационной безопасности России*.

В силу этого требуется ускорить корректировку действующей Стратегии национальной безопасности (2009 г.), а также разработку и принятие новой Доктрины информационной безопасности России. Одновременно, совместно с партнерами по ОДКБ, ШОС и БРИКС необходимо договариваться о взаимодействии, в том числе в формате группы правительственных экспертов ООН по МИБ.

Альтернатива иррациональна – кибер-Армагеддон.

MEGATRENDS OF THE INFORMATION GLOBALIZATION

*Anatoly I. Smirnov, PhD, Professor,
President-Chairman of Scientific Council,
Extraordinary and Plenipotentiary Envoy,
member of Presidium of Russian academy of natural science
E-mail: aismirnov@niiglob.ru*

Summary

This article discusses megatrends of information globalization as a multidimensional process. Information and communication technologies (ICTs) have become the driver of the fifth technological order of civilization and the foundation of the sixth. In addition to the undoubted positive for socialization of humanity ICT have generated a fundamentally new threats - infogens. In the face of the deteriorating of international situation has sharply increased role of strengthening of the international information security (IIS). Offensive approaches of NATO and the United States to the problem of the IIS are radically different from the peace approaches of Russia and its partners in the SCO.

Key words: *technological way, the information globalization, information and communication technologies, international information security, the UN, SCO, NATO, China, USA.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Выступление В.В. Путина на заседании Коллегии ФСБ России 26.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49006>
2. Выступление В.В. Путина на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 01.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46709>
3. Глазьев С.Ю. Уроки современной революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» / С.Ю. Глазьев.- М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011.
4. Документы, подписанные по итогам российско-китайских переговоров 08.05.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4972>
5. Закон Мура. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%B0 10.01.2014
6. Заявление Н.П. Патрушева «О четвертой международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/794.html>

7. О заседании Коллегии МИД России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/zasedaniya_kollegii/-/asset_publisher/0kH5iObaLN9H/content/id/1283623
8. *Смирнов А.И.* Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. — М.: Издательский Дом «Парад». 2005.
9. ITU Statistics URL: <http://www.itu.int/ict/statistics>)
10. Measuring the Information Society 2014. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2014/MIS2014_without_Annex_4.pdf

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-58615 от 14.06.2014.

Ежегодник ИМИ

Сборник научных трудов

Выпускающий редактор *В.И. Шанкина*
Дизайн, вёрстка *К.Г. Шанкин*

ИМИ МГИМО МИД России

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Тираж 500 экз. Заказ №..... Подписано в печать2015.

